

Судьбы

Жанна Даниленко

Весёлый Ваш лучистый взгляд, Навек останется со мною, Довольна я своей судьбою! Никто ни в чём не виноват!..

===== Вера =====

— Может, закрутим маленький романчик на глазах у бабушки? — Он смотрел в ее перепуганные глаза и смеялся.

А она моргала, совершенно не зная, как отнестись к такому заявлению. С одной стороны, внутри что-то щелкнуло. Что-то такое, о чем она и не подозревала. Было приятно, безумно приятно, и еще...

Вера не думала в свои пятнадцать, что слова, которые в принципе ничего не значат могут доставить столько удовольствия. Но ей хотелось улыбаться в ответ.

Все прервал жесткий голос бабушки:

— Вы уже закончили, Алексей Эдуардович? Верочке пора заняться уроками.

Девушка встала, отложила бинты, которые сматывала вместе с ним, и извинившись, собралась в свою комнату.

— Вера, — остановил ее он, — ты же собираешься стать врачом, так приходи ко мне на дежурство, не обижу.

— Спасибо, смущенно произнесла она и под гневным взглядом бабушки отправилась в свою комнату.

Почему-то внутри все пело. Она так любила, когда Алексей приходил к ним в дом. Он был врачом и посещал больную бабушку. Последнее время ей становилось все хуже. Она еще ходила, но часто спотыкалась и падала.

Вот и сегодня она очень сильно упала, колено опухло, и наступить не было никакой возможности. Мама позвонила ему, а он как раз не дежурил.

Они вдвоем с Верой свозили бабушку на рентген, потом откачали жидкость из сустава и сматывали бинты, чтобы забинтовать ногу. Вот тут и поступило его непристойное предложение.

Планировал он его или не планировал, неизвестно. Может, сказал спонтанно, просто залюбовавшись молоденькой девочкой. А может, он действительно испытывал к ней какие-то чувства. Что там было, сказать трудно. Больше он в их доме не появлялся. Справлялись сами. Или вызывали его в самых крайних случаях. И он приходил в сопровождении жены или детей — трехлетней дочери и пятилетнего сына.

Вере очень нравились его дети, но была неприятна жена. Она не понимала почему, просто не понимала, но в ее внешности она все время находила какие-то изъяны. И глазки у нее очень маленькие, и слишком она полная. Совершенно случайно сказала об этом маме, но выслушала кучу всего. Ее, Верину внешность разобрали по косточкам, и после этого впору было в петлю лезть. И ноги у нее полные, и грудь большая, и вообще для тридцатилетней женщины она смотрелась бы ничего, а вот в ее пятнадцать... Она выглядит слишком взрослой, и ей учиться надо, а не на мужчин заглядываться.

Вере стало стыдно. Действительно, надо учиться и надо готовиться в институт.

Великое надо! А конкурс в медицинский не дай Боже! Но надо поступить.

Она вошла в ванную комнату, умылась прохладной водой и подняла глаза к зеркалу. Да, у нее большая грудь, а потому она сутулится, чтобы было не так заметно, но ведь и глаза у

нее большие. Пусть не очень красивого цвета. В семье у всех синие: и у мамы, и у дядьки, и у деда, только у бабушки серо-зеленые и у нее. А ресницы тоже красивые — длинные, до бровей. Вот брови... И почему ей так не повезло с внешностью?

Вот ее подруга!

Оля действительно необыкновенно хороша, с тонкой талией, хрупкая, кудрявая, черненькая, и все при ней. Все говорили, что краше ее не бывает, все соседи и все знакомые. И умница она, и хозяйка, что надо. Вон и приготовит, и уберет, а на Веру сердились — кто тебя что делать заставляет, ты учишься только! Почему не учишься?!

На этот вопрос ответа у Веры не было, она училась. И училась очень неплохо — на отлично! Но мама и бабушка считали, что этого мало. Уроки надо делать дольше, вот у знакомых дочь сидит три часа, а то и все четыре, а ты — час и готова, так не бывает.

Выход, правда, быстренько нашелся, в виде книжки в письменном столе. В ящике ей оказалось самое место — то, что надо. А если слышались шаги, то ящик закрывался, и книжки как не бывало. Так проходили положенные три часа, а то и все четыре, если совсем зачитается, а потом можно было бежать к подруге.

Они учились в разных школах, Вера с математическим уклоном, а Оля с гуманитарным. У них были разные школьные подруги, разный круг общения. Но жили они в соседних квартирах, а потому были почти сестрами. Оля старше Веры на два года. Только в доме из двадцати четырех квартир детей их возраста больше не было. Вот они и нашли друг друга. И родители нашли. Их мамы очень дружили. Тетя Сильва, так звали Олину маму, учила девочек шить и вышивать, и вязать, и пироги печь. А Верина мама занималась с Олей дополнительно математикой, потому что той в институт надо было поступать в этом году, а Вере через год.

Не было тайн у девочек друг от друга. И конечно Вера поведала Оле о том разговоре с Алексеем за сматыванием бинтов.

— Представляешь, говорит: «Давай романчик закрутим на глазах у бабушки».

— А ты что? Вот он дурак!

— Почему дурак?

— Ему лет сколько?

— Двадцать восемь. А что? Так ведь на глазах у бабушки! Шутил он, понимаешь, шутил. И вообще он женат, у него дети, но он первый мужчина, который посмотрел на меня.

— А в классе никто не смотрит? Ну и ты и наивняк!

— В классе? — Вера задумалась. — Нет, в классе никто. А на тебя?

— Ты знаешь, со мной Андрюшка сел в этом году. На переменах ходим вместе.

— Так он же на кота похож.

— Чем?

— Усами и голосом. Он противный. И папаша у него учитель.

— А у тебя мама кто? Вер, ну не дуркуй. Тебе вон Алексей Эдуардович приглянулся. А он точно не тот, кто тебе нужен.

— Мне никто не нужен. Только и Андрей мне не нравится!!! Я не могу объяснить, понимаешь, в нем есть что-то отталкивающее, я же люблю кошек, а он хоть и кот, но мерзкий.

— Просто ты еще ребенок.

— Я?

— Ты!

— А ты?

— Я — нет, я взрослая. Ты вот курить пробовала?

— Курить?! — У Веры глаза полезли на лоб, она расстроилась, насупилась, вскочила и, хлопнув дверь Олиной квартиры, крикнула: — Если ты куришь, я никогда к тебе не приду! Домой она вошла жутко расстроенная и возбужденная.

— Верочка, что случилось? — спросила бабушка. — Ты поссорилась с Оленькой?

— Нет, все нормально. У меня уроки, я пошла, — ответила Вера.

Книжка не читалась, думы не думались, все было кувыркком. Перед глазами то и дело возникало лицо улыбающегося Алексея, появлялись мысли, что он просто пошутил. Конечно, пошутил. А как иначе? Ведь не может взрослый женатый мужчина запать на школьницу, тем более что его жена с мамой работает. Значит, пошутил! Просто не очень удачно. Бабушка повела себя странно, и мама тоже, глупые они какие. Он же женат, а женатые мужчины просто делают комплименты другим женщинам, но в мыслях у них только любимые жены.

Так Вера и не поняла, как сочетать женатого и недоступного мужчину с тем странным чувством, которое зародилось у нее внутри. Но она была уверена, что пройдет время, она поступит в институт и обязательно пойдет к нему на дежурство, ведь он очень хороший врач и вообще такой милый...

===== Алексей =====

Алексей в которой раз проходил мимо школы и все смотрел на вход. Он вызвался гулять с детьми в свой выходной, но так хотелось увидеть ее. Он понимал весь абсурд своих желаний. И даже понимал, что она никогда не посмотрит на него как на мужчину. Она не так воспитана, у нее другая психология. Но его все равно тянуло к ней.

Просто поговорить, посмотреть на нее. Он часто приходил сюда с детьми, ждал и дожидался. Она выходила из дверей, как правило с подружкой, потом они болтали какое-то время, затем прощались, и каждая шла в сторону своего дома.

Он следовал за ней.

Она никогда его не замечала. Всегда погруженная в свои мысли, она вообще никого не замечала вокруг. Но такое невнимание касалось только людей.

Путь домой шел через сквер. Вернее, она выбирала путь через сквер. Он шел следом на каком-то расстоянии и видел, как она битый час могла смотреть, как резвятся синички или воробьи. Могла гладить колючие лапки голубых елей или играть в догонялки с белкой. Иногда она садилась на лавочку и учила что-то из устных предметов или просто глядела на небо!

А он удивлялся, но в эти минуты наблюдая за ней, ему было очень уютно на душе.

Когда она уходила, он с детьми возвращался домой.

Нет, у него не было к ней чувств, да и какие чувства могли возникнуть у отца семейства к нимфетке. Нет, он просто любовался ею.

Они встретились почти случайно три года назад в железнодорожной больнице, где он работал. У него только что родилась дочь, и жена сидела дома. Тогда и позвонила ее коллега — мама Веры, с просьбой помочь госпитализировать ее мать, то есть бабушку Веры. Он согласился, случай был интересный, достаточно редкое заболевание. Вот он ее положил и вел сам. Интересно же. Даже диагностика была трудной. Он ее консультировал у кого только мог, но сколько врачей, столько мнений, и разбираться пришлось самому. Назначил лечение, стало легче, но все равно погряз в литературе, это было уже делом чести.

Мария Михайловна была интересным человеком. Фармацевт по образованию, она практически не работала после замужества, все ее время занимали ее родители, родители мужа, а после их смерти — дочь и внучка. Внучку растила именно она. Дочь была практически единственным кормильцем в семье. Мария Михайловна была достаточно привередливой, на все имела свое оригинальное мнение и свои привычки. Как правильно и как хорошо, знала только она, и ее слово было законом. Одной из ее причуд, как казалось Алексею, было то, что она не ела больничную пищу и даже не заходила в столовую.

Еду привозила дочь.

Вот именно по поводу еды для бабушки они и познакомились с Верой.

В этот день обед привезла двенадцатилетняя Вера. То ли транспорт подвел, то ли она засмотрелась на что-то, или не нашла сразу больницу, но приехала она в тихий час. И как положено, ее к бабушке не пропустили.

Вот тут началось самое интересное. Девочка на полном серьезе стала доказывать вахтерше, что если бабушка не получит горячий обед, то умрет с голоду. Потому что больничную еду есть просто невозможно, и дело не в том, что это не вкусно, ее готовят без души. А если в еду не вложена душа, то еда вредит организму.

Она доказала свою точку зрения, и вахтерша поверив ей, пошла за лечащим врачом, то есть за Алексеем.

Когда он спустился в фойе больницы, то увидел Веру всю в слезах. Девочка повторила свою пламенную речь о вреде больничного питания. Ему же стало просто смешно, он взял сумочку с едой из ее рук и отправился к бабушке. Стоило ему только намекнуть на то, что Вера привезла обед, бабушка разрыдалась. К такому повороту событий молодой тогда совсем врач готов не был. Пустить девочку в тихий час в отделение он тоже не мог, и он пошел к ней рассказать... Так и ходил раза три от одной к другой, передавая сообщения, а они все плакали. Бабушка, что внучку не увидела, а внучка, что с обедом опоздала.

Вот так он увидел Веру впервые. А потом его просто наняли для лечения бабушки. И он ходил в дом раза два-три в месяц.

Бабушка же и не думала выздоравливать, болезнь постепенно прогрессировала и текла как-то совсем атипично. А вот внучка росла и превратилась в почти взрослую девушку, с очень даже интересными формами.

А еще она решила поступать в мед. И Алексею казалось, что не без причины. Она с ним была всегда очень уж мила.

Его предложение о романе на глазах у бабушки при сматывании бинтов было шуткой, хотя приглашение на дежурство — очень даже настоящим. Пусть девочка посмотрит, куда лезет. Может, она и не представляет, как оно все на самом деле, и нет там птичек и еловых лапок в профессии. Вдруг у нее романтика играет, или начиталась чего. Он действительно хотел помочь ей, она ему была небезразлична.

Но Мария Михайловна обвинила его черт знает в чем, а мама Веры ее поддержала. Ему было велено приходить в дом не одному, а только в сопровождении семьи.

Дети в общении с Верой не мешали, она к ним была очень даже расположена.

В этом городе он оказался потому, что женился. Великой любви, наверно, не было. Хотя по началу казалось, что была. Он увлекся. Очень сильно увлекся выпускницей литературного института, а она была из Алма-Аты. Возвращаться домой в Архангельск ему не хотелось, возможности остаться в Москве, где он учился, не было совсем. К тому же Наталья забеременела. Это решило все. Им отдали родительскую квартиру в самом центре города, он

устроился работать в одну из клиник, и все было хорошо, но душа требовала большего. Только чего, он сам не понимал. Ведь было все. Редко у кого из его сокурсников, вот так сразу, было все, а у него было.

Даже частной практикой Бог не обидел. И деньги водились всегда. И удовольствия от работы было предостаточно. И друзья в отделении что надо.

Потом родилась дочь. Любил он ее безумно, больше, чем сына. А она еще копия он: и светленькая, и глазки голубые, и большие, распахнутые, не то, что у Натальи. Вот тогда, после рождения дочери, для себя решил, что просто обязан вырастить детей, и никогда не думать о разводе. А кто, если не он.

Да и жена не так уж и плоха, если присмотреться.

Вот город не нравится, он тут чужой, и люди здешние ему чужие. Другие они, с не такими, как у него, привычками, с иными понятиями. А климат — это нечто. Ужасное жаркое лето и холоднющая зима. Но ничего, он почти привык.

Вот это «почти» его очень сильно напрягало. Там — «почти» достаточно, тут — чуть-чуть не хватило, так и жил: «почти» счастливо!

Всего хватало на работе. Вот то место, где он был абсолютно счастлив. Его очень любили больные, а он любил их лечить. У него были хорошие руки и острый ум, то есть именно то, что делает хирурга хирургом от Бога. Он умел лечить даже словом, и был хорошим психологом. Его боготворили, его просто обожали, им восхищались.

Да и внешне он смотрелся на все сто. Высокий, под метр девяносто, хорошо сложен. С интересным, запоминающимся лицом. Он разбил не одно сердце. И не одна смазливая медсестричка рыдала в уголке, когда его жена являлась к нему на работу в отделение или приемный покой. А она являлась, потому что считала необходимым напоминать о его статусе женатого мужчины.

Зато на работе в школе она — библиотекарь — слыла почти королевой. Она была лисичкой, хитренькой, миленькой, когда надо слабенькой, а когда требовалось участие в чужой судьбе, то Наталья могла стать лучшей подругой.

Мама Веры — Ирина Вениаминовна, очень ценила ее за это. По природе своей сухая и вся очень правильная, она и Наталью считала такой же.

Только никак не могла взять в толк, почему их с Алексеем сын родился через полгода после свадьбы. Но у них такая замечательная семья, что этот досадный факт можно опустить. Молодые жили в Москве, вдали от родителей, вот и согрешили. Ирина долго думала над этим, но решила не обращать внимание на такие мелочи.

===== Неприятности в школе. =====

Оля поджидала Веру после школы во дворе.

— Вер, привет!

— Привет!

— Долго дуться будешь?

— А ты правда пробовала курить?

— Это так важно?

— Это не правильно.

— Вера, в жизни не бывает все правильно. Почему у тебя все делится на правильно и не правильно?

— А как? Бывает полуправильно? Или бывает недопреступление, или недоубийство?

— Бывает пятерка с минусом, а бывает с плюсом, никогда такого не получала? А если

получала, то разницу должна чувствовать.

— Да, чувствую. Пятерка с минусом — это почти тройка, а с плюсом нормально.

— Опять у тебя крайности. Ну да ладно. У нас мир?

— Мир.

— Зайдешь вечером?

— Маму в школу вызывают.

— Твою? Смеешься?

— Нет, я сегодня на истории отвечала про культ личности Сталина.

— И?

— Был открытый урок, а я вспомнила записки Светланы Аллилуевой и процитировала.

— Где записки взяла?

— У Ермака.

— Ты ненормальная, ты знаешь, чей он сын?

— Знаю, министра.

— Да, Веруня, с тобой не соскучишься. А Сталин что?

— Я пыталась увидеть в нем человека. Они не поняли. Спросили, по какой литературе я ответила. Я сказала, что читала статьи, интересовалась.

— Ну хоть тут ума хватило.

— Я же не могу Ермака подставить.

Дома был скандал. Маму вызвали к директору, сорвав ее с уроков. Она была жутко зла. Она кричала на Веру, что та читает что попало. Что в ящике стола она вчера нашла томик Мопассана, а это не та литература, которую должна читать школьница, лучше бы Пушкина взяла.

Вера рассмеялась, причем так, что остановиться уже не могла. Она смеялась так заразительно, что к ней присоединились и мама, и бабушка. Когда они отсмеялись, мама спросила:

— Пушкин так смешон?

— Как идеал нравственности? Конечно!

Дальше речь пошла о том, что маме дали на одну ночь перепечатанного Булгакова «Мастер и Маргарита». Правда, третий экземпляр, но разобрать можно.

— Мам, ты же все равно не успеешь за ночь, а я успею, — пристала к ней Вера.

— Хорошо, уроки в первую очередь. Потом прочтешь, а мне расскажешь. Где ты научилась так быстро читать?

— У твоей Натальи в библиотеке книгу брала по скорочтению. Интересно, я научилась читать сверху вниз охватывая сразу строчку, а вот углом страницу не потянула.

Этот вечер и последующая ночь были заняты Булгаковым. Утром Вера вернула листы матери.

— Дочь, я надеюсь, ты в школе его цитировать не будешь? Знаешь, что тебя спасло, по поводу Сталина?

— Нет.

— Они все читали записки, но сказать об этом не смогли. Они бы сами признались в чтении запрещенной литературы.

Вера пожала плечами и пошла в школу.

Она не слышала, как мама с бабушкой обсуждали ее поведение, говорили, что она выходит из-под контроля, что перестает быть послушной, и с этим надо что-то делать. А еще

у нее сумбур в голове потому, что читает бесконтрольно и неизвестно что. Что надо заняться дополнительно физикой и химией. В медицинский сумасшедший конкурс. А она хочет только на лечебный факультет. А еще говорили о подруге Оле. О том, что она встречается с сыном учителя физики, который работает с мамой, и это хорошо, потому что мальчик из хорошей, правильной семьи, а сама Оля — чудная девочка, и почему Вера не хочет брать с нее пример, совершенно не понятно.

Вечером того дня Вера решила поговорить с подругой. Но... той не было дома. Тоже самое повторилось и наследующий день, а потом и на следующий. А дальше тема исчезла, устарела и стала неактуальной.

А потом случилось событие, которое затмило все, что происходило. К Вере пришел отец. Вернее, он поджидал ее у школы.

— Вера, — окликнул он ее.

— Мы знакомы? — спросила она, прекрасно зная, кто перед ней. И пусть она видела его всего раза три за всю свою жизнь, но он был слишком значимой для нее фигурой. Он был человеком, которого она ненавидела.

— Верочка, дочка, я хочу наладить отношения. Я многое осознал.

— Не смешно! Отношения можно налаживать, если они были, а у нас с Вами, Юрий Степанович, отношений никогда не было. А потому налаживать нечего.

— Вера, ты жестока.

— Я жестока? К кому? Я должна испытывать к Вам какие-то чувства? На основании того, что Вы мой отец? Но мы не знакомы, я не знаю Вас, да и знать не хочу. Я должна быть благодарна за то, что Вы дали мне жизнь? Но Вы у меня не спрашивали, нужна ли она мне, а посему, это не моя проблема.

— Вера, я хочу мира. Я хочу познакомить тебя с твоим братом. Твоя мать была против нашего общения с тобой, я не виноват.

— Моя мать меня вырастила и воспитала. Она любит меня. А Вы? Если бы я была нужна Вам, то Вы нашли бы пути и возможности общения. Но Вы не нашли.

Она побежала в сторону дома. Было мерзко. Ее просто переполняла ненависть и раздражение, она бежала не разбирая дороги, пока не наткнулась на кого-то.

— Вера, что случилось?

Ее обнимал Алексей. Она не оттолкнула его. Ей так нужно было поговорить, а он был... Она не понимала, кем он был для нее, но рассказала о встрече с отцом, о том, как ненавидит его. О том, как ждала его всю свою жизнь. Верила, надеялась, что человек, давший жизнь, не может отказаться и бросить, что так неправильно. Так не должно быть. Рассказала, что врала всем, называя своего отца героем потому, что другого не хотела, а потому выдумала его. И самое страшное, что любила его выдуманного. А реального просто не знала. О том, что однажды он пришел к ним домой, она болела и не ходила в школу. И она вышла к нему, чтобы посмотреть просто и понять, кто он.

А он не обрадовался, не кинулся к ней, как она того ожидала. А спросил:

— Ты Вера? Я твой отец.

А потом долго врал, что ее любит, что обеспечит ее будущее, что отправит ее учиться в Москву. Но так и не обнял, и не поцеловал, и даже не попрощался за руку, а просто ушел, получив от мамы какие-то документы. Совсем ушел...

Тогда отец просто перестал существовать: и реальный, и вымышленный. Закралась в душу ненависть, потому что обманул. И она не простила. И не простит никогда.

Алексей слушал и молчал, он все еще обнимал ее, портфель валялся рядом. Он гладил ее волосы, смотрел ей в глаза и молчал. А она говорила и говорила. Плакала и плакала. А потом, как-то одномоментно, закончились и слова, и слезы. Она высвободилась из его объятий, сказала: «Спасибо, что Вы меня выслушали», — пошла домой. А он долго смотрел ей вслед и думал и о ней, и о себе, и о жизни, такой непредсказуемой и совсем неправильной. Трудно сказать, о чем он думал и к каким выводам пришел. Одно он понял точно. Он никогда не обидит эту девочку, ей очень нужен друг, и он постарается стать ей просто другом, чтобы можно было кому-то высказаться, и кто-то просто поймет и не осудит...

===== Сожаление =====

Мама держала в руках вскрытый конверт. Бабушка смотрела на ее изменившееся лицо с напряжением.

— Ира, что?

— Мама, он умер.

Она сползла на стул.

— Кто умер?

— Юра. Вот извещение о прекращении поступлений алиментов в связи со смертью отправителя.

Вера все слышала, только не очень поняла, почему мама так расстроилась. Ну умер и умер. Не велика потеря.

Но мама плакала и так искренне переживала. Потом пошла звонить куда-то. С кем-то говорила по телефону. Долго, очень долго, и все плакала. Затем рассказала бабушке, что у Юры оторвался тромб после операции и застрял в легочной артерии. Что она говорила с его последней женой, и та сказала, что его старшие дети подали на наследство, предпоследняя жена тоже, и ждут только ее. Потому что матери являются представителями своих несовершеннолетних детей.

Вера совсем растерялась. Получалось, что кроме нее у него были еще дети. Он говорил с сыне, а еще есть какие-то старшие. Ничего непонятно. А мама все рассказывала, что жалко, совсем молодой, всего пятьдесят два года, и такая нелепая смерть. Что мог бы жить и жить.

— Мама, о чем ты, — Вера вышла из себя, — кто он такой? Никто и звать его никак! Он не стоит твоих слез! Он чужой и ненужный, никчемный совсем!

А мать выпрямилась, с гордостью посмотрела в глаза дочери и сказала:

— Я любила его всю жизнь. Он был и есть единственный мужчина, которого я любила. Ты его дочь, и ты не смеешь судить ни его, ни меня.

Вере стало ее очень жаль, ведь переживала она искренне, и видно было, что переживала, и что любила его, тоже видно, вот только непонятно. Почему, если любила, то разошлась. Почему за всю жизнь слова доброго о нем не сказала. Почему получала от него деньги и не говорила дочери. Оставались одни «почему», но самым главным «почему» было то, что Вера считала своего отца недостойным человеком, а мать — почти идеалом женщины. Так как идеал мог всю жизнь любить недостойного человека?! Или она ошибается? Или все не так, а она просто не знает как.

Что оно все значит, где правда, и как ее понять.

Мама точно ничего не расскажет, и отец уже не расскажет, а ведь он приходил к ней. Получается, перед смертью. Зачем приходил?! Может, за прощением?! А она не простила! И даже сейчас, узнав о его смерти, все равно не простила. Правильно ли это?

И если нет, то как простить, если оно не прощается? И кто теперь грешен больше — он, потому что умер не прощенный собственной дочерью? Или она, не сумевшая понять и отпустить обиду?

В голове крутились вопросы. Только задать их было некому. Потому что нормального ответа, который ее устроит, который раскроет суть, она не получит. Ни от кого, ни от бабушки, которая точно ненавидела ее отца, ни от матери, которая, как оказалось, любила только его, но почему-то скрывала свои чувства, и развелась с ним много-много лет назад.

И это был далеко не первый вопрос, так мучивший ее и оставшийся без ответа. Не принято было у них в семье задавать спорные вопросы, и не принято было обсуждать то, о чем не сходились мнения. Все было либо правильным, либо нет. Вера должна была принимать правильную сторону, и поступать правильно, и жить правильно.

Только с каждым новым прожитым годом жизнь вносила свои коррективы...

С Олей они почти не виделись. Та училась, готовилась в институт, потому что у нее, в отличие от Веры, был десятый класс. А Вера училась только в девятом.

Но про то, что произошло, Вера Оле все-таки рассказала. А та заявила, что чисто по-человечески, отца жалко. И детей его жалко, и что сын у него, наверно, совсем маленький, он же много младше Веры. А другие дети совсем взрослые, и удивилась, что Вера никого из них ни знать, ни видеть не хочет. Она считала, что должен быть зов крови, и вот эта кровь должна сблизить их, потому что они родные.

Вера думала. Долго думала над сказанными подругой словами. Только истину в них не увидела. Не было зова крови. Она считала, что остальные дети Юрия Степановича должны ненавидеть его так же, как и она. Она даже представить себе не могла, что кого-то из них он мог любить. Нет, всем поровну, вот и нет у него любви к детям, и никогда не было. И у них к нему никогда любовь не возникала, вот жил человек в нелюбви и умер от нелюбви. И ей его нисколечко не жалко.

А потом как-то вечером к ним в дом пришла женщина. Молодая, замужняя. Немного интересная внешне, пришла с кучей фотографий и села разговаривать с мамой и бабушкой. Вере было неинтересно, и она хотела уйти к Оле. Но мама не пустила, объяснив, что это ее сестра по отцу Галина.

Галя была старшей его дочерью от первого брака и всю свою сознательную жизнь, а именно с восемнадцати лет, общалась с отцом и его женами.

Как выяснила Вера из разговора, мама была его третьей женой. От второй жены родилась дочь Татьяна, и они с Галей даже дружили, пока Татьяна не уехала к мужу в Ленинград.

Развод с моей мамой, по словам Гали, Юрий Степанович переживал очень тяжело, и во всем винил Верину бабушку. Вот она с его матерью не могла общий язык найти, отсюда и ссоры, и развод, и запрет видеть дочь.

Вера не выдержала. Никто и никогда не имеет право обвинять в чем-либо любимую бабушку. Галя ступевалась. А потом рассказала про предпоследнюю жену, от которой родился сын Юрий Юрьевич, но в разводе была виновата мать Юры. Опять не ужилась она со свекровью сына. А потом он женился на женщине с ребенком, хотел удочерить ее дочь, но не успел — умер. Галя ушла, а мама с бабушкой все обсуждали непутевого Юрия Степановича. Только обсуждали по-разному, мама с сожалением и тоской, а бабушка с раздражением и какой-то брезгливостью.

Только Вера никак не могла взять в толк, почему ее лишили отца. За что?

Какой бы он ни был, он ее отец, и она имела право его знать... Только уже не имеет ни отца, ни права.

Дальше в душу закралась ревность, он общался с другими детьми. А потом подняла голову ненависть. Зачем он их столько наплодил? Чтобы всех бросить?! Она бы не бросила, никогда!!! И тут она поняла, что была объективна в своих чувствах, а значит ненавидела его правильно, и не простила правильно, и не простит уже никогда!!!

Она просто уверовала в свою правоту и отпустила мысли об отце, то есть совсем перестала о нем думать.

Ее больше волновала подруга и ее неправильное увлечение котообразным Андреем.

А Оля была влюблена. Той нежной, пылкой первой любовью, на которую способно сердце семнадцатилетней девушки. Она бежала в школу только с мыслями о нем, они ходили на переменах за ручку, он провожал ее домой и оставался с ней до самого вечера. Они целовались в подъезде и в палисаднике дома, где жили Оля и Вера, на глазах всех соседей. Они были счастливы, насколько могут быть счастливы влюбленные.

Но что-то мешало их счастью. Вернее, не что, а кто. Кто? Разве не понятно? Единственной помехой их счастью была самая близкая подруга Оли — Вера.

Она его не принимала и не воспринимала.

Оля была уверена, что во всем виновата история с отцом Веры.

Но Андрей терпеть не мог Веру точно так же, как и она его.

===== Непонимание =====

Чем дальше встречалась Оля с Андреем, тем большая пропасть разделяла их с Верой.

Девочки выросли вместе, они были единым организмом до встречи с Андреем. Они всегда всем делились и все самое сокровенное несли друг другу. Трудно сказать, что они были подругами, они были сестрами. И пусть одна черноволосая, а другая почти блондинка, пусть у них разные родители, но они были вместе. И родители дружили, и жили, казалось, одной семьей. Все печали и горести были общие, и радости тоже. И дни рождения, и праздники — все вместе.

Детство девочек выпало на необыкновенное время, а, может, оно казалось необыкновенным потому, что это было детство. У них были общие воспоминания, общие игры, общие мечты.

Они любили друг друга той трепетной любовью, которая дается чистым сердцам и безгрешным душам. И казалось, что это навсегда, навечно...

Потому что нет той силы, которая сможет разлучить их, просто нет. Но на деле оказалось все совсем иначе. Такая сила нашлась в образе мужчины, которого одна почему-то любила, а другая ненавидела. Нет, у нее не было других чувств к нему, только ненависть. Вера придиралась ко всему: к цвету волос, к усам, к манере говорить, к голосу. Ее раздражало в нем абсолютно все. Даже если бы он попытался ухаживать за ней, она бы его отвергла. Потому что отрицала его, и все! Оля же такое дикое нетерпение к ее избраннику списывала на ревность. Она считала, что Вера просто ревнует ее к парню.

Пыталась объяснить подруге, что это разные чувства и понятия разные. Что она как была ее подругой, так и осталась, а Он — это совсем другое.

Вера же доказывала, что Он — это ничтожество. Котяра, не достойный внимания, и что Он — это вовсе не «Он». Что Он просто кажется тем, кто нужен Оле. Она чувствовала это на уровне подсознания и доказать свою правоту никак не могла, чем вызывала дикое раздражение.

Каждая встреча подруг заканчивалась ссорой. Но их тянуло друг к другу, и они продолжали встречаться, потому что жизни друг без друга не представляли. Они просто не обсуждали больше Андрея. Они были счастливы в своем привычном мире, одном на двоих...

Но как яблоко изнутри выедает червь, так и их мир постепенно становился все менее ярким и радужным. О чем-то молчала Оля, это чувствовала Вера, о чем-то не спрашивала Вера, и это понимала Оля. Недосказанность и недопонимание становились тем самым червем, поедающим дружбу.

Пришло лето... А затем осень.

Оля уже была студенткой педагогического института, Вера перешла в десятый — выпускной класс. Андрей же не поступил в медицинский и устроился работать санитаром. И куда бы вы думали? Конечно, именно туда, где работал Алексей, и в то же самое отделение. Другого места он просто найти не мог. Из двенадцати городских больниц, он выбрал именно ту.

Андрей проводил с Олей все свободное время. Вера же занималась кроме школы еще дополнительно химией и физикой. Общение с подругой стало урывками. Да и интересы резко поменялись. Оля стала взрослой, а Вера...

Это было больно. Она осталась совсем одна. С бабушкой можно было поговорить далеко не обо всем, а с мамой тем более. Оставалось придумать свой мир и жить в нем вдали ото всех. Мир был всегда разный, чаще связанный с тем, что она читала в данный момент из художественной литературы.

Нет, вы не подумайте, отношения у Веры с родственниками были очень теплые, и они любили друг друга. Но раскрыть душу — это показать и ее темные стороны. Мысли тем и хороши, что о них никто не догадывается и прочесть не может. Потому что в мыслях можно все. Даже мечтать о мальчишке из другого класса и понимать, что нравится он совсем не так, как товарищи-одноклассники. Только произнести это или показать никак нельзя. Потому что бабушка обязательно скажет, что ее дело — учиться и становиться человеком, а о мальчиках думать она еще успеет. Сейчас же она еще слишком мала для этого.

Зная практически все ответы, можно не задавать вопросов.

Шло время, приближался день рождения Оли. Его подруги отмечали всегда, и всегда вместе. Вера заглянула в ЦУМ после школы присмотреть подарок. Она долго бродила по отделам, но ничего интересного не нашла. А хотелось купить что-то особенное, подруге исполняется восемнадцать. Ничего не найдя в ЦУМе, отправилась в ювелирный, может подвеску присмотрит. Но в ювелирный она не вошла, так как заметила у прилавков с кольцами Олю с Андреем.

Так ни с чем она вернулась домой. Дома все-таки рассказала о том, что видела Олю с Андреем в ювелирном бабушке.

— И чему ты удивляешься? — спросила бабушка.

— Что они там делали?

— Смотрели подарок ко дню рождения. Я не понимаю тебя, и никто не понимает. Андрей — хороший парень. Все рады их дружбе, одна ты... Я даже слов подобрать не могу, что ты творишь? Чем он плох? Ты можешь объяснить?

— Нет.

— Тогда не мешай. Это не твое дело. Кроме ссоры с Олей ты ничего не добьешься, понимаешь?

— Но он не тот. Понимаешь, не тот! Она не будет с ним счастлива, это ошибка!

— Ты говоришь так только потому, что завидуешь ей. У нее есть парень, а у тебя нет.

— Такого и не надо! И не завидую я. Неужели так трудно понять, что зависть мне не присуща, я живу с вами пятнадцать лет, шестнадцать скоро! Просто я переживаю за нее, и все!

— Так не переживай, они красивая пара. И да, мама говорила, что они собираются пожениться через год. Вот он поступит в институт, и они поженятся. Только учти, что твоего места в их семье не будет. Так что не лезь, куда тебя не просят.

— Я пытаюсь раскрыть вам и ей тоже глаза на него.

— Чем? У тебя есть хоть один аргумент?

— Нет.

С тем Вера и ушла в свою комнату. На следующий день она купила подарок подруге — золотую подвеску, маленькую очень, но купила, потому что хотела такое, чтобы запомнилось. Только подарить ее она уже сама не смогла — передала через Олину маму.

Оля попросила ее на день рождения не приходить. Так хотел Андрей. А еще у нее соберутся новые подруги, а они студентки, и школьнице Вере нет там места, потому что она не доросла. Оля предложила отметить вдвоем на следующий день. Вера отказалась. Хлопнула дверью и ушла. Долго ревела в своей комнате, даже ужинать не пошла. А в пятницу отправилась на улицу и наблюдала за праздником, глядя с улицы в освещенное окно. Вспоминалось многое. Очень многое, что связывало их все эти годы.

Вспомнила, как отец Оли водил их гулять в парк Культуры и отдыха. Как они всегда надевали одинаковые платья и одинаковые туфельки. Им всегда, или почти всегда покупали одинаковые вещи, только разного цвета.

Вспоминала, как прохожие останавливались и разглядывали девочек, совсем не похожих, но одинаково одетых. Уж очень они были яркими и очень контрастными. Одна темноволосая и черноглазая, другая совсем светленькая. Они же всем говорили, что они сестры. А отец Оли смеялся и отшучивался от расспросов. Даже кукол им покупали одинаковых, только Оле блондинок, а Вере брюнеток.

Слезы тихо текли по лицу. Ничего этого уже не будет, все осталось там позади...

Горько и больно. Вот это действительно больно, вот это потеря! Вера подумала о матери, которая оплакивала смерть отца, вот, наверно, точно так же, как Вера сейчас оплакивает конец дружбы.

И поняла очень важную вещь — когда есть чувства, то терять тяжело...

Она ведь раньше никого никогда не теряла и не понимала этого, а теперь так остро поняла.

===== Экзамен =====

Позади остались выпускные экзамены в школе, да и выпускной вечер тоже. С одной стороны, это радовало. Появилось чувство свободы!

Причем откуда оно взялось, было совершенно непонятно, по идее его быть не должно было. Все оставалось как раньше. Помимо одного: в ящике с документами кроме свидетельства о рождении и паспорта, выданного в шестнадцать лет, появились аттестат об окончании средней школы и золотая медаль.

Оставалось только сдать химию в институт на отлично, и можно жить спокойно в качестве студентки.

И она занималась день и ночь. Практически без перерыва и на глазах у бабушки. Чтобы,

не дай Бог, не отвлекалась на посторонние вещи, чтобы не читала книгу в ящике стола и не вздумала мечтать.

Вере казалось, что она уже не читает вслух, а просто наизусть рассказывает учебник. Но бабушка считала, что этого мало, заново решались задачи, и снова читались страницы учебника, и так до бесконечности, до шума в ушах, до дикой головной боли, почти до потери сознания. И в один момент Вера поняла, что ничего не видит. Вообще ничего.

Бабушка вызвала с работы маму. Началась паника, вызвали скорую помощь, потом позвонили Алексею.

Врач скорой просто вколол димедрол и спазмолитик, только для того, чтобы девочка уснула. Он просил дать ей хотя бы сутки отдыха.

Алексей приехал после работы. Вера только пыталась проснуться от действия лекарств. Зрение вернулось. Дальше был серьезный разговор с Ириной и с Марией Михайловной о том, что они сломают Веру, что так нельзя, что она знает весь необходимый объем, а то, что они делают, лишнее. Они же на пару доказывали, что ни денег, ни блага у них в мединституте нет. И другого пути поступить, кроме как выучить, они не видят.

В конце концов, они просто поругались. Он ушел со словами, что они не родители, а садисты.

В этот день Вера больше не занималась, за учебники ее посадили только на следующее утро, и все началось сначала.

В день экзамена мама была просто сама не своя. Наставления, что и как делать, не иссякали.

Вере же было просто все равно. Главное, что эта пытка закончится, а дальше уже будет то, что будет.

Она взяла билет и села писать. Писала долго, брала дополнительные листы, но и их оказывалось мало, брала еще. Наконец ее вызвали отвечать. Ответила, экзаменаторы посмотрели записи.

— Для кого Вы все это писали?

— Для вас, чтобы не было спорных вопросов.

Они откровенно рассмеялись все втроем.

— Председателя комиссии ждать будете?

— Конечно.

— Он будет спрашивать с пристрастием.

— Я готова.

Ждать пришлось долго, очень долго, несколько часов.

Но Вера отличалась завидным упорством. Наконец он пришел. Внимательно посмотрел ей в глаза, потом на исписанные листы бумаги.

— Кому диссертацию писали? — игриво спросил он.

— У Вас есть вопросы?

— У меня нет, а у Вас?

Вера ступевалась. Он поставил «Отлично» так и не задав ни единого вопроса по химии. А потом, когда уже расписался, спросил.

— Медалистка?

— Да, — ответила Вера.

— Поздравляю с поступлением! Свободна.

Вера покидала аудиторию на ватных ногах.

Она выбежала на улицу после того, как несколько раз расписалась в каких-то бумагах, и уже с полным осознанием произошедшего. Она была счастлива. Просто невероятно счастлива и готова была поделиться своим счастьем со всем миром...

Около мамы стояла Оля. Они разговаривали. Внутри все опустилось.

С Олей они не общались с того самого дня, то есть почти десять месяцев. Они не здоровались, сталкиваясь в подъезде, они переходили на разные стороны дороги, замечая друг друга. А тут? Как себя повести?

Вера отчетливо осознавала, что Оля пришла не к ней, сегодня сдает Андрей, она в списках видела его фамилию. Но, слава Богу, не попала с ним в одну группу.

Деваться было некуда, Оля продолжала находиться рядом с мамой, и обе смотрели на Веру.

Она подошла и с гордо поднятой головой сообщила, что поступила. Мама кинулась ей на шею, а Оля произнесла:

— Поздравляю, а Вы так волновались, Ирина Вениаминовна! Я же говорила, что она сможет, она сможет все.

Слезы навернулись на ее глаза, и она пошла прочь.

Вера тоже плакала. От всего сразу, и от счастья, переполнявшего ее, и от усталости, и от того, что подруга ушла, а ведь все могло сейчас измениться, но нет, не изменилось...

Они с мамой вернулись домой, где их ждала бабушка с горячим обедом. По дороге они купили торт «Сказку» и теперь радовались всей семьей втроем.

Вера все время поглядывала в окно — очень хотелось увидеть Олю. Та действительно вернулась вместе с Андреем, и они целовались прямо напротив Вериною окна.

Значит, он сдал. Только ему еще сдавать биологию, физику и сочинение. А Вера все — отстрелялась.

Следующий день начался с визита в деканат, где Вере предложили сдать дополнительно физику и ехать учиться в Московский медицинский на факультет биофизики или генетики по ее выбору.

Ей очень хотелось, просто очень. Физику надо было сдать в виде собеседования, и она это сделала даже не выходя из деканата, московские представители были жутко довольны.

Только бабушка прямо изменилась в лице, услышав последние новости.

— То есть ты можешь оставить мать и уехать?!

— Но это же здорово, это такая перспектива.

— Да, перспектива у тебя, а о матери ты подумала? Кто у нее есть кроме тебя? Ты уедешь, и все, у тебя своя жизнь. А она останется одна, совсем одна. Ты знаешь, что такое одиночество? Дай Бог тебе этого не знать! А потом, кто тебя будет содержать в Москве? Мать Москву не потянет. Она итак работает на две с половиной ставки, и ученики еще дома. А ты лишь потребитель. Но жизнь твоя и решать тебе.

Вера проплакала всю ночь. Она думала, думала о многом, о перспективе, о мечтах, о том, как хочется вырваться из этого города в центр. Но потом она опять возвращалась мыслями к маме, которой она даже не сказала про Москву, и что все невозможное так близко. Она понимала, что мама важнее, что бабушка больна, и к чему все идет неизвестно, да и мама не молодая совсем. Она родила Веру в тридцать один, то есть ей уже сорок семь. А это почти старость. Конечно, о маме так думать не хочется, но пятьдесят-то точно старость.

Решение было принято. Утром она пошла в деканат и отказалась от Москвы.

===== Колхоз =====

Август у Веры прошел в походах к портнихе и по магазинам с мамой. Она должна была выглядеть. В школе ей вполне хватало формы. А тут... Тут совсем другое дело. К первому сентября все было собрано: и одежда, и обувь — все в полном комплекте.

Самый нужный подарок принес Алексей, он пришел в гости к бабушке и подарил Вере три новеньких белых халата и колпаки к ним. По размеру они подошли идеально.

Вера от радости даже чмокнула его в щеку, чем вызвала огромное неудовольствие бабушки и довольную улыбку Алексея.

Первого сентября в деканате было объявлено, что все студенты первого курса едут на месяц на сельскохозяйственные уборочные работы. Едут недалеко, совсем рядом с городом. Собирать томаты и перец.

Вера жутко радовалась. Это возможность познакомиться и подружиться. Узнать, кто с тобой в одной группе и на одном потоке, потому что группы у них совсем маленькие — не больше одиннадцати-двенадцати человек.

Определили Веру в экспериментальную группу, где были собраны одиннадцать медалистов и одна женщина уже со стажем работы фельдшера, но вот как она туда попала, никто не знал. Такую группу создали впервые, решили посмотреть, каков будет уровень успеваемости при изначально высоком потенциале.

А пока будущие врачи собирали помидоры. И это оказалось не таким уж простым делом. Нормативы никто не выполнял. С поля возвращались настолько уставшие, что голову с кровати поднять не могли. А еще все время хотелось есть. Готовили на всех старшекурсники, и есть эту еду можно было с большим трудом, но это первые дни. Потом улетало все с превеликим удовольствием, а самым большим деликатесом был обычный хлеб с маргарином. Это стало просто необыкновенным лакомством. Маргарин ставили просто на столы, мажь на хлеб сколько хочешь. И они мазали, потому что голод — он есть голод.

Умывались холодной водой, туалеты, естественно, на улице. Душ тоже.

Зато вечером дискотека! Усталость долой и отплясывать можно было бы хоть до утра, и гулять, и смотреть на небо и на звезды... А какие были звезды! Это совсем не городские звезды! Они гораздо ярче, они мерцали и переливались на черном с синим отливом куполе неба. Вера с новыми подружками рассматривали и узнавали созвездия, и наслаждались свободой и предвкушением взрослой жизни. Ведь мечтать под звездами — самое милое дело. Особенно когда тебе и семнадцати нет.

По ночам рассказывали страшилки и визжали от ужаса, если кто чем-нибудь при этом стукнет или уронит на пол.

Вот и в эту злосчастную ночь она с Ларисой и Ирой пошли прогуляться по лагерю. Обошли барак, в котором жили, потом столовую, и проходя мимо зарослей камыша, увидели целующуюся парочку. Девочкам стало жутко интересно, кто уже за неделю сумел завести роман, и они решили разглядеть их поближе.

Каково же было удивление Веры, когда в парне она узнала Андрея. Настроение пропало. От веселья не осталось и следа. На душе было горько. Увиденное просто не укладывалось в голове.

Она смотрела ему в глаза, а он ей. Это была дуэль взглядов. Со стороны могло показаться, что она застала с другой своего парня, а именно так и подумали Ира и Лариса.

Да и сама Вера воспринимала все как личное оскорбление. Боль души была настолько велика, что она даже не могла сказать ни единого слова. Они продолжали смотреть друг другу в глаза, она — с ненавистью, он — с презрением.

Молчание прервал он:

— Я надеюсь, у тебя хватит мозгов молчать?! — с вызовом произнес он.

Вера не ответила, просто развернулась и пошла в другую сторону.

Душа рвалась на части. Она не понимала, как он мог. Там ведь дома осталась Оля. Ее Оля, которая пошла на разрыв отношений с ней из-за этого ничтожества. Оля, с которой они целый год не разговаривают. Он предал самого близкого ей человека, то есть практически предал ее. Она поняла, что вызывало в нем отвращение — он был лицемером. Он был не настоящим, а лживым до мозга костей. И как теперь жить с осознанием того, кто на самом деле он?! Как защитить подругу? Как не дать ей совершить самую большую ошибку в жизни? Ведь она не должна выходить за него замуж. Не должна!!!

Но и рассказать подруге она ничего не может. Будь она на месте Оли, она бы просто не поверила. Решила бы, что его оболгали. И что делать в этой непростой ситуации, и с кем посоветоваться, Вера не знала. А потому опять варилась в собственных мыслях и эмоциях. Переживала жутко и наблюдала за развитием отношений Андрея с Юлей.

А они обнимались у всех на глазах и пропадали куда-то каждую ночь. Вера следила. Видела, как они встречались после отбоя и уходили далеко за столовую в поля.

Она решила молчать. Вообще никому не говорить ни слова об этом. Она не обсуждала ничего с новыми подружками, ничего не сказала маме и бабушке по возвращении. А с Олей они так же не разговаривали, так что там было совсем просто молчать. Только на душе все так же скребли кошки.

Через несколько дней по возвращении из колхоза начались занятия.

Вера пыталась узнать у мамы, как обстоят дела у Оли. Но мама ничего не знала, она считала, что все нормально. Ее больше волновало, что Наталья все время жалуется на Алексея. Дескать, он все время на работе или лежит на диване, или спит, или смотрит телевизор. Что совсем не помогает с детьми, а она не справляется, у них скандалы. Чтобы немного стало легче, она сына отвезла к маме Алексея в Архангельск. И в школу он пошел уже там. Мама говорила, что хороший муж должен помогать жене, а бедная Наташа...

Вера почему-то не считала Наташу бедной. И работу библиотекаря в школе и работу нейрохирурга в нейротравме сравнить не могла. А потому на это вообще не отреагировала.

Ее волновала Оля. И то, что она не должна выходить за Андрея. Она неоднократно встречала Андрея в институте и все с этой Юлей.

Так прошел месяц, приближался день рождения Оли. В этот раз Вера не поздравит подругу. Это точно.

В этот день Вера возвращалась домой позже обычного, задержалась в библиотеке.

Сегодня был день рождения Оли. Но Вера слышала, как после лекции Андрей обсуждал с Юлей поход в кино. Значит, к Оле он не собирался. Она опять расстроилась, в который раз.

Перед тем как войти в свой двор, Вера остановилась и печально помотрела на Олины окна. Там было тихо и пусто. Снова стало дико обидно за подругу. Эту Юлю с Олей и сравнить было нельзя. Юля ей в подметки не годилась! Опять возникли вопросы: «Почему?» и «Как он мог?». Но ответов не возникало, и Вера пошла дальше.

У крыльца стояла Оля...

Вера напротив. Они смотрели в глаза друг дружке, они улыбались друг другу глазами, они так мечтали об этой встрече...

— Ты домой? — нарушила тишину Оля.

— С днюхой! — ответила Вера.

Они рассмеялись и обнялись.

— Ко мне? Отметим?

— Ага, только бабушке скажу.

Они пили чай с тортом, и говорили, и говорили обо всем, что случилось с каждой со времени размолвки. Оля о своих подругах и учебе, Вера о своих. Темам для разговоров не было конца. Этот год оказался так насыщен событиями и важен для обеих. А они не общались, хотя ближе друг другу никого не было.

Только одна тема оставалась под запретом, ее не коснулся никто из них.

Ну и что? Зато они снова были вместе...

===== Ссора =====

Ирина Вениаминовна и Сильва Вартановна решили летом девчонок отправить отдыхать, на целый месяц. По этому поводу велась активная переписка с родственниками, живущими в Москве и Ленинграде. Да-да, именно в Ленинграде, потому что Питером он тогда еще не был.

Подруги были на седьмом небе от счастья. О таком даже и подумать не могли, а тут такой подарок. И понятно, что жить они будут у одной из тетюшек и скорей всего Вериней. И само собой, что она будет следить за ними не хуже родителей. Но погулять и посмотреть все, что только можно, они успеют. И помешать им никто не сможет.

Но все это ждало их еще только летом, в августе. А пока занятия, сессия и практика. Но разговоры разговаривать можно и сейчас.

Бабушка Веры чувствовала себя все хуже. Руки в кистях очень болели, и ноги в стопах тоже. Она почти не ходила, а из дома не выходила вообще. Алексей приходил раз в неделю. Но проводимое лечение не помогало. Он снова приводил консультантов, но те только руками разводили.

Давали новые и новые обезболивающие и противовоспалительные, кололи витамины, и гормоны, но ничего не приносило облегчения.

Мама работала на две ставки в школе, а в свободное от школы время брала учеников. Надо было платить докторам бабушки и собрать деньги на поездку.

Вера же помогала дома по мере сил. Котлеты научилась делать, суп варить, лапшу катать, но главным в ее жизни оставалась учеба.

С Олей они встречались не очень часто, больше время занимали подружки в институте. И хотя Вера была знакома с Олиными, и Оля с Вериными, но интересы не совпадали. Те литераторы, не понимали медичек, и наоборот.

А еще образовались темы на которые подруги не говорили, и прежде всего о парнях.

О том же, что Алексей все время приглашает Веру на дежурства, Вера не говорила никому. Очень хотелось пойти и посмотреть, как все происходит в больнице на самом деле. Первый курс чисто теоретический и в стационарах студенты не бывали.

Но мама ее точно не отпустит, а бабушка еще и выговорит, все. Хотя ничего криминального в дежурстве нет. Это работа и все. Только работа. Почему они пытаются в этом какой-то еще смысл увидеть, Вера не понимала.

Но тут произошло еще событие, которое заставило и думать забыть о дежурстве и об Алексее тоже.

Мама пришла совершенно расстроенная из школы, и позвала Веру, чтобы поделиться новостями с ней и с бабушкой одновременно. Проблема касалась Алексея и его жены Наташи. А принес ее в их семью ни кто-нибудь, а Андрей. Он рассказал своему отцу,

который работал в одной школе с Наташей, что у Алексея связь с медсестрой из отделения нейроонкологии. Причем, пока он работал санитаром в нейротравме, он ничего не говорил и не рассказывал, а как только стал студентом, так его прорвало на откровения, а его отец по секрету шепнул всем учителям школы. Кто из них донес информацию до Наташи, остается только гадать. Но факт в том, что донес. В результате между супругами состоялся скандал. Сначала один, потом другой, потом третий. Затем скандалы стали системой, и он ушел... Наташа утверждала, что она выгнала Алексея. И самое страшное, как казалось Наташе и маме, и бабушке, что ушел жить к той самой медсестре.

Они причитали, и осуждали его.

— Не понимаю, — вдруг возразила Вера, — а куда ему надо было идти? К друзьям? Так они все семейные. Выгнать не надо было. Она сама толкнула его к любовнице.

Дальше ее называли бесчувственной и глупой. Но Вера осталась при своем мнении. Бабушка убеждала ее в неправоте взглядов. Что она сухая и черствая, и совсем не сочувствует Наташе.

Что он просто гад, что у него двое детей, а он смотрит на медсестру. Вера согласилась, что о детях надо было подумать. Но вот Наташе почему-то не сочувствовалось...

История с Алексеем и Наташей обрастала все новыми подробностями и событиями. Наташа подговорила дочь попросить отца вернуться. А с дочерью он встречался регулярно.

Он вернулся и почти месяц в семье был мир. Потом следующая ссора и он снова ушел.

Но тут Наташа обнаружила, что она беременна.

Как быть она особо не думала и сделала аборт. Но начались осложнения, и она в тяжелом состоянии попала в больницу. Оттуда она и позвонила Алексею на работу. Сначала поговорила с заведующим отделением рассказала о своем состоянии, а потом уже с ним самим.

Он пришел в больницу и сказал, что аборт она сделала зря. Надо было рожать, но это ее выбор и она его сделала даже не посоветовавшись с ним, и не известив его о ребенке. Что к ней он теперь точно не вернется.

Наташа ревела у мамы в кабинете. Мама была солидарна с ней и сочувствовала как могла несчастной брошенной женщине.

Потом она, конечно, приносила информацию домой. Возмущению бабушки не было предела, аж до слез. Она осуждала человеческую подлость в лице Алексея. И даже отказалась от его услуг в качестве врача.

— Хорошо, — сказала Вера, — кто придет теперь? Кто выпишет рецепт или принесет новую упаковку обезболивающих. Я не понимаю, он не твой муж, и из солидарности с глупой бабой ты будешь терпеть боль? А сможешь ли ты ее терпеть?

— Как у тебя язык поворачивается?! Как ты не понимаешь, она чуть не умерла после аборта, а он ее бросил.

— Не надо было делать аборт.

— А что по твоему надо было делать? Рожать?

— Да.

— То есть ты на полном серьезе считаешь, что при такой обстановке в семье, надо было оставить беременность и остаться одной с тремя детьми?

— Да. Я так считаю. Во-первых он бы остался с ней. Во-вторых он, как отец, имел право знать о ребенке и принимать участие в его судьбе. В-третьих она совершила убийство, а за убийство надо платить.

— Убийство?

— Да убийство! И не говори мне, что он не человек, такой же человек как ты и я. Если я вам буду не угодна вы тоже меня убьете?

— Не пори чушь! Чтобы рожать ребенка надо иметь соответствующие условия, а у Наташи их нет.

— Но ребенок уже был.

— Тем больший он гад. Предохраняться не мог что ли.

— То есть в том, что она убила виноват он?

— Да, когда ты родилась и тебе еще года не было, твоя мать думала, что беременная, я твоему отцу такой скандал устроила, так он все понял.

— Понял, настолько, что когда мне было полтора они разошлись. А теперь ты объясни. Какое право ты имела устраивать скандал моему отцу? У тебя своей жизни никогда не было, ты деда загубила, а он любил тебя всю жизнь. Матери жить не дала, чего ты хочешь? Чтобы я слушалась тебя. Так нет, я не такая, как вы, и такой как вы никогда не буду. Не хочу!

— Потому что у тебя души нет. Ты холодная и бесчувственная!

— Зато я не убийца! И не буду убийцей!

Вера ушла в совою комнату, а бабушка продолжала плакать. И теперь уже не из-за печальной судьбы Наташи. А из-за того, что внучка холодная и бесчувственная, что не умеет сочувствовать и сопереживать чужому горю.

А мама пыталась ее утешить и убедить, что Вера еще слишком молодая, а потом вдруг вспомнила, что могла иметь не одного ребенка и пожалела, что не случилось... Выросли бы, где одна, там и еще... Комментарий к Ссора Я никому не навязываю свое мнение. Но иметь его я имею право, так же как любой другой человек.

===== Каникулы =====

Наконец закончился учебный год, и экзамены были сданы. Пусть совсем не так как хотелось, но все-таки сданы. И стипендию Вера честно заработала и даже повышенную — сорок пять рублей. Можно было сдать лучше, но как-то расслабилась она в институте. И контроль уменьшился, бабушка была не в силах следить за учебой внучки. А потому, все было пущено на самотек. А Вера что? Вера рада. Красный диплом в ее планы не входил. Входило стать специалистом, а сдуреть от зубрежки — нет, это не про нее. Она им получила медаль в школе, и хватит.

Началась практика.

Совершенно потрясающая практика, в совершенно необыкновенном месте. Просто сам Бог туда Веру послал. А именно ее взяли санитаркой в операционную отделений хирургии. О таком же только мечтать! Нет, работа суточной не была. А лишь каждый день, включая субботы. Ух, и старалась же она. Все было вымыто в лучшем виде, и потом, понимая, что перед ними будущий врач, хирурги ее пускали посмотреть на операции. Объясняли все по ходу, короче учили. А они были все просто необыкновенно милые. И так искренне заботились о новой санитарке — студентке. Даже обедать с собой звали, и относились как к равной, вызывая огромное неудовольствие медсестер и младшего персонала. Но Вера никогда ни от кого не получала столько внимания, а потому радовалась каждому его проявлению. Самое главное, что ей было все жутко интересно. Она с таким удовольствием считала салфетки, что все диву давались. А считать салфетки дело очень важное и нужное.

Операционная сестра, подавая салфетки хирургу, считает их, и после операции, выброшенные салфетки в таз пересчитывает санитарка в операционной, только если

количество сходится, рану зашивают. Проблема состоит в том, что пропитанная кровью салфетка совершенно сливается с операционной раной, и может быть там забыта, а потом она нагнаивается, так как отторгается организмом, как инородное тело.

В общем, что только не делалось за время практики. Кайф и только! Но всему хорошему приходит конец, и практика тоже закончилась.

Билеты в Москву взяли заранее. Договорились с Вериной тетушкой, что жить девочки будут у нее. В Ленинграде девочки останутся у сестры деда Веры, ей правда за восемьдесят и живет она в коммуналке, но ничего. Встретить их должен был в аэропорту троюродный брат Веры — Левка. Правда она его никогда не видела, дома были только его детские фотографии, присланные когда-то его отцом. В настоящее время Левка работал в каком-то НИИ и занимался проблемами робототехники.

Но с ним созвонились, и он обязательно их встретит. Правда как его узнать, Ирина Вениаминовна понятия не имела и дала очень точное описание племянника: «высокий, черный, красивый!»

Но ему узнать девочек было проще, уж очень контрастные и яркие.

Багаж оказался не очень уж и мал. У каждой из подруг по чемодану с вещами. А еще по пять коробок яблок. Как можно лететь в Москву без алма-атинского апорта! А еще абрикосы и виноград! Родственников много и у той, и у другой, как можно в гости без гостинцев зайти, а отметить надо у всех. Они же жаждут увидеть, как выросли и во что превратились казахстанские родственницы. Да и гостинцам будут рады.

В аэропорт их отвез отец Оли. Коробки сдали в багаж. Приземлились в Домодедово, получили багаж. Кое-как перетаскали его на улицу. И стали разглядывать встречающих, ища глазами Левку. Но такого парня, чтобы понравился сразу обеим, не находилось. Все с каким-то изъяном, то красивый, но не высокий, а то высокий, но не красивый. Остановились на одном. Вот он им ничего показался. Смотрят девочки на него в четыре глаза, а он не реагирует.

— Оля, он тебе как?

— Симпатичный! Но он на нас не смотрит.

— Подойди, спроси.

— Что?

— Нас он встречает, или не нас.

— Вот так прямо и спросить?

— Ну да. Иди и спроси, твой же родственник.

Оля осталась с чемоданами и коробками, а Вера пошла к тому парню.

— Скажите, пожалуйста, Вы кого встречаете? — робко спросила она.

— Ну уж точно не вас! Шла бы ты...

Вера вернулась к коробкам. Ждали они около часа. А потом Вера осталась с грузом, а Оля отправилась на стоянку такси. Так они все-таки добрались до тетушки. Как потом выяснилось, Левка не смог встретить девочек. А если совсем честно, то и думать забыл, что они должны прилететь.

Они тоже особо не расстроились. Главное добрались, а все у них еще впереди. Следующие несколько дней посвятились посещению родни, развезли яблоки. А потом пошли в туристическое агентство и взяли путевки на все интересующие их экскурсии.

Жили они этот месяц так, как им хотелось. Никакого контроля и минимум опеки. Купили себе еды. На завтрак ели бутерброды с майонезом и колбасой. В Алма-Ате о

майонезе еще и не слышали, разве привозил кто, а тут, пожалуйста, так и завтракали майонезом под ворчание тетушки. На обед мороженое, предпочтительней лакомка. А на ужин пирожные всякие, их полно везде было. И вкусные такие... А еще бананы — лакомство невиданное, и кола. Вот и вся диета.

Где-то к концу второй недели такого «диетического» питания многие предметы одежды стали катастрофически малы. Но девочки совсем не расстроились, и отказались от мяса и колбасы. Не от пирожных же отказываться! Посмотрев самые известные места Москвы, они взяли однодневную путевку в Суздаль. Там действующие монастыри, а это жуть, как интересно и необычно.

Поехали. Экскурсовод оказался приятным молодым человеком, и девочки ему сразу понравились, особенно Оля. Конечно, Оля, яркая и броская, в отличие от менее яркой Веры.

Он сразу посадил Олю с собой рядом. Вере пришлось довольствоваться обществом как-то пожилой дамы. Рассказывал, правда, Витя, очень даже интересно, и скучать особенно не приходилось. В перерывах между рассказами он мило любезничал с Олей, а та периодически привставала и оборачивалась со своего места, переглядываясь с Верой. В Суздале посетили музей деревянного зодчества, монастыри: женский и мужской. Попали на православную службу в соборе. Веру поразили глаза молящихся отрешенные и пустые. В церкви она была у себя в городе, и в Никольской церкви, и в Вознесенском кафедральном соборе, но таких глаз не видела. Это были новые ощущения, и для нее, и для Оли. Все-таки служение Богу отрекаясь от всего земного было не в их духе. О чем они тут же заявили Вите, который смеялся на все их аргументы в пользу мирской жизни. Потом был обед в ресторане и медовуха... Медовуху Витя пить не советовал, но причины не объяснил, чем только разбудил любопытство. Конечно, они выпили по стаканчику, очень даже вкусного и оригинального напитка. Вот тут и начинались настоящие приключения. Встать из-за стола в ресторане оказалось очень проблематичным делом. По стеночке выползли на улицу, и расхохотались, их мотало из стороны в сторону, действовать алкогольный напиток начал с ног. Они вдоль здания, прячась за спины прохожих, почти просочились мимо Вити, надеясь, что он их не заметит. А потом два часа бродили по городу. Самое интересное, что смешно было все. Купили матрешки, потом сидели на лавочке и собирали и разбирали их. Что-то вспоминали, и хохотали как одержимые. Но пришло время возвращаться к автобусу. Они зашли на рынок, купили черноплодную рябину, сушенную, потому, что свежую довести до Алма-Аты не представлялось возможным. На следующий день долго думали, зачем она им была нужна. Витя проводил их дома тетки и назначил свидание Оле. Она встретилась с ним один раз, и сказала, что он не тот человек. Потом они ездили в Ленинград, три дня ходили по Эрмитажу, съездили в Павловск, и в Петергоф, и в Царское село. И даже ходили смотреть, как разводят мосты... Правда перешли на Васильевский остров, и мосты развели... Вот волновалась тетушка, когда девочки пропали на всю ночь. А им пришлось ждать пока пройдут все корабли и мосты сведут снова, чтобы вернуться домой. Вот так и погуляли... Незабываемо, впервые самостоятельно, и вместе. Как две сестры. Поправились, правда, но ничего... Когда девочки, как два колобка скатились с трапа самолета, родители были в шоке, они прибавили кило так по пятнадцать.

Радовались встрече, как никогда. Обнимались и целовались, и делились впечатлениями, прямо в аэропорту.

Но тут появился парень, с букетом цветов и вручил их Оле. Оля немного растерялась, а потом представила его Вере и родителям.

— Это мой друг. Сергей!

===== Проблемы =====

— Привет, Верочка!

— Привет! Олю ждешь?

— Жду.

Вера посмотрела на него с улыбкой и вошла в подъезд. Сергей был просто очень мил. Ну это ей так казалось. Нет внешне он был достаточно обыкновенный, но такой добрый, внимательный. Прямо такой, каким должен быть молодой человек. Он очаровал ее еще там в аэропорту. Вот так пришел с цветами... И не постеснялся, ни родителей, ни ее подругу. Романтика да и только. Да и внешне он казался Вере много симпатичней Андрея.

Правда после его явления в аэропорту, она объяснилась с Олей. Ей было очень обидно. Почему за тот месяц, что жили бок о бок, и все время находились вместе, Оля ни обмолвилась ни одним словом о нем. Она понимала почему они не говорили никогда об Андрее. Это было больно. А потом признать правоту другого человека сложно, порой невозможно, надо переступить через себя. Оля слишком гордая, чтобы признать себя не правой, тем более перед младшей по возрасту Верой. Она всегда, чувствовала, что в их отношениях она доминирует, а тут...

Вера принимала такие правила, уж очень любила Олю. А вот то, что Оля скрывает существование Сергея было неприятно. Оказалось, что познакомились они этим летом, в то самое время, когда Вера проходила практику. Олю отец отправил на Иссык-Куль, на их базу отдыха, а Сергей отдыхал на соседней. Там и познакомились. Подробности Оля не рассказывала, но с Сергеем встречалась. Иногда они даже брали с собой Веру погулять. Вера иногда соглашалась, а чаще отказывалась. Зачем мешать подруге. У нее же самой в личной жизни ничего не происходило. Вот просто совсем ничего, как-будто ее и не существовало вовсе, или она невидимая какая. Каждое утро она смотрела на свое отражение и ничего не понимала, вроде бы даже она симпатичная, и глаза у нее очень даже ничего, большие и не глупые, и волосы длинные и пушистые, но не смотрят. Пытаясь исправить положение она с каждым днем все гуще красила ресницы, но не помогало.

Мама возмущалась, она была в корне против крашенных ресниц, а бабушка обещала, что они вылезут у Веры полностью через год другой.

Но нравиться хотелось сегодня и сейчас, а потому, что случится через год другой волновало мало. Только она не нравилась... Вернее не нравилась ровесникам. Зато очень даже нравилась преподавателям. Честно говоря ее это возмущало. Они взрослые люди имеющие семьи, а кто и детей ее сокурсников и вдруг предложение о встрече... Нет, это явно не для нее. Суть проблемы ей растолковал ее однокурсник, с которым Вера дружила. Ну как дружила, он иногда изливал ей душу, а она ему. То есть, в определенные жизненные моменты кому-то из них требовалось поговорить, и они говорили, сидя в кафе-мороженое или просто прогуливаясь по парку. Вот такая подружка только мужского рода. Асан, так звали ее друга поведал Вере, что парням она не нравится, потому, что полненькая. Что нравятся худые и тонкие, а Вера, она нет, хоть она и очень хорошая девочка, но не во вкусе она современной молодежи. Вот он тоже не далеко худой, так тоже девочки на шею не вешаются. Вера понимала, что проблема Асана в другом. Он слишком много знал, и рассуждал совсем на другом уровне, чем их сверстники. А такие умные, тоже не очень котируются. Решила Вера похудеть. Совсем отказаться от еды у нее не получилось. Голова кружилась. Тогда она ограничилась только утренним кофе. К кофе ее приучила мама давно,

в классе в шестом, когда бабушка заболела. Каши по утрам Вере больше никто не варил, а самой ей, каши были поперек горла, а вот чашка кофе и бутерброд с колбасой, так оно само то. Так и привыкла. И маме удобно, не надо за дочкой ухаживать, приготовила ужин на всех и все. Бабушка ела то, что оставалось от ужина. Во время описываемых событий бабушка слегла почти совсем, то есть по квартире она уже не передвигалась. Ее и в туалет надо было отвести, или ей ставили все рядом с кроватью.

Короче, Вера была предоставлена сама себе, и от еды она отказалась совсем, ну кроме кофе.

Так прошло девять дней, эффект был хорошим. Вещи стали на ней болтаться, но и голова кружилась все сильнее и сильнее. Но это эффект голодовки, так она думала.

А потом случился грипп, но на занятия ходить надо. Вот выпиваешь так три таблетки аспирина, и еще с собой, в нос наливаешь всякой гадости, чтобы не тек. Горло забрызгиваешь чем есть, или растолчешь стрептоцид и засыплешь в нос, чтобы до горла достало, и идешь на занятия. Если там температура поднимается, то можно еще аспирин съесть.

И все это Вера проделывала при полной голодовке, если кофе растворимый индийский за еду не считать. А еще занятия и учеба дома, и помочь бабушке надо. И накормить, то есть, пока еще подать, ела она сама. Потом убрать. Голова кружилась все сильнее и... стало падать зрение. А грипп никак не проходил. Но сказать о своих проблемах Вера боялась. Бабушка и так тяжело переживает свое состояние, а мама так замотана и так устает, что ей совсем не до Веры, так зачем еще ее беспокоить. Но и болеть бесконечно тоже невозможно. Уже обмороки были, всего пару раз, но были. И она решила посоветоваться с врачом, а именно с Алексеем Эдуардовичем, потому, что она ему доверяла.

Выбрала день, когда занятия проходили в больнице где он работал, и в большой перерыв между парами, пошла к нему в отделение.

Но он был на операции, зато все сотрудники ее разглядывали как диковинку какую.

Повторила она попытку после занятий. В коридоре наткнулась прямо на него.

— Вера?!

— Я к Вам, Алексей Эдуардович.

— Вижу, что ко мне. Сказал бы, что рад тебя видеть, но не рад. Ты на кого похожа? В чем дело? Ну-ка пошли.

Они расположились в ординаторской. Он внимательно слушал ее рассказ и мрачнел все больше. Потом повел ее к окулисту. После осмотра сообщил, что домой он ее уже не отпустит, а положит прямо сейчас. Конечно же она отказалась. Ей же учиться надо. Но вот лечиться она не возражает. Ей пришлось выслушать все о ее безобразном и безответственном поведении. А на выражения он не стеснялся. Потом вместе с Верой поехал к ней домой. Там осмотрел бабушку и в бабушкином присутствии Веру. Дождался маму и сообщил ей, что у Веры серьезное осложнение гриппа. Воспаление сосудистой оболочки головного мозга, в области хиазмы глазных нервов. А потом долго выговаривал им, что за девочкой все-таки надо следить, а то пустили все на самотек. Что решили, что она хорошая сама по себе, так и плюнули, ничего типа не случится. А вот случилось. Потом говорил, что учеба это не главное, что здоровье гораздо важнее. Нервничал, кричал на них, а они рыдали на пару и утверждали, что ничего не знали. Потом набросились на Веру, обвинив ее, что она молчит, и ничего никогда не говорит. Что надо все рассказывать и лечиться как положено, а не ходить с гриппом на занятия.

Вера опять смолчала, просто согласившись со всеми обвинениями. Как она могла отсиживаться дома, когда даже в начальной школе ее отправляли на контрольные с высокой температурой. Так какая разница.

Но разве, что докажешь. Ведь она ничего не понимает в жизни и всегда не права.

Наконец мама с бабушкой успокоились, и снова перевели разговор на неходячую бабушку. Но там развивалась аутоиммунная патология и ничего с ней сделать было не возможно, и так сдерживают как могут.

С Веры взяли слово, что она каждый день после занятий будет ездить на лечение. Алексей же обещал сделать все возможное и невозможное для Веры. На том все успокоились.

Мама убежала на кухню готовить, а Вера отправилась учить на завтра. Что она вылечится она почему-то не сомневалась. Ведь Алексей может все.

Алексей же вернулся домой и своей подруге рассказывал о Вере. А она его уверяла, что он сможет помочь девочке, что главное остановить процесс. А он сможет, потому что лучший.

===== Приговор =====

— Верочка, пойми, лучше уже не будет. Ты видишь, так как ты видишь. Мы приложим все силы чтобы все осталось на этом уровне. Ты адаптируешься и будешь полноценным человеком.

Вера смотрела на свои руки в синяках. Синяки оставались от дверных ручек и косяков, в которые она врезалась. Она мысленно отвечала ему, но только мысленно, потому что так привыкла, потому что чаще всего говорила сама с собой. Да и что она могла сказать в ответ. Согласиться, что привыкнет, что адаптируется?! А возможно ли это?! В своей квартире ей было комфортно, она ее знала, как свои пять пальцев. И там, в отличие от института, никто не оставлял стулья и табуретки в неподобающем месте. Она их не видела, спотыкалась, налетала на предметы, на двери. На людей, ведь возникали из ниоткуда. А машины... Концентрическое сужение полей зрения обоих глаз. И это было не всегда. Это вдруг мир приобрел совершенно новые, более узкие границы. Вернее даже не так. Мир разделился надвое. Один в пределах, того что видно, и другой, за пределами видимости. И тот, другой, стал опасен, потому что непредсказуем. А она слушала, что пока человек жив, то ему есть к чему стремиться, что это не приговор, что главное остановить воспалительный процесс, и они — врачи это сделают, и она сможет жить. Привыкнет и сможет, и даже не будет замечать, что видит как-то иначе. Так что все как бы и ничего. Только головную боль надо пресекать в самом начале и не ждать, пока дойдет до тошноты и рвоты. А так опять все ничего, и опять же, со всем этим можно жить, и даже радоваться жизни. А, и еще, рожать самой нельзя, но ведь и это ничего, можно сделать кесарево. В древности делали, а сейчас так вообще ерунда так, пустяковая операция.

Он говорил и говорил, и сам себе казался очень убедительным и, наверное, верил в то, что говорил.

А Вера слушала и понимала, что потеряла, а потеряла она мечту. Она никогда не будет тем, кем хотела... Хирургия для нее закрыта раз и навсегда... И пусть она скептически относилась к его словам, что и так можно жить полноценной жизнью, но верить в это очень хотелось, потому что ей было всего восемнадцать, и с этим диагнозом действительно можно жить, но как? Как научиться переходить дорогу, как научиться замечать ступеньки и бордюры, как определять человека рядом, или велосипедиста подъехавшего практически

неслышно. Как продолжить учебу и вернуться в строй. Ей запретили читать. Ей студентке медицинского! Абсурд!

Капельницы, пункции, выдержать можно, легко. И пусть ей в вену попадают с десятого раза, это все терпимо, но надо жить полноценно. А еще она хотела семью, любить хотела. Кто ж ее такую полюбит...

Она внимательно смотрела на Алексея глазами полными слез. Не плакала, как тут плакать... Над своим приговором не плачут, его принимают и все. А он вдруг замолчал. Потом произнес изменившимся голосом и почти шепотом:

— Господи, какие же у тебя красивые глаза...

И выскочил из кабинета.

Вера осталась одна, и одна пробыла довольно долго. Потом медсестра поставила систему.

Потом еще куча уколов. Алексей так и не вернулся к ней в этот день, и она поехала домой. Там пришла с института подружка и читала ей вслух, так и учили.

На завтра занятия и снова капельницы и уколы.

Она лежала под капельницей, когда он зашел в процедурный.

— Прости, Вераш. Мы не совпадали все эти дни. Но я думал о тебе, и о том, что говорил тогда. Но это не главное. Главное другое. Жизнь — это такая штука непредсказуемая. И она, понимаешь, состоит из мелочей, не из глобального чего, не из подвигов, а из мелочей, глобальные в ней только повороты. Так вот, то, что случилось с тобой, это поворот. Видимо, твоя прямая была неверна, и тебе предстоял другой путь. А ты у нас девушка упрямая, вот и сопротивлялась. Жесткий поворот получился, тебя так не било еще. Только он первый, будут еще. И каждый раз больно. Человек инертен, и перемены не любит, от того и больно. А потом опять мелочи. Понимаешь?

Вера сама не понимала почему, но душу отпустило. Она еще не осознала и не приняла сказанное, но стало легче, жалость к себе прошла. Появились варианты.

— Алексей Эдуардович, я ведь мечтала...

— О хирургии, я знаю. Вераш, но ведь и терапевты лечат. Причем лечат то они. Они думают, они ищут варианты, они находят пути и слова. А я редко вижу пациента в сознании. Оперирую, пытаюсь вытащить. Но получается далеко не всегда, или потом осложнения такие, что не дай бог. Мозг же это, понимаешь, мозг... Вон твой, что вытворил, а там участок миллиметров пять-семь, ну девять максимум. Так, что твой путь — терапия или наука, или в сочетании. И если задуматься, то оно действительно твое, а вовсе не за столом со скальпелем стоять.

— Я так хотела...

— Нет романтики в хирургии. Вообще в медицине романтики нет. Есть горе и боль, и способность сопереживать. Поймешь еще.

— А что еще есть?

— Смеешься да?

— Нет, просто интересно.

— Еще есть адреналин, еще чувство гордости собой, когда все получилось, и жуткое самокопание и депрессия, если не получилось. И все это ты несешь домой и выливаешь на самых близких тебе людей. А они другие, они живут в другом мире, где романтики больше, чем боли. И понять тебя они не могут, потому, что ждут внимания и ласки. У тебя же их уже нет, ты все оставил на работе, а до дома донес только усталость. Так что ищи в спутнике

жизни единомышленника, по возможности. Чтобы ты его понимала, а он тебя. Чтобы мог излить душу и рассказать все без утайки, и точно знал, что ты не осудишь а, может, глянешь другим взглядом и найдешь то, что он упустил. Вот только тогда вы сможете быть вместе, потому, что ждете друг от друга одного и того же. Потому, что не надо играть роли, а достаточно быть собой, чтобы тебя принимали.

Он улыбнулся ей и сел рядом. Погладил по руке.

— Все образуется, Верочка.

Потом просто сидел рядом пока система не откапала. Ей же вдруг стало хорошо и спокойно и так тепло на душе. Вот так бы и осталась рядом с ним...

Но... она никогда не признается в своих греховных мыслях и желаниях.

Всю дорогу домой ее заботил один вопрос — случайно ли встречаются люди, и зачем они встречаются на жизненном пути? А еще она была уверена, что для него она гораздо больше, чем просто пациентка. И осознание сего факта было безумно приятным. А потому улыбка не сходила с ее лица.

Вера не понимала, что в ней начала просыпаться и поднимать голову женщина, та самая, которая способна искушать и быть искушенной, та, которая хочет любить больше, чем быть любимой, та, которая способна творить и разрушать одновременно. Та, которая в далеком прошлом вкусила запретный плод и научилась видеть добро и зло, на уровне интуиции, то есть научилась чувствовать и любить. А еще передавать эту свою особенность всем своим потомкам, особенно женского пола.

Нет, Вера еще не распознала в себе свою женскую сущность и не оценила себя по достоинству, но у нее появилась надежда на любовь и на счастье для себя. Надежда очень быстро окрепла и создала алгоритм, то есть цепочку необходимых действий, благодаря которым можно добиться поставленной цели. Самым главным стало научиться жить и ориентироваться в новых для нее условиях. И пусть она никогда не будет водить машину, но не теряться в незнакомых местах она сможет. Добиться же всего поможет практика...

===== Лиза =====

Сессию она сдала. Нет, не на отлично. Но это было уже не столь важно... Важно было что нашлись подруги, которые помогли практически. Которые жертвовали своим временем и силами и помогали учиться, не отстать, не уйти, а учиться наравне со всеми.

Вера училась жить в новых условиях. Была невероятно благодарна подругам, которые оказались настоящими, потому что не бросили, а были рядом...

И приступила к летней практике. Попала она в отделение урологии. И больница другая, и врачи, и медсестры. Все оказалось другим и совсем не праздничным. Приставили ее к швабре и даже здороваться забывали. И ничего положительного в этой практике не было. Обидно до слез. Она студентка уже третьего курса. Понятно, что санитарка, понятно, что и полы мыть надо, и судна выносить, и больных мыть и брить перед операциями, но она хотела учиться, практики хотела, понимания и осмысления того, что делает и для чего живет. Поехала к Алексею.

— Возьмите меня на дежурства, я смогу, я...

— Я знаю, что сможешь, и возьму, но не сейчас. Осенью, Вера, все осенью. Третий курс ты уже медсестра, а пока нет. Придется подождать. И я уезжаю в отпуск.

— Далеко?

— Да к родителям. Я Димку год не видел. Вот беру Галку и еду. Так что прощаемся мы с тобой до осени.

Расстроилась Вера, но что теперь делать, все лето коту под хвост. И Оля уехала на Иссык-Куль отдыхать, с Сергеем вместе. И другая ее подруга с института дома практику проходит, а это жуть как далеко — в Талдыкорганской области. Осталась только та, с которой они к экзаменам готовились, но она училась на педиатрическом и практику проходила в соседней детской инфекционной больнице. Там было интересно. Там давали работать руками, да и с детишками общаться одно удовольствие. А самое главное Веру никто не гнал, благодарны только за лишние бесплатные руки. Ведь рук ох как не хватает. Это стало привычкой отработать в проклятущей урологии и бежать в детское. А еще там можно было дежурить, и тоже никто не гнал, только рады. Там научилась делать внутривенные инъекции и ставить капельницы. Причем малышам. Привозят бывает несколько детишек с обезвоживанием, а бригада дежурная одна, вот и отдают ребенка студенткам. И не понятно, что же страшней при этом его состояние, когда ребенок как тряпочка, и не реагирует даже, или колоть его, чтобы дать жидкость тканям, чтобы жил. Выбор очевиден. Собственный страх отступает на задний план, и главной остается только жизнь. Маленькая такая, хрупкая, но осязаемая руками и сердцем жизнь крохотного человечка...

А если не было скорых, то дел хватало в отделении. Малышей и покормить надо, и помыть, и поныть. Они же ласки хотят, на ручки просятся...

Далеко не все малыши лежали с мамами. Были и те, кого за пределами больницы никто не ждал... Либо из дома малютки поступали, находились долго, а потом возвращались обратно в «казенный дом». Либо те, кого забыли забрать из больницы, или просто подкинули на порог приемного и все... И человек остается один, совсем один, на всю оставшуюся жизнь. Ведь та, которая родила и бросила даже не соизволила отказ от него написать, а значит, есть у него мать, юридически есть и усыновлению он не подлежит. Вот и судьба у человека всю жизнь ждать свою кукушку и надеяться, что одумается и придет, что вспомнит того, кого бросила, ну хоть не убила... Вот во время одного дежурства привезли такую девочку, ей месяцев десять на вид. Матери с ней не было, врач со скорой сказал, что она в невменяемом состоянии находилась, когда они приехали. У нее только имя ребенка смогли выяснить. Скорую вызвала соседка, которая несколько часов слушала плачь ребенка, а вот когда слышать перестала забеспокоилась. Вошла, а ребенок без сознания. Она скорую вызвала, вот так Лиза осталась жива. Ставила ей капельницу в вену на головке сама Вера, потом следила за девочкой, и на следующий день не смогла ее оставить тоже. Быстро сбегала в урологию, помыла палаты, отпросилась и вернулась к Лизе. Присутствовала при осмотре врача, при всех обследованиях. А потом кормила и мыла, и на руках носила, и играла. А девочка улыбалась ей и тянула свои крохотные, худенькие ручки.

На вторую ночь ей остаться не разрешили. Пришлось уйти домой. Только улыбку Лизы и эти ручки протянутые к ней, она унесла с собой в своем сердце.

А на завтра после урологии бежала к Лизе и отдавала ей свое тепло и свою душу.

Решение созрело и пришло через несколько дней. Вера заявила дома, что хочет удочерить девочку. Мама с бабушкой только переглянулись. Вера не услышала категоричного нет. Оно, как ни странно, не прозвучало. Правда и радости она в глазах своих близких она не заметила. Они думали, ни один день и не два. Пытались ее убедить, что придет время и у нее будут свои дети. Но в ответ выдвигался аргумент, что ребенок ничему не помешает. Зато Лизе очень нужна мать, настоящая, чтоб любила. Вера же даст ей любовь, она любить умеет. В конце концов Ирина вынесла свой вердикт:

— Хочешь, удочеряй, только все сама. И от меня помощи не жди.

От дочери она услышала: «Спасибо»

И занялась Вера вопросами удочерения. То есть весь день она проводила в урологии, потом бежала в детскую, дежурила там через две ночи на третью. Нянькалась с Лизой. Сотрудники отделения ее тоже пытались убедить, что затеяла она это зря. Слишком молодая еще. Что у самой вся жизнь впереди. А в опекуновском совете ей заявили, что девочка не «отказница», у нее родители имеются. И поехала Вера искать родителей Лизы.

В первый день даже адрес такой не обнаружила, какой был в истории указан, только лишь на третий нашла барак на окраине города, тот, что по этому адресу значился. И мать девочки нашла, только поговорить с ней не получилось. Пьяна она была. Поговорила с соседкой, с той, что скорую вызвала. Та рассказала, что последние полгода трезвой соседку не видела, а до того, нет не пила она. А сейчас и ребенку в бутылочку вино подмешивала, чтобы спала и не мешала, может, так и отравили.

В течение месяца Вера ходила по всяким инстанциям, пока все-таки мать Лизы не лишили родительских прав. А как только лишили, так девочку из больницы перевели в детский дом. Вера ходила к ней туда, под общее неудовольствие персонала и все собирала справки и выписки, и что только она не собирала.

Наконец, состоялось заседание комиссии... И ей отказали. Вот просто отказали и все. И аргументировали тем, что она одна и не замужем, и доход в сорок пять рублей слишком низкий, чтобы растить ребенка, а основным аргументом было состояние здоровья. И зрение.

Вера проревела весь оставшийся день и всю ночь. А на следующий день поехала в детский дом. Но ее пустили только до кабинета заведующей.

— Вера, я знаю о заключении комиссии. И они правы.

— То есть вы считаете, что я буду плохой матерью?

— Нет, я так не считаю. Ты будешь прекрасной матерью, но своим детям. Не ходи сюда. Тебя не пустят больше. Не трави душу, ни себе, ни Лизе. Пойми, девочка, ее удочерят, ты сделала для нее все, что могла, на большее и рассчитывать не приходилось. Она будет в семье, я обещаю, что устрою ее.

— Не надо, я выучусь и пойду работать и заберу ее, — плакала Вера.

А заведующая просто дала ей время выплакаться и снова просила никогда не приходить больше.

Но Вера пришла перед самым началом занятий, принесла кое-что из одежды в подарок. Просила передать. Но Лизы у них больше не было. Ее удочерила какая-то семья.

Заведующая рассказывала Вере, что они очень приличные люди, но Бог детей не дал, и они взяли Лизу. Что ей там будет хорошо, очень хорошо. Вера просила адрес, чтобы хоть издали глянуть, но... конечно, ничего не получила и с тем и ушла. На душе стало спокойно. Не обидят ее девочку, она обрела семью. Правда тосковала по ней и так хотелось, хоть одним глазком, хоть издали, хоть бы только...

===== Практика =====

На целину Вера, конечно, не поехала. У нее было освобождение от сельскохозяйственных работ по состоянию здоровья. Но и просто болтаться ей в это время никто не позволил, и отсидев неделю в архиве деканата, ей разрешили месяц отработать медсестрой в любой больнице по выбору.

Выбор пал на нейротравму. Чему Алексей был очень рад. По крайней мере Вере так показалось. Ее график был составлен так, чтобы она с ним совпадала полностью.

Как долго она гладила тщательно выстиранный халат можно и не рассказывать. А

сколько времени уходило на макияж лучше вообще умолчать. И только когда понимала, что отражение в зеркале ее полностью устраивает ехала в больницу.

Встречали ее там тепло. И место выделили в ординаторской. Медсестры завидовали, злились те, кто не знал Веру, и посмеивались те, кто знал. Но они ее учили. То, чему она научилась в детской больнице, не совсем подходило здесь. Мужчинам внутривенные делать было просто, вены почти с палец толщиной, а вот женщинам попасть иногда было очень даже проблематично. Но ее учили чувствовать пальцами иглу, работать не визуально, а на ощупь. И постепенно получалось. А еще настал день когда ее взяли на операцию... Сначала просто посмотреть. Операция была на позвоночнике. Алексей там ассистировал, а оперировал Юрий Нилович. Они на пару все рассказывали и объясняли Вере, и акцентировали внимание на огромном количестве гаечных ключей, болтов и гаек, которым, казалось совсем не место в операционной, но они были, и вкручивались, и ставились пластины, которые фиксировали позвонки. И появлялась надежда, что человек, испытывающий дикие боли при ходьбе, будет двигаться свободно... А потом можно было следить, как он делает первые шаги, как стремится, как ходит и отказывается от обезболивающих. И Вера, просто лишь присутствующая при этом процессе, наблюдающая со стороны, переполнялась гордостью... Нет, не прав был Алексей говоря, что нет романтики в медицине. Вот ведь она! Или это не романтика, когда врач соперничает с самим создателем исправляя ошибки последнего...

Боже, как она увлеклась! Учебник — нейрохирургия стал просто романом на ночь. А утро начиналось с вопросов, и врачи отвечали, и показывали все по мере возможностей. Отвечали все, а их пять человек было, и заведующий отделением. И все такие милые...

Внимательные... Просто очень внимательные. Только внимания хотелось лишь от одного. И другого немножко внимания...

Но он был такой же как все, или почти такой же. Редко, очень редко он позволял себе смотреть на Веру, и было в его взгляде что-то такое... А ей хотелось большего. Но ни взглядом, ни словом, ни жестом она не проявляла своих желаний. Она скорее даже стеснялась этих желаний, считая их греховными и неправильными. Вера чувствовала ответственность перед его бывшей женой и детьми. Понимала, что глупо, что к его разводу она не имеет никакого отношения, но ничего с собой поделывать не могла. Так и боролась сама с собой... Продолжала прихорашиваться каждое утро, каждый вечер стирала и крахмалила халат, и старалась выглядеть презентабельно. Опять и опять нарывалась на комплименты врачей и его теплые взгляды.

А потом случилось ночное дежурство.

Сначала пили чай втроем, Алексей, Вера и Думан. Алексей все прикалывался, что институт она оканчивает только для того, чтобы потом на работе все время чай пить.

А потом... Потом ближе к ночи пошли скорые... Привезли женщину, по паспорту лет двадцати пяти. Наверно, красивую, когда-то. Только лицо у нее было сплошным синяком, черным с синими потеками, и рана на голове, большая такая... Женщина была в сознании, все твердила, что упала в люк. Что никто не виноват, люк открыт был, оступилась она.

Вере было ее безумно жалко, это надо же вот так идти просто по улице и упасть в открытый люк.

Только реакция Алексея совершенно удивила.

— Давно бьет? Замужем сколько?

— Пять лет. Нет не бьет... что вы!

Они с Думаном лишь улыбались и качали головами.

— Чем бил? Милая, это важно!

— В люк я упала...

— А крышкой от люка по голове сколько раз получила?

— Алексей Эдуардович, зачем Вы так? — Вера не понимала. Она верила этой женщине, ведь не может быть такого, чтобы муж вот до такой степени избил жену. Кем же он должен быть, чтобы творить такое. И как она может врать?! Так не бывает потому, что просто не может быть реальностью.

— Верочка, лучше отведи ее на рентген. А там будем решать, но тут кроме ушиба мозга ничего нет. Положим, пусть в себя придет, отдохнет от побоев.

Лопнувшую кожу зашили и перевели пациентку в палату. Вера помогла ей обустроиться, переодеться и лечь.

— Так Вы вправду в люк упали?

— Я? Нет! Напился он до чертиков, а я последнюю бутылку спрятала и кошелек тоже. Вот и получила. Он протрезвеет и снова нормально заживем. Он пьет редко, раз в полгода в запой уходит, вот тогда и получаю. А если денег не найдет, то ничего, выйдет, пить то нечего. Завтра придет и прощение просить будет.

— И Вы простите?

— Прощу. Он муж мне.

— Так ведь убьет когда-нибудь.

— Нет, он трезвый мирный, работающий.

Такая система семейной жизни никак не укладывалась в Вериной голове, она вышла в тамбур между отделением и операционной. Там было темно, совсем темно. Зато можно было подумать. За думательным процессом ее и застал Алексей.

— Ты в темноте кого ждешь?

Он подошел вплотную. Его руки легли на плечи.

— Верочка, может, перейдем на ты.

— Почему все так происходит?

— Ты о чем?

— О Никитиной.

— Потому что дура. Хотя... Знаешь, сколько таких дур? Это она первая в твоей жизни, а я их каждый день вижу по несколько штук. И все в люк падают. И создается впечатление, что в один и тот же. Поступают по несколько раз, через какие-то промежутки времени, и всегда сказка одна — в люк упала. И ни одна не сдала того, кто ее избивает регулярно и систематически. А ведь если один раз поднял руку, то ощутил власть и силу, и безнаказанность, вот и бьет, и чувствует себя победителем. А она не сдаст, потому что любит, потому что жалеет его. Причем она его жалеет, он ведь пропадет без нее, сопьется, или грязный, не дай Бог, на работу пойдет. А ее сотрясение мозга не в счет, она переживет. Вот увидишь, завтра придет ее сморчок с цветами и она простит... Потому что любит.

— Неправильная любовь получается...

— Любовь всегда неправильная, Верочка. Это только кажется, что любовь — это счастье, а это боль... Всегда боль. Душевная или физическая, и какая разница — какая. Главное, что любви без боли не бывает. Ты знаешь, я иногда думаю, что вообще боль является мерилем жизни. Вот встал утром, и не болит ничего. Ты запомнишь это утро — нет. А если болит, то запомнишь. Все эмоции, все чувства выражаются именно через боль. И

от любви душа болит, ноет и болит. Вот полюбишь — узнаешь.

— Да я не нравлюсь никому.

— Ты?! Глупенькая ты, Верочка. Если бы ты знала, насколько нравишься...

Но он не договорил, потому что появился Думан и сообщил о двух скорых с аварии.

Травмы одного были несовместимы с жизнью. Он так и умер не приходя в сознание в приемном покое. Они пытались, действительно пытались, но...

Это была первая смерть, которую Вера видела вот так близко, и это было страшно и больно... Она долго стояла у накрытого простыней тела, до тех пор, пока не услышала окрик Алексея:

— Пошли мыться и в операционную, там руки нужны.

Нет, не были там нужны ее руки. Они с Думаном, конечно, справились сами. Веру даже к операционному столу не подпустили, разрешили смотреть со стороны. Но она присутствовала при удалении гематомы. Больной выжил, и появилась надежда, хотя чувство горечи от смерти осталось...

===== Дежурство =====

— Почему без настроения?

— Оля переезжает, — на глаза навернулись слезы.

— Замуж выходит?

— Замуж тоже, только чуть позже, сначала они переедут в новую квартиру, дядя Женя получил, отец ее.

— Далеко?

— Калинина — Байзакова.

— Минут сорок пешком от твоего дома. Не страшно, Вера.

— Вы не понимаете...

— Понимаю, очень даже понимаю. Вы выросли вместе. И даже когда не видите, то знаете, что есть друг у друга. Но ведь и так есть, только чуть дальше. Верочка, не проблема. Хотя дальше, она выйдет замуж. А ты будешь лишней.

— Буду!

— Ты говорила, что у вас с ним хорошие отношения, с женихом ее.

— Хорошие, но это другое. Я и сейчас им лишняя. Я стараюсь даже на глаза им не попадаться, но так она близко, все равно, что рядом, и в любой момент я могу поговорить... А туда собираться надо, а можно ведь и не собратся, морально, понимаете?

— Я тебя понял. Ты боишься, что время, расстояние, замужество разведут вас в разные стороны и вы станете чужими. Так?

— Так.

— Разведет вас жизнь, обязательно, но ни расстояние, ни другие казалось бы непреодолимые обстоятельства не сделают вас чужими. Вы в сердце друг у друга, а это самое главное. Даже если вы не сможете поговорить, то будете помнить. Первая подруга самая близкая, ее не забудешь, как и первую любовь.

— А Вы романтик.

— Я?! Что ты. Какой, к черту романтик?! Просто, когда постоянно видишь смерть, то начинаешь ценить жизнь с ее мелочами и неприятностями. И я просил на ты.

— Я не могу. Это не правильно...

Он посмотрел на нее с сожалением и подмигнул. Не ожидал он от нее такого, а может, и ожидал. Вера оставалась Верой. Такой, как на свет уродилась. Она всегда была собой и

жила только по одной ей ведомым понятиям. И с ними, ее понятиями и принципами, приходилось считаться. Дальше они уже не говорили о личном, пришел Юрий Нилович. И не один пришел, а с каким-то мужчиной. — Леш, тут мужику бы помочь надо, давай выслушаем. А Верочке, тоже полезно будет. Тем более у нее голова варит. Они втроем усадили мужчину за стол, чай налили, и он начал свой рассказ.

— Пять лет назад познакомился с женщиной, у нее сын был, тогда маленький еще совсем. Пару лет встречались. Потом поженились, и тут начались проблемы. Нет не с ней, с мальчишкой. Он неуправляем. Учится отвратительно, на уроки когда ходит, когда нет. Из дома сбежать начал, ночует, то в подвалах, то на чердаках. Потом сам приходит. Она во всем обвиняет меня. Говорит, был бы родной отец, так нашел бы с ним общий язык, а я чужой, вот он меня и не слушает, и протест свой таким поведением выражает. Семья рушится, а с мальчишкой что-то не то, то смеется как-то странно, то пакости делает. И жестокий он, очень жестокий. С женой говорить бесполезно. На все доводы, что его обследовать надо, ответ один: «Ты его не любишь!» А я вижу, что его лечить надо, если возможно. Скажите, я прав?

— Думаю, что прав. Только обследовать то, не у нас надо.

— Ребята, у меня семья рушится. Вы его посмотрите, она уезжает завтра, на четыре дня.

— Через два дня приводи.

На том и договорились.

А потом было тихо часов до девяти. Вот совсем тихо. От нечего делать взяли журнал регистрации. Мужчины сказали, что веселее и анекдотичней ничего не бывает. Читал Юрий Нилович вслух. А Вера с Алексеем ржали и периодически комментировали. Особо понравилась запись: «Диагноз при поступлении — абсцесс правой верхней полужопицы».

— Это в нейротравму! — ржал Нилович.

Затем: «Обстоятельства травмы — расчесала в поезде». Тут уже смех стал истерическим.

— Леш, ты осматривал, — говорил, между тем, Юрий Нилович, — и что ты с абсцессом интересного места сделал?

— Отправил в железнодорожную больницу, расчесала, то в поезде.

Дальше шел длинный перечень упавших в люки. В общем и роман читать не дано, достаточно журнала регистрации. Но пришедший следующий мужчина прервал всеобщее веселье.

— Ребята, я тут упал немножко с неделю назад, а мне плохо так, и тошнит и рука отнимается. Гляньте, а!

Выяснили: ветка дерева ему на балкон вросла, мешала очень. Он решил отпилить поближе к стволу дерева, но не достал. Тогда залез на ветку, уселся на нее и... отпил. Этаж был третий. По его словам он бок поцарапал и головой стукнулся. А так, ничего.

При осмотре бок действительно был скарифицирован и обильно покрашен зеленкой. А вот зрачки оказались совершенно разные, рентген выявил гематому субдуральную, и поехал дядечка в операционную.

Вот так своими ногами пришел, а что дальше будет, один Бог знает. На следующее дежурство тот мужчина привел своего пасынка. Осмотрели его, поговорили. Удивлялись и переглядывались только Алексей с Верой. Нарушения психики настолько очевидные, не заметить было просто невозможно, но не заметили. Никто не заметил. Ни врач в районной поликлинике, ни родители, ни школа, никто. И как-то сам собой напрашивался вопрос — а

может, просто не хотели замечать? Спихивали один на другого. А мальчик рос и не получал никакого лечения. Учится плохо — так просто не учит. Пишет, как курица лапой — так не старается. Читает по слогам — так не научили. И никто не сказал матери, что у ребенка проблемы. Да и сама она предпочла их не видеть. Родила и все, а дальше сам вырастет как-нибудь. Главное накормлен, и она его любит. Вон даже от отчима защищает. Написал Алексей свое заключение и отправил их по профилю. Только дойдут ли? И займутся ли ребенком? Никто не знает. А потом Вера снова слушала о том, что врач не всемогущ, а главное свою голову никому не поставишь, а жизнь, она штука сложная. Еще она думала о том дне, когда практика окончится, что будет тогда? Они не будут видаться. У нее занятия, и зубрежка. Третий курс — самый сложный. А он? Что он для нее? И что она для него? Почему ее так тянет сюда... к нему? Почему хочется его слушать и слушать? Он ничего ни разу не сказал: где живет, и главное с кем. Думан говорит про семью, Юрий Нилович рассказывает, а он молчит, и они молчат о нем. Даже личных вопросов не задают. Ей, Вере, задают, интересуются, кто с ней дружит, а про него она ничего не знает.

А дальше пришла мысль, что они знают то, чего не знает она, и по тому количеству внимания, что она от него получает, она ему нравится, даже без всякого сомнения нравится. И когда она своим логическим путем пришла к такому замечательному выводу, ей стало очень комфортно на душе.

Она уверовала в свою правду.

===== Перед свадьбой подружки =====

Подходил к концу месяц практики. Сегодня было последнее дежурство. Да, сегодня, в субботу, а завтра, в воскресенье, свадьба Оли. Вера рассчитывала как раз успеть вернуться домой и собраться. На свадьбу она наденет свое выпускное платье оставшееся со школы. Пусть оно ей не нравится, и никогда не нравилось, но мама считает, что так красиво, что девочка должна носить рюши и быть воздушной, и нежной. Совсем не так, как любит Вера. Одежда должна быть практичной и скрывать недостатки фигуры. А рюши и оборки подчеркивают и так слишком большую грудь. Но другого нарядного платья все равно нет, так что и спорить было не о чем. С рюшами, так с рюшами. Не каждый же день она такое безобразие носит. Один раз и потерпеть можно.

В подружки невесты ее не взяли, потому что друг Сергея предпочел ей высокую и стройную однокурсницу Оли — Лену. Лена институт заканчивает, как и Оля. Ей замуж надо, а тут такая партия. Вера же ему все равно не нравится.

Если честно, то и на свадьбу идти не хотелось. Вот не хотелось и все. Но Оля обидится и Сергей ее так просил...

А самое страшное вовсе не это. И все со свадьбой она напридумывала. И не расстроилась совсем, и за подругу рада. Страшно то, что сегодня последнее дежурство. Дневник практики подписан еще вчера, и на это дежурство можно было не ходить. Но не пойти она просто не могла. Она долго думала и решила, что непременно должна поговорить с Алексеем. Ну во всяком случае перейти с ним на ты она точно может. А дальше уж как пойдет. Она привыкла к его присутствию, к общению с ним, его голосу, манерам... К его флирту, к нему самому. Она понимала, что за этот месяц он стал для нее чем-то большим, чем просто друг. Она знала, как называется это чувство, просто боялась самой себе признаться, что это оно... ОНО! Понимаете, ОНО! Алексей стоял на улице у входа в приемный покой. Она опаздывала. Не намного, совсем на чуть-чуть. Проклятый автобус не пришел, пришлось ехать на следующем. Как ругала его про себя, торопила, чтобы быстрее

крутил колесами, затем почти бежала до больницы. И тут увидела его. Взяла себя в руки.

— Привет! Неужели меня ждете?

— А что тебя ждать нельзя?

— Можно, нужно!

Он рассмеялся:

— Пошли в приемный, пока тихо.

Она слишком эмоционально рассказывала, как автобус не пришел, как бежала, боялась опоздать... А он смотрел на нее с грустью в глазах.

— Ты приходишь-то будешь?! Мы тут уже привыкли к тебе, я привык...

— Я, конечно... я буду, я обязательно буду приходить, Леша...

Он закрыл глаза и улыбался. Сколько всего он собирался ей сказать, было видно невооруженным взглядом, как много...

А она смотрела на него, вытаращив и так огромные глаза в обрамлении пушистых ресниц, и ждала, конечно, ждала тех самых слов... Ох как ждала. Если бы только кто знал, как ждала...

Но если не судьба, то не судьба. Подъехала скорая.

Он обнял ее за плечи.

— Верочка, пойдём. У нас вся ночь впереди. Ещё поговорим...

Они так и вышли вместе из ординаторской, он обнял ее. В коридоре стояла беременная женщина.

— Рита, что ты здесь делаешь?

— Пришла на нее посмотреть, не понятно что ли?

Он все еще продолжал обнимать Веру. А она чувствовала, как земля уходит из-под ног...

— Там скорая, я пойду, — высвободилась из его рук и побежала в сторону приемного.

Слезы подступили к глазам, орать хотелось... Безумно орать!!! Но она не могла. Никто никогда не узнает, как больно, как внутри все рвется на части, как страшно, и как... она его любит... Она невероятным усилием воли заглушила внутренний крик, взяла себя в руки и, подойдя к медсестре, спросила:

— Что тут у нас?

А та внимательно разглядывала ее лицо, с такой ехидной улыбкой победителя.

— Вам плохо, Верочка? Что-то Вы бледная.

— Нормально. Так что тут у нас?

— Девочка в коме. Врач где?

— Сейчас подойдет, он видел скорую, там к нему пришли.

— А Рита! Да, она сестра операционная, уже в декрете. Так что они сына ждут, — она продолжала улыбаться, глядя на Веру.

— Так позовите врача! Девочка в коме, а вы тут, медсестры, неизвестно чем занимаетесь...

Вера вошла в смотровую. Ее собственные чувства отступили на задний план.

Девушка лежала под системой, дышала самостоятельно, но в сознание не приходила. Маленькая, худенькая, со спутанными соломенными волосами. Воробушек. В белой, застиранной кофточке и цветастой коротенькой юбочке. Зрачки одинаково расширены, на свет не реагируют, кожные покровы бледные.

Кровь на алкоголь взяли, потому что от нее был слабый еле уловимый запах.

Пока все это делали, пришел Алексей. Сделали рентген. Ничего.

В холле ее ждали друзья. Алексей вышел к ребятам, Вера с ним.

— Что случилось? Только честно, без утайки.

— Она умрет? — спросил один из парней.

— Если, вы подробно расскажите, что там у вас произошло, то она не умрет.

— Гуляли, и она упала, головой стукнулась.

Мальчишка говорил очень неуверенно, явно врал. Но клещами из него правду не вытянешь. Алексей вернулся в палату интенсивной терапии. А Вера попробовала добиться от ребят, хоть что-то похожее на правду. Но добилась лишь то, что они собрались и ушли от греха подальше, и бросили свою подружку. Единственно, что она выяснила, что зовут ее Наташа и ей четырнадцать лет. Она вошла в палату.

— Что? Что они сказали?

— Ей четырнадцать.

— Секс был?

— Не сказали, отрицают. Они ушли.

— Еще бы, она ж несовершеннолетняя. Кома алкогольная, но это не все. Она не пила — запах не тот. Я не знаю... Не могу понять... Решение ускользает.

Он смотрел на Веру, а она отводила глаза. Вот только не хватало с его глазами встретиться. И вся ее так тщательно построенная стена рухнет, как карточный домик, да она и есть по сути карточный домик. А потому надо выдержать, и не думать, и не подать виду, и не показать своих истинных чувств. Она не слабая, нет. НЕТ!!! Да нет же!!! Совсем не слабая! И ей не больно, НЕТ!!! Ей все равно... Пусть все думают, что ей все равно... эта ночь закончится, а завтра праздник, и она пойдет на него, и будет веселиться, они даже не представляют все какой она может быть веселой, в то время, как в душе такой огонь, который все испепелил, и ее саму тоже. Но она будет веселой и жизнерадостной завтра. Только как бы еще дожить, до этого завтра... — Ее надо осмотреть, всю. Девочки, разденьте ее. Голос Алексея вернул в реальность. Она подошла к девочке и аккуратно стала раздевать. Вся кофточка со стороны спины была в зеленом соке от травы, причем полосами.

— Ага, упала она... Вызывайте гинеколога.

Медсестра побежала. А Вера продолжала ее раздевать.

— Алексей Эдуардович, — он вздрогнул, — у нее странные следы под грудью.

— Что?

— Посмотрите сами.

Он посмотрел.

— Ничего не понимаю. Как дорожка у наркоманов.

Пришел гинеколог и сообщил, что секс был защищенный, следов спермы нет, и тоже с недоумением уставился на следы под грудью. Провозились с ней долго, часа через два она пришла в себя, настолько, что смогла отвечать на вопросы. Оказалось, что развлечением у них было вводить в молочные железы водку, а потом ребята отсасывали ее через сосок. Но в этот раз денег на водку не было и они купили дешевое вино. Ввели шприцем, а отсосать не смогли — не пошло.

Потом Алексей долго писал историю болезни, и перевод в гинекологию. Затем объяснялся с представителями правоохранительных органов.

А Вера переделалась в свое платье и ушла. Сказала медсестре, что домой, завтра у подруги свадьба.

Транспорт не ходил, и до дому было очень и очень далеко. Но зато времени хватило на слезы. Пусть тихие, пусть совсем беззвучные, но такие необходимые...

В шесть она уже была дома. Ее встречала мама. Расстроенная и обеспокоенная, потому что Алексей звонил каждые полчаса.

Сказала, что расстроилась из-за девочки, в подробностях пересказав всю историю.

Потом легла спать. Нет не спала, думала и думала. Но одно знала точно, что его она постарается больше никогда не видеть.

А вот назавтра была свадьба...

===== Встреча =====

Прошло больше года. У Оли родился сын. Назвали Димой. Вера часто бывала у них возиться с малышом одно удовольствие. Ей нравилось покупать всякие штучки ребенку, и дарить нравилось, то ползунки, то кофточки, то игрушки. Только вот стала она замечать, что Сергей дома бывает все реже и реже.

Спросила, но ответа не получила вразумительного, такого, чтобы ее устроил. То он у родителей, то у сестры. А потом в один из визитов, заметила, что пропали его вещи, причем все. Но Оля молчала. Так продолжалось еще несколько месяцев, но как-то Вера попала к Оле одновременно с ее институтскими подружками — Леной и Светой. Так вот они говорили о разводе. А дальше все-таки последовало объяснение от Оли. Она говорила, что они с Сергеем разные, что он из другой среды, что ей не нравятся привычки и устои его семьи. Что сразу понимала, он ей не ровня, не дотягивает до ее уровня. Но не придавала этому значения, а потом поняла и даже с сыном запретила видеться. Лена и Света ее поддерживали, а вот Вера не понимала. Причем, ничего не понимала. Три года он был хорош, причем настолько, что можно было выйти за него замуж и родить ребенка, а потом оказался не ровней. Так не бывает. Он не пьет, так что это не причина, а что может быть будет пить в будущем — вообще абсурд.

Еще Вера не понимала того, что Оля делится своими проблемами с подругами из института, а с ней, Верой, с которой всю жизнь вместе, никак. Чем Вера хуже? Почему те девочки Оле ближе? Обидно... Обидно — мало сказать. Больно! Самое интересное, что ответ на вопрос причины развода с Сережей нашелся довольно скоро. И совершенно случайно. Вера с подругой с педиатрического факультета пошла в кино. А после фильма, Танька стала рассказывать, о том, что Уваров расстался с той девицей с которой встречался с первого курса и она выходит замуж за парня с пед. фака.

Вера поняла, что Андрей снова возник в Олиной жизни...

Конечно в это Веру посвящать никак нельзя. И она смирилась. Видимо, все-таки у Оли своя жизнь, а у Веры своя. Она не перестанет с ней общаться, но и ждать от подруги ответных чувств и такого же отношения, как у нее к Оле, больше не будет. И делиться своими проблемами тоже не будет.

Переживала, страдала. Но решение было принято, и Вера закрыла для Оли свое сердце.

Перестала бывать у нее дома, но очень скучала по ребенку.

Интересно, что Таня настолько близкой подругой, как была Оля, так и не стала. Может быть, Вера просто никого не пускала в свою душу, боясь разочарования и боли. А может, просто уже не верила в искренность другого человека... Так и жила. Единственной целью стало только достичь высокого профессионального уровня, а все остальное не важно. Мужчины на нее не смотрели, да и она не смотрела на них. О чем можно мечтать, если никому не веришь...

Как раз в это время она занималась на базе института урологии, на кафедре нефрологии.

Занятия вел молодой доцент, очень приятный внешне и специалист, как Вере казалось, не плохой. Что было не очень приятно, это то, что нейрохирургия располагалась в соседнем корпусе, и встретить Алексея можно было в любой момент. Или по дороге на занятия, или в перерыве, или по дороге домой. Только не хотелось. И не потому, что встреча была бы ей неприятна. Нет, она даже иногда хотела видеть его. Просто боялась саму себя. Она знала, что поступила правильно, и так поступила бы снова. Но душа не отпускала те ощущения... Она его любила и прекрасно осознавала это. Нет! Незачем ей было встречаться с ним. Она могла отвечать за свои действия и поступки только лишь на девяносто пять процентов, но оставались еще пять, а кто его знает, что это за пять процентов.

А еще в это время двоюродный брат проходил комиссию в военкомате. И его положили в стационар обследовать почки. Там назначили УЗИ. В то время один из немногих аппаратов УЗИ находился в институте урологии, но очередь, чтобы пройти исследование, расписана несколько месяцев вперед.

Дядька позвонил Вере, видимо предварительно узнав у сестры, где она занимается. Он попросил поговорить ее с преподавателем, может тот помочь сможет. Вера поговорила, и тот предложил занятие по ультразвуковой диагностике провести используя в качестве объекта для демонстрации ее брата. Таким образом, на следующий день тот получил заключение УЗИ с диагнозом двухстороннего пиелонефрита, будучи подопытным кроликом в течение каких-то трех часов. Но он не роптал, результат был уж больно положительным. Армия ему больше не грозила. Занятия прошли спокойно и в пятницу, и в субботу, Вера получала свои законные пятерки за ответы, и ей казалось, что все хорошо. Наступил понедельник. Начался он с общебольничной планерки, на которой студенты тоже должны были присутствовать.

Она пришла, как всегда рано. Очень не любила опаздывать. Вошла в зал и собиралась пробраться на задние ряды, подальше от людских глаз. Но ее встретил ее преподаватель.

— Вера, я жду тебя.

— Зачем? Что случилось?

— Ничего, просто я надеюсь, что ты сегодня останешься после занятий, и этот вечер...

Он не договорил, так как его за плечо взял Алексей. Вера же с ужасом смотрела на него, а он на нее.

— Вера, — Алексей говорил очень жестко, — сядь рядом со мной, и твое место на всех конференциях и планерках рядом со мной. Тебе ясно?

— Слушай, а чего она раньше не сказала, что она с тобой? — виновато пролепетал преподаватель Веры, — и давно?

— Очень, ты даже не представляешь, насколько давно. Не смей обижать мою девочку! Понятно!

— Извини, я не знал.

Вера сидела между ним и Юрием Ниловичем. Оба ее подкалывали всю дорогу, а в конце планерки, Алексей попросил подойти к нему после пар.

Учеба в голову не шла. Преподаватель еще раз извинился. Но Вера о нем уже и не думала.

Впереди была встреча с Алексеем... И она решила сбежать.

Но ничего у нее не получилось, он ждал ее прямо у классной комнаты.

— Почему не пришла на курс лечения? — это был первый его вопрос.

— Я в поликлинике системы ставила, а уколы мама. Я знаю курс.

— Неужели ты не понимаешь, что со здоровьем не шутят?

— Я прошла курс лечения. Пока все на том же уровне. Все хорошо. Я привыкла. В арыки падаю реже, двери замечаю, иногда.

— Шутишь?

— А что остается?!

— Расскажи, что у тебя с Каримовым?

И она рассказала все про брата.

— Ко мне подойти не могла? Сама без мозгов, а мать твоя? А его родители? Они тебя подставили?

— Почему?

— Потому что такие вещи стоят денег, что у тебя в личной жизни?

— Все хорошо. Встречаюсь с парнем, — она врала и чувствовала, как краснеет.

— Хороший?

— Маме нравится. Мне тоже. А Вы? Как жена, сын?

— Нормально. Вера, если бы ты дала мне шанс...

— Нет! Никогда! Не надо уподобляться моему отцу. Вот не надо! Тогда у меня к Вам хоть уважение останется.

— Я не бросаю своих детей. Сравнение неуместно. Я понял. Нет у тебя никакого парня, а жаль. Ты красивая и хорошая девочка, такие встречаются в единичном экземпляре. Мы друзьями хоть можем быть?

— Нет. Мне тяжело друзьями. Лучше никак. И пожалуйста, никогда не бросайте своих детей.

— Вера!

— Прощайте!

— Я буду ждать.

===== Сказка и будни =====

Мама просила не задерживаться. Вера лишь пожала плечами.

Мерзко, плохо! Было такое чувство, что ее выставили на торги. С одной стороны все было логично, пятый курс, пора подумать о распределении. А остаться в городе незамужней девушке практически невозможно. Ехать тоже не очень хочется. На периферии необходим язык, а она кроме русского никакого не знает. Да и вообще, уезжать куда-либо совсем не хотелось. Учиться в Москву не поехала, зато теперь на три года к черту на рога смысла никакого нет. И бабушка парализованная, и мама пашет, как лошадь. Куда ехать?! Вот мама и развернула активную деятельность по оставлению Веры в Алматы.

Первое, что сделали, это переоформили на нее бабушкину квартиру. Она стояла пустая после смерти деда, потому что жили все в одной маминой. А теперь квартира в самом центре города стала очень весомым приданным.

Правильно, следующим шагом надо было найти жениха. И ни какого-нибудь там неизвестно какого, а из хорошей семьи, чтобы все при всем. И все бы было хорошо, да только Вера была в корне против такого способа знакомства. Уж больно на торги похоже. Но мама считала по-другому, и основным аргументом было то, что Оля вон вышла замуж, вроде, по любви, но и года с ним не прожила. Потому, что они из разных слоев населения. А так нельзя, надо за ровню.

«А как же любовь?» — спрашивала маму Вера, а та отвечала, что потом полюбит, главное, чтобы человек был хороший.

Вот поисками хорошего человека она и занималась.

Как-то, придя домой, Вера застала дородную тетку всю увешанную бриллиантами. Та только зубы Вере не посчитала. Но ушла ни с чем, Вера ей не приглянулась. Другая сразу пришла с сыном, но он был слишком высокомерный, и тоже Вера ему не подошла.

С одной стороны Вера была рада, не нравились они ей. Но с другой, очень обидно, когда к тебе относятся как к товару, да еще бракованному. Той, в бриллиантах, не понравилось, что Вера не из худых, ей понимаете ли стройная сноха нужна. На себя бы посмотрела. А что вторым было не по нраву, не важно. Только слезы душили. Не так уж она и плоха, как им кажется. Хотя и не нужны они ей вовсе.

В этот день ее никто ни о чем не предупреждал. И она пришла домой попозже. А там за столом сидела мама с какой-то женщиной. Вера даже не подумала, что и эта по ее душу, уж больно симпатичной она была. Просто ужасно милой и обаятельной. Вера присоединилась к ним за столом.

Они просто разговаривали. Тамара Сергеевна преподавала медицину в Женском педагогическом институте. Говорили об уровне подготовки врачей, о том, как трудно учиться и, что профессия врача совсем не для женщины, хотя основную массу врачей составляют женщины. Потом она очень плавно перешла на повествование о сыне, который совсем недавно, а именно год назад защитил диссертацию в Институте физиологии, но по профессии он врач, и теперь перешел в Научно исследовательский кожно-венерологический институт заведовать лабораторией биохимии и патогистологии. Рассказывала, что полгода назад, он женился, но что-то у них не клеится. Жена требует от него простого и человеческого, а он другой. Вот, просто, другой и все. Он гений, а жена не понимает, на развод подали. А она мать, переживает. А с младшим, вообще одни проблемы. По специальности не работает. Пошел трудиться вахтовым методом, а ведь такой способный был. Но там другие заработки, потому как добыча нефти всегда прибыльна. Вот так не оправдывает сын ее надежды. Растишь детей, стараешься, а все кувырком потом в жизни.

Вот так и говорили про жизнь, и больше ни о чем. То, как она рассказывала о сыновьях — было простым рассказом о переживаниях матери, а вовсе не хвальбой потенциальных женихов.

Следующую неделю никто не приходил, и Вера совсем уже успокоилась, видимо, мама оставила свою затею по выдаче дочери замуж любыми путями.

А потом позвонила Тамара Сергеевна. Нет не маме, а прямо Вере, сказала, что сотруднице привезли пальто в подарок, а оно ей не подошло. Вере же точно в пору будет. И недорого совсем. Ирина Вениаминовна идею с примеркой восприняла положительно, и деньги на пальто дала.

Таким образом, на следующий вечером, Вера отправилась домой к Тамаре Сергеевне. Жила та совсем не далеко от дома Веры, в самом центре города. Квартала на три всего выше, по той же улице. Также такой же старый кирпичный сталинский дом с высокими потолками. Встретили Веру радушно, усадили за стол с ними ужинать. А дома были и муж Тамары Сергеевны и старший сын, только младшего не было. Он еще неделю на вахте.

Говорили о специализации Веры. Куда она собирается в дальнейшем. Она посмеялась, что точно не хочет в патанатомы, фтизиатры и дерматологи. Ее поддержали все кроме Миши, так звали старшего сына Тамары Сергеевны. Он говорил, что раньше тоже так думал.

а теперь работая в кожвене, считает дерматологию очень перспективной. По его мнению, там такой простор для творчества, что не воспользоваться просто грех. Его можно было слушать и слушать. Он так много знал и так доступно и мило все это преподносил.

Муж Тамары Сергеевны, тоже казался просто душкой. Такой добрый и внимательный. Сколько он умудрился комплиментов сделать Вере, да так ненавязчиво, да так душевно, что она просто таяла. Никогда в жизни она столько внимания и ласки не видела. Влюбилась прямо во всех и каждого. Пока дело дошло до примерки пальто, прошло часа два с половиной — три. Но Вера и не заметила, как они пролетели, а потом была довольно длительная примерка. Как ни странно, но пальто было великолепно и как раз в пору. И его цена тоже сразила, такое пальто должно было стоить раза в три дороже, но... этот вопрос решала не она. Она лишь отдала деньги.

Миша пошел ее провожать домой. Шли они удивительно долго. Три квартала почти целый час. Даже в парке посидели, в любимом, там, где лебеди в пруду плавали. Потом вокруг дома правительства гуляли, и все говорили, и говорили. Миша сдал Веру прямо в руки маме, не забыв зайти к больной бабушке. Сказка, да и только.

На следующий день были занятия. Вера пошла в новом пальто. Светлое песочного цвета из шерсти ламы, оно сидело как влитое. Красота да и только.

Пальто заметили все. Заставляли крутиться и на себя примеряли. Такую вещь в то время достать было сложно. А тут, Верка, которая никогда одеждой не выделялась, и в таком пальто. А одна из девочек вспомнила, что видела такое в «березке».

А потом была лекция по терапии. Читал отец ее друга Асана, доцент Исмагилов. Все как обычно, кроме того, что после лекции, он попросил Веру остаться.

— Как Ваша фамилия?

— Морозова.

— Какие отношения у вас с моим сыном? Я видел вас несколько вместе.

— Мы дружим.

— Так это Вы?! Учтите, нам русская не нужна, тем более такая.

Вера растерялась.

— Вы о чем? Мы просто разговариваем иногда, ну в сквере гуляем.

— А баня?

— Какая баня?

Он смотрел на нее и понимал, что ошибся, это не та девушка. Он просто отпустил Веру, и она ушла в полном недоумении. Правда после следующей лекции потребовала объяснений от Асана. Но всегда откровенный с ней парень выкручивался как мог.

— Асан, мне все равно, что ты творишь, но почему ответы требуют у меня?

— Мама знает, что мы общаемся, а отец сделал неправильные выводы. Прости!

Может быть, Вера и не обратила бы внимание на этот случай, если бы не то, что произошло назавтра. Они пришли в городское бюро судебной медицины. Собрались как обычно у входа, но внутрь их не пустили. Потом вышел их преподаватель и попросил всех вернуться на кафедру. Кроме Асана. Асана он забрал в здание с собой. На кафедре они узнали, что доцент Исмагилов умер прямо напротив морга, когда шел на работу. Через день состоялись похороны. Асан был ни жив ни мертв. Его мать просто в шоковом состоянии. Но их Вера видела только в фойе института, по мусульманским обычаям хоронили только мужчины. На следующий день Асана в институте не было. Но мальчишки из группы вели себя странно. Они все время спрашивали Таньку Рожнову, о чем она говорила с отцом

Асана. Это ту взрослую тетку с двумя детьми, которую зачем-то поселили к ним в группу. Девочки с ней не общались, а вот мальчишки, очень ее любили. Восхищались, что она, имея семью, двух детей учится в институте. Помогали ей как могли и часто бывали у нее дома. Вера сделала вывод, что без Таньки не обошлось, но конкретно она ничего не знала. Слишком давно они не гуляли с Асаном, и не делились секретами каждый своей жизни. А еще она сделала вывод, что поступки детей могут так расстроить родителей, что даже убить. А вот такого она для своих мамы и бабушки не хотела.

===== Знакомство =====

Асан вернулся в институт через неделю. Осунувшийся, посеревший. Он сильно переживал, и немудрено.

Весь день он провел один, отдельно ото всех, даже курить с мальчишками и Танькой Рожновой не ходил. А после занятий попросил Веру с ним прогуляться. Шли молча. Как всегда присели на лавочку у пруда около дома правительства. Только все молчали и молчали. Вере хотелось сказать что-то такое, чтобы его ободрить, но слова не подбирались. Не было слов. Это когда умер ее отец, ей было все равно. А отец Асана его любил, воспитывал, учил. Вон какой мальчик получился, и, явно, не без участия папы. Так что тут скажешь? Что жизнь продолжается? Может быть. Да, она в самом деле продолжается, но не хватает в ней чего-то. Верней кого-то, того, кто был рядом, был неотъемлемой частью жизни — ее кусочком, ее составляющей. Получается, что теперь жизнь не полная, но все равно продолжается... Мысли крутились и крутились, а нужные слова все равно не находились. Первым заговорил Асан.

— Прости, что дернул тебя, но только ты поймешь. А потом мне надо, чтобы ты простила его.

— За что? Асан, я не держу на твоего отца обиды, у меня нет повода. Я знала его, как хорошего преподавателя, как профессионала и все. Я не сталкивалась с ним по жизни. Только на зачетах.

— А в тот день?

— В тот день он ошибся, он спутал меня с кем-то. И только ты знаешь с кем.

— Я не скажу, прости, я доверяю тебе, но не скажу.

— Это твое дело.

— Вера, ты знаешь что такое секс?

— Теоретически.

— Тогда тебе не понять, что чувствуешь, когда язык касается уздечки, а губы захватывают головку члена, а потом язык раздвигает губки уретры, как будто хочет прорваться внутрь. Это такой кайф.

— Прости, но члена не имею, и секса у меня тоже не было.

— Ты много потеряла.

— Наверстаю, когда-нибудь. А причем баня? Он говорил о бане.

— Ну, мы с пацанами ходим периодически в баню к Таньке Рожновой.

— И она вас пускает? А ты берешь туда свою девушку?

— Да пускает, — он посмотрел на нее как-то совсем странно. — И ужин готовит, мы едим там потом. Скидываемся на продукты и она готовит. Ты знаешь, она великая женщина.

— Чем?

— Вера, вот вы девчонки ее недооцениваете, а ты пойми, у нее двое детей, и она учится и подрабатывает фельдшером на скорой. Она успевает все.

— Даже баню для вас истопить. Асан, она взрослая замужняя баба, которая пользуется тем, что вы курите с ней на перерывах, и возносите ее, как божество. И в институт она поступила потому, что у нее любовник доцент с патофизиологии.

— Все сказала?

— Все.

— И тебе не стыдно?

— Нет. Я не приваживаю в свой дом мальчишек лет на десять младше меня и не устраиваю им в бане встречи с любовницами.

— А у тебя есть свой дом?

— Есть, своя квартира. Но это не важно. Важно, то, что вы как телки следуете за ней, и ничего хорошего из этого не получится.

— Не будь моим отцом. Вера, ты первый раз не понимаешь меня.

— Потому что то, что ты говоришь и то что делаешь — неправильно.

— Пойдем, я провожу тебя домой.

— Иди, я еще погуляю.

Он ушел. Вера осталась сидеть одна. Домой не хотелось. Было тошно. Казалось, что она потеряла друга. Вот так, сначала подругу, потом друга. Что же с ней не так? Почему они не хотят с ней дружить? Это когда с одним неприятности — можно обвинить его. А когда подряд с двумя, то стоит задуматься, в чем твоя вина. Потому что случайность становится закономерностью. Вот в таком упадническом настроении и, с самыми печальными думами, она подошла к своему дому. Во дворе стоял парень лет тридцати с букетом алых роз. Увидев ее, он подошел.

— Вера?

— Да.

— Это тебе, я Вадим.

Странно, но настроение сразу поднялось. Она в упор разглядывала его, а он ее. Он оказался очень интересный внешне, с правильными красивыми чертами. Лицо при этом оставалось очень даже мужественным. Он был похож на брата, но красивый, очень красивый в отличие от того. Миша высокий, выше метра восьмидесяти, а Вадим — нет. Вере казалось, что на каблуках она с ним одного роста. Молчание, связанное с разглядыванием друг друга затягивалось. Его прервал Вадим.

— Девочка, а ты прелесть! Даже лучше, чем мое семейство мне описывало. Ты голодная, как я понимаю, с занятий же, пойдем в ресторан.

— Мне нет двадцати одного года.

— Зато мне есть, а потом деньги решают все, а в них я особо не нуждаюсь. Так иди, оставь цветы дома, и скажи маме где ты. К десяти обещаю тебя вернуть в целости и сохранности. Ну надо же, не обманули — прелесть девочка.

Они действительно пообедали в ресторане, одном из самых крутых в городе на то время. А потом поехали на Медео. Оставили машину на стоянке и пошли гулять пешком. Народу практически не было, все-таки будний день и сезон катания на коньках еще не открылся. Поднялись на платину, а там такой вид, такие горы, что дух захватывает. Боже, какие там горы... И снежные вершины в вечных ледниках, и снег лежащий низко-низко. И ели, пирамидальные, неповторимые, с густой хвоей. Кажущиеся огромным темным войском великанов в сумерках уходящего дня. Они почти не говорили, он давал ей возможность любоваться природой, а она как маленький ребенок восторгалась каждой мелочью. Никогда

раньше Вера не была здесь в такое время суток и при отсутствии народа.

Чем ниже опускалось солнце, тем становилось холоднее. Она уже начинала замерзать, когда он произнес:

— Горы никуда не уйдут, стояли и стоять будут, поехали покатаемся по городу. Моя прелесть-девочка.

Спустились, дошли до стоянки, забрались в его голубой жигуль-копейку и поехали по городу. Вера просто таяла, он был так мил и так красив, и называл ее прелестью. Это же так здорово, когда прелестью называют! Никто и никогда не давал ей почувствовать себя слабой, просто прелестью, просто девочкой. А он давал и казался невероятно сильным и таким внимательным. Она просто не могла поверить, что все это происходит с ней... Она давно забыла, что он ей показался маленького роста, это стало уже не важным. Он ухаживал за ней, как за настоящей! Понимаете, она впервые чувствовала себя женщиной, которая может очаровывать, а в том, что он очарован ею она и не сомневалась...

===== Нелегкий выбор =====

— Вера, ты последнее время в учебе сдала, — Асан шел провожать ее домой.

— Некогда. Понимаешь, некогда. Я не успеваю учить. Пытаюсь выехать на старых знаниях. Получается не всегда.

— У меня тоже проблем выше крыши, но я же учу.

— Ты не учишь, ты болтлив безмерно. И преподносишь все так, как будто открытие делаешь. Давишь интеллектom.

— Получается?

— Получается. Что за проблемы?

— Вера, пока без озвучки. А у тебя он кто?

— Мужчина.

— Это я понимаю, лет сколько?

— Тридцать.

— Серьезный?

— Да, но веселый. С ним легко.

— Фамилия?

— Погорелов.

— Это случайно, не сын зам министра?

— Какого министра?

— Автодора. У меня отец с ним дружил. Два сына там. Старший Михаил защитился недавно, врач биохимик. А младший архитектор. Больше ничего не знаю.

— Похоже. Я и не знала, что Дмитрий Борисович зам министра. Разве это принципиально?

— Да нет, Верунь. Они нормальные люди.

— Слушай, а Рожнова точно беременная?

— Да. Уже третий месяц.

— А чего она курит, как паровоз?

— Ты так ее не любишь?

— Терпеть не могу. Она двуличная и вообще. Меня раздражает такой тип женщин.

— Не суди других. Неизвестно, что тебя ждет.

— Зайдешь?

— А ты в свою квартиру переехать не хочешь? Она вообще где?

— Вон в том подъезде. Бабуля с дедом получили квартиру в новом доме, но обменяли сюда, чтобы с мамой поближе. Меня поднимать надо было. Так что все в одном доме. А переехать? Нет, пока не хочу. Бабуля лежит, так я на подхвате, а передо мной — она одна останется.

— Ты учи, Верка, марку надо держать. Если, что я помогу, и вслух прочитаю, если надо.

— Спасибо, Асанчик. Я пока справляюсь.

Разговор заставил ее задуматься. Значит видно, что она расслабилась в учебе. Жаль. Но ничего. Вадим уезжает на работу и две недели его не будет. Вот она и наверстает все, где отстала.

Но какие были прошедшие две недели!!! Она никогда не думала, что так весело можно проводить время. Где они только не были. И в обсерватории, и в горах почти через день. И пусть там снег уже лежит, но красота неописуемая.

Вера была влюблена. И это было совсем другое чувство, совсем не похожее на чувство к Алексею. Тут был полный восторг, непрекращающийся праздник, феерия просто. И все так романтично, и нет никаких но... Есть он и она ему безумно нравится, да, что нравится, он влюблен, влюблен так же, как и она. Интересно, он с кем-нибудь до нее встречался. Она решила, что надо спросить, но не спросила. Он улетел. Обещал вернуться через две недели. Она ждала, рассчитывая на очередную порцию праздника. Только вот праздника не случилось, он не приехал. Позвонила Тамара Сергеевна и сообщила, что он остался еще на две недели за кого-то, а потом будут его две недели работы. Пригласила в гости, сказала, что они с мужем будут очень рады. Вера скучала. Просто очень-очень. Она уже навоображала себе всякого. Писала стихи пока ждала. О чем писала? Да о любви писала... и еще училась. От тоски пошла в гости к Тамаре Сергеевне. Та показывала ей детские фотографии своих сыновей, рассказывала о них. Старший Миша всегда был очень усидчивый и целеустремленный, а младший — немножко хулиган. Но она так тепло вспоминала все его проделки, что Вере он нравился все больше и больше. Засиделась она у Тамары Сергеевны, тут и Миша с работы пришел. Присоединился к беседе, а потом пошел провожать Верочку домой.

Шли опять часа два, все пути к ее дому почему-то лежали через парк около Дома правительства. И хотя он располагался в стороне от ее дома, все дороги всегда вели туда. Милое тихое место. Очень красивое, в любое время года красивое, и даже сейчас когда зелеными оставались только сосны, ели, да туи.

Назавтра Миша ждал ее после последней лекции. Сказал, что приходил на кафедру по поводу утверждения темы докторской диссертации, но вот совершенно случайно оказался возле аудитории, а потом так же случайно увидел ее, чему очень даже рад.

Им оказалось по пути, и он опять пошел ее провожать. На этот раз он рассказывал о биохимии, да так увлеченно, что Вере, эта совершенно теоретическая и не очень приглядная наука, показалась просто замечательной и безумно увлекательной.

Дальше он вспоминал курьезные случаи из практики, потом они начали обсуждать преподавателей, а поскольку он заканчивал этот же институт они практически все были общими. Провожалки опять случились через сквер и затянулись еще на большее количество времени. И может быть еще бы затянулись, но Вера замерзла, и он таки отвел ее домой. На следующей неделе он снова совершенно случайно встретил ее в институте и все с точностью повторилось. Правда, когда он привел ее домой, мама пригласила его на чай. Он согласился и с бабушкой познакомился. А потом еще несколько раз приходил к ним в дом по просьбе

Веринной бабушки. Просто не мог отказать парализованному человеку. Самое невероятное, что он Вере тоже нравился. Такой умный, и так говорит, что совсем она забывает, что он не привлекательный внешне.

Очень интересная ситуация получается. Ей нравятся два родных брата.

Нет, надо все поставить на свои места. Так быть не должно и не может. Мише она интересна только как подруга Вадима. И если верить его рассказам, встречается он ее каждый раз совершенно случайно, просто вот по делам в институт пришел и около аудитории, именно той где она, оказался, а потом увидел знакомое лицо и убил, так ненавязчиво, несколько часов на общение. В рамки здравого смысла такое объяснение не укладывалось. Да и раньше, до знакомства она его прогуливающегося около аудиторий не наблюдала. Вывод напрашивался сам собой — он ищет встреч с ней потому, что она ему нравится...

Это опять противоречило ее логике. Не может двум братьям нравится одна и та же девушка.

Или может? Решила посоветоваться с Олей. Они редко, но перезванивались. Оля выслушала внимательно, задумчиво так. И вердикт вынесла такой: Миша просто следит чтобы Вера, пока Вадим на вахте, ни с кем не встречалась.

— Да я никогда.

— Это я знаю, что ты никогда ни на кого не помотришь, если с кем-то встречаешься, а им-то откуда знать?

Разговор с подругой внес еще большую неразбериху в и так в непростую ситуацию. А тут еще мама ненавязчиво стала вспоминать Мишины советы по поводу бабушки. А потом, то что тридцать два года это не так уж и много. И вообще из отзывов мамы и бабушки, Миша им очень даже приглянулся.

— Я же с Вадимом встречаюсь, — возражала Вера.

— А ты лучше глаза протри, и посмотри объективно, — советовала бабушка. — Я твоего Вадима не знаю. Но одно могу сказать — балагур он, а Миша-человек.

Но Вера так не могла. Во-первых она любила Вадима. Он ее к друзьям возил представлял, как свою девочку.

Нет, конечно Миша гораздо выше интеллектуально, но с Вадимом так свободно и весело, и так хорошо, как хорошо никогда не было.

Но время, как всегда делает свое дело, двигаясь вперед, и наступил день когда Вадим вернулся...

===== Нас выбирают, мы выбираем =====

Комментарий к Нас выбирают, мы выбираем <https://www.youtube.com/watch?v=YrFFm7iCj4o>

Он возник рядом с Верой, как из ниоткуда. Она складывала халат в пакет после лекции. И по сторонам, конечно, не смотрела. А учитывая особенности ее зрения и шум вокруг, она заметить его появление никак не могла.

— Привет, девочка! А вот и я! Заждалась?!

Ее счастливое выражение лица и блеск в глазах полностью подтверждали его слова. Он взял ее за руку и они ушли. Он открыл двери машины, она расположилась на переднем сидении.

— Куда едем?

— По моим делам, я не был в городе больше полутора месяцев, надо навестить друзей, а до этого я занимался только тобой. Так, что сегодня тебе будет немного скучно, но праздник

не каждый день, согласишься?

«Боже, какой он красивый, — проносилось у нее в голове. Конечно, она согласна сопровождать его, по его делам. И праздник ей не нужен. — То, что он рядом и есть праздник!»

Сначала они поехали к какой-то женщине, достаточно молодой и интересной внешне. Такой кукольной блондинке. Та напоила их чаем, и потом они о чем-то долго разговаривали в другой комнате, оставив Веру наедине с телевизором.

«Мало ли, что может быть у них общего...» — пронеслось в голове. Когда они вернулись в комнату, где была Вера, он уселся рядом с ней и обнял девушку за плечи.

— Видишь, Галя, какая у меня девочка. Все только завидовать могут.

— Ну может, ты уже остепенишься?

— Горбатого, сама понимаешь... Но я ее люблю.

Она ухмыльнулась. Дальше они говорили о работе, затем о ее дочери. Он оставил ей денег, на подарок ребенку и собрался с Верой к какому-то другу. Причем всю дорогу рассказывал, как хотел бы иметь собственного ребенка, а потом, что очень надеется, что у них с Верой все получится.

Встреча с другом показалась Вере еще более скучной, чем с той женщиной. Но дела есть дела и их нужно делать. И несмотря ни на что, девушка была счастлива. Его друзья к ней относились очень даже хорошо.

Домой она попала почти в одиннадцать.

Он сказал, что исчезнет на несколько дней, но потом обязательно приедет к ней.

На следующий день ее поток гудел. Все говорили о ней, о том с кем она ушла с занятий, и о почему-то, об истерике Марины Зиновьевой. Вот почему у Марины была истерика, Вера совершенно не понимала, но сей факт ее жутко заинтересовал. Спросила у Асана. Но он ничего не знал, поглощенный своими личными проблемами. Зато вездесущие девчонки поведали ей очень интересную историю.

Когда Вадим вошел в аудиторию, Марина вскочила со своего места и попыталась пробраться к нему, но находилась она довольно далеко, а народу было много. Она не успела, он уже ушел с Верой. Она торопилась, добежала до выхода из здания, но машина отъехала. А она рыдала и кричала, что этого не может быть, что он так поступить с ней никак не мог, что он ее парень, а вовсе не дуры- Верки. И что ему вообще с Веркой делать, он не любит толстых. Настроение пропало. Вера думала. Думала обо всем. Эта история с Мариной не укладывалась в общую картину. Он с ней вчера о детях говорил, а сегодня выясняется, что он с Мариной знаком. И так знаком, что та в истерике была. После первой пары, она почти придумала ему оправдание. Она решила, что неуравновешенная по своей природе Марина, напридумывала себе невесть что. Не может же Вадим ее — Веру, обманывать. Он вон всем своим друзьям ее показывает, хвастается, можно сказать. Марина в этот расклад никак не укладывается.

Но червь все равно завелся и она думала. А он ее ел.

К четырем часам проел уже большую преобладающую дырку в сознании, и решила она все выяснить, и не когда-нибудь, а сегодня и сейчас. Вот прямо сию минуту. Сразу после занятий она побежала к нему домой. Ей открыла Тамара Сергеевна. Обрадовалась. Пригласила в дом. Вера ей все рассказала, и про Вадима и про Марину. Та убедила Веру, что обязательно бы знала про Марину, если бы такая существовала в жизни ее сына. Но о такой и не слышала, а потому нет у Вадима никакой Марины и не было никогда.

— Верочка, а Миша тебе нравится? — ни с того, ни с сего спросила Тамара Сергеевна.

— Да, — чистосердечно ответила Вера.

— А Вадим?

— Вадим, совсем другое дело. Он любит меня. И я его тоже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вере показалось, что тень беспокойства пробежала по лицу Тамары Сергеевны, но все-таки она решила, что лишь показалось, потому, что та расплылась в улыбке и стала рассказывать, насколько она рада, и как будет рад ее муж. А потом о том, что у Вадима и дача имеется, в очень даже престижном районе. Затем снова перевела разговор на Мишу и прямо в лоб заявила, что если Вера выберет его, то она ничуть не расстроится. Что сейчас Вера вольна выбрать любого из двух братьев. А они все ее настолько любят, что будут ей рады как члену семьи. Кого бы она ни предпочла. Но выбор Веры был очевиден. Да, ей нравился Миша, как человек. Она преклонялась перед его умственными способностями, и может быть даже могла бы его полюбить, если бы не было Вадима. Но она совершенно точно любит Вадима, ей жаль, что так получилось, но ее выбор Вадим. Тамара Сергеевна ничего ей на это не сказала и перевела разговор на будущую специализацию Веры. Вера ответила, что терапия однозначно. На том разговор и закончился, Вера глянула на часы и поняв, что с минуты на минуту с работы вернется Миша, предпочла уйти домой, причем пошла в обход, так, чтобы не дай Бог с ним не столкнуться. До дома она добралась очень даже благополучно. Поела и пошла заниматься. А то ей в пример опять Асан Таньку Рожнову приведет, что имея семью и беременная все успевает, а она, как только приезжает ее мужчина, перестает учиться. Фигу, не перестает, еще как учится. Только разделавшись с заданными темами, легла спать. А на завтра снова занятия и последняя лекция в лекционном корпусе сразу для двух потоков. То есть в зале все триста человек студентов. Вера обратила внимание, что Зиновьева на первом ряду расположилась. Ну что ж если та на первом, то Вера села подальше. Так все видно сразу будет. А он обещал, обещал, что приедет. Вот и все... Лектор вышел из аудитории. Народ собирался, было шумно. Но она внимательно следила за дверью и увидела его. Он прошел мимо Марины, как мимо пустого места. Та окликнула его, он остановился и что-то сказал ей, она покраснела и выскочила в дверь. Он же подошел к Вере.

— Готова?

— Привет. Да.

Они поехали на дачу, действительно расположенную в чудном месте. Горы, кругом горы, но сама дача на ровном-преровном плато. Ужин уже был готов. Вера удивилась, но оказалось, что готовил он сам. Предложил ей вино. Она отказалась, он тоже не пил, за рулем же, а им еще обратно ехать. Поужинали молча, посмотрели домик, милый такой. Сказал, что построил сам, снес ту избушку, что была раньше. Теперь вот все усовершенствует, даже воду в дом провел.

— Ты расстроен? — видя его не очень хорошее настроение, спросила Вера.

— Немного.

— Из-за Марины?

— Марины? Нет, что ты. Я познакомился с ней случайно у одного из друзей, ну домой проводил, а она вообразила себе черти что. Нет, девочка, дело не в ней. Я на такие мелочи внимания не обращаю. Мишка вчера ушел. Вот просто взял и ушел... К ней вернулся. К жене своей.

— Это плохо?

— Я ее ненавижу, корова. Замуж хотела, аж сил нет. Ее мамаша к нему в лабораторию пристроила лаборанткой. Ну, проводил он ее пару раз домой, так, что теперь жениться?! Так нет, ее мамаша допекать стала, моей все звонила — «Когда Мишенька предложение сделает, как же Леночка. Она же влюблена, она же надеется». Представляешь, приперли парня к стенке. Он сдуру и женился. Так той, то одно, то другое, то в ординатуру она собралась. Вышла замуж-сиди и не рыпайся. А той ординатура приспичила. Он был против. Вот на развод подала. Так и был бы развод. Чего в ней нуждаться — корова и дура, как все бабы. Так нет, он вчера понял, что развод не нужен... Снял пальто с вешалки, надел и ушел...

— Так все бабы коровы и дуры?

— Нет, не все. Ты, моя девочка, другая. Правда, наивная, но ничего, это даже достоинство. — он обнял Веру за талию и поцеловал в щечку. — Поехали домой, поздно уже.

===== Разбитые мечты =====

Вера любила. Вот просто любила, и все! Видела предмет своей любви достаточно редко. Он почти все время был на работе в Тенгизе. Но каждое его появление воспринималось ею праздником. Пока же он отсутствовал, общалась с Тамарой Сергеевной, и она в Вере действительно души не чаяла.

Зато пока ждала, воображение рисовало картинки встреч, радости, любви. Так пришло лето. Позади осталась сессия, а впереди — последний шестой курс. А это уже рубеж. И надс подумать о распределении. Мама уже несколько раз спрашивала, что думает ее кавалер. Время идет, и, по ее мнению, она его зря на него тратит. Он не тот человек, который нужен Вере. Вот Миша, да. Он другой, и несмотря на кучу недостатков, с ним можно было бы связать свою жизнь. Но никак не с Вадимом. А Вера считала, что любит только Вадима.

Наконец тот приехал. Встретил Верочку возле института.

— Привет! Я скучала.

— А я болел.

Она действительно расстроилась, очень хотелось помочь.

— Что с тобой?

— Мне нужен врач. У тебя есть врач?

— Какой? Ты объясни путем, можно подумать. А потом, почему ты у меня спрашиваешь, я же всего лишь студентка. У твоей мамы гораздо больше знакомых, и у брата тоже.

— Ты сейчас серьезно? То, что ты говоришь, правда?

— Конечно, я очень редко вру.

— Мне врач нужен! Я не могу обратиться ни к брату, ни к маме. Я думал, умру там с температурой, и еще работать приходилось. А ты говоришь про брата.

— Вадь, я не понимаю. Ты расскажи, что с тобой случилось? Почему температура? У тебя ангина?

— Ну вот соображаешь...

— Так ЛОР нужен, у меня есть.

— Какой ЛОР? Девочка, я думал, что студентки медички соображают. Но видимо, только не ты. Я сам найду врача. И после того, как вылечусь, будем жениться.

— Ты к маме пойдешь?

— А куда я денусь, пойду.

Вера возрадовалась, вот просто необыкновенно. Конечно, ангину он свою вылечит, и к маме пойдет просить ее руки. Здорово. У нее будет настоящее свадебное платье и свадьба, и праздник, все как у людей. А какая девушка не мечтает о свадьбе, да и о счастье тоже.

Рассказала маме, все рассказала. Пошла в ЦУМ платье смотреть и туфли. Не нравилось. Но можно же и на заказ.

Неделю бегала по свадебным салонам, выбирала. Все слишком вычурное, совсем не то, что хотела.

Он позвонил достаточно поздно, в районе десяти.

— Завтра к вечеру заеду, — ухмыльнулся так, что слышно было в трубке, — буду просить твоей руки.

— Я буду ждать.

И да, она ждала, а мама — нет. Была сердита, напряжена. Вера просила, молила просто быть помягче, это же судьба ее. И она его любит.

— Вот во что я действительно верю, что ты его любишь. Но я хочу выслушать его, — сказала Ирина Вениаминовна. — Пусть сам скажет все как есть, а там решу.

Вадим приехал на следующий день в девять вечера. Как будто мимоходом. Даже без цветов. Вера пригласила его в свою комнату. Пришла мама.

— Вера, выйди.

— Почему?

— Выйди, я сказала.

Ничего не оставалось делать, она вышла, но прилипла ухом к двери.

— Вы действительно собираетесь жениться на Вере? — спросила она с нотками сарказма.

— Да, а что?

— Зачем? Ведь, вы не любите ее.

— Я считаю, что любить не обязательно. Она мне подходит, я ей тоже.

— Вы встречаетесь год, и у вас ни разу не было желания даже поцеловать ее. В отличие от моей дочери, я женщина, и я понимаю, что она даже не вызывает у вас простого влечения. Для чего она вам? Чтобы продемонстрировать приличную жену и поддерживать у людей вашего круга иллюзию вашей порядочности. Вы даже мне сейчас не попытались соврать и сказать, что любите ее. Неужели вы думаете, что я отдам вам дочь?! Вы законченный самовлюбленный эгоист. Ваше истинное лицо не скроешь ничем. Вон из моего дома. И забудьте о моей дочери. У вас достаточно есть с кем развлекаться, правда их в высшее общество не введешь.

Он выскочил из квартиры, совершенно не обращая внимания на плачущую Веру. Только слышен был жуткий визг колес, когда он выезжал со двора.

А дальше состоялся скандал. Вера никак не могла принять того, что сделала ее мать. Ей казалось, что она просто сломала ей жизнь, разрушила ее счастье. И что теперь? А если он теперь не вернется? Если обидится и бросит ее?

Назавтра она заболела. Просто так заболела, что встать с кровати не могла. Да и не хотела. Мир разрушился, все стало неважно и ненужно, да и сама жизнь тоже...

Но через три дня встала и решила, что это еще не конец. Она должна и будет бороться за свое счастье и за свою любовь. А через неделю совсем поправилась.

Все это время Вадим не появлялся. Тамара Сергеевна звонила, уговаривала, придумывала какие-то оправдания сыну.

А потом он позвонил и пришел. И Вера встретила с ним, так многого ожидая от этой встречи.

— Я ждала, — первое, что сказала она.

— Я был зол. Никто никогда не поступал со мной так. Я ехал с огромной скоростью, я почти убил мотор. А там вверх по Ленина увидел ее. Она была некрасива, но в таком блестящем коротком платье, и вся светилась под фонарем. Я остановил и увез ее на дачу. Ей восемнадцать. Представляешь, ей всего восемнадцать.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Я объясняю. Я пытаюсь объяснить тебе, что мне было очень больно. Что я с горя снял проститутку и провел с ней неделю. Ты понимаешь?

— Мне пожалеть тебя? Или проститутка не такой оказалась?

Дважды мир не рушится, но Вере казалось, что это происходит. Все чувства угасли сразу, как по мановению волшебной палочки. Ей стало его жутко жалко. Вот стоит перед ней красивый мужчина и ничего в жизни не понимает. И саму жизнь не понимает, и чувствовать не умеет. Она все еще любила его. От этого, видимо, не скоро излечиваются.

А дальше он женился назло всем на той самой проститутке, а потом пришел к Вере плакать, что совершил глупость, просил простить и принять. Его родители чуть ли в ногах у Веры не валялись и просили дать ему шанс. Говорили, что он исправится, что он просто мальчик, что он запутался.

Но запутался совсем не он, а она. Потому что ей было ужасно всех жалко, она понимала их и сочувствовала, и почти была готова простить. Но к ней вдруг пришла та самая Галя и тоже умоляла простить ее бывшего. Говорила, что Вера ему откроет такие перспективы, что она ему пара и именно с ней он может быть счастлив. Что настолько любит его, что готова была отпустить, что он просто запутался. А Вера никак не могла понять, сколько же у него бывших? И разве так бывает? И неужели он из всех этих женщин никого никогда не любил?

Но последней каплей стало явление к ней его молодой жены. Вера просто сдуру открыла дверь на звонок.

— Вера, ты? — спросила девица.

— Я.

— Вот это видела? — она протянула руку с обручальным кольцом, — не лезь в мою семью, а то я тебе устрою.

Вера ничего не понимала, как и откуда она могла узнать ее место жительства.

— Как ты адрес узнала? — спросила она.

— Вадим сказал, — удивленно ответила та.

Любовь кончилась.

На ее месте образовалась пустота. Вакуум, который поглощал все, съедал информацию, не имел ни цвета, ни запаха.

Она вставала утром просто для того, чтобы вечером лечь спать. Она читала книги и не понимала их содержания, она общалась с людьми, но практически не слышала их. Она просто превратилась в живой труп. Потому что сердце билось, а чувств больше не было.

===== Феникс =====

И вдруг Вера решила, что надо быть стервой. Почему все всегда не так? Или это с ней все не так? Почему именно ей можно гадить в душу, почему по ее сердцу можно проехать гусеницами от танка? Почему она думает о чем-то благополучии, но всем всегда насрать на нее? Почему ее унизили и растоптали. Господи, да ведь ей шлюху предпочли...

Да, она сделала вид, что пережила, что смирилась, что как птица феникс возродилась и живет дальше. Но ведь не пережила и не смирилась.

Жгучая боль сменилась жгучим огнем и злостью. Она вспомнила, как Асан говорил, что мужчины любят именно стерв. Потому, что с ними интересно, с ними ходишь по краю, с ними понимаешь краски жизни. С ними выделяется адреналин, а с такими, как Вера нет. Она слишком правильная.

Вот она решила стать неправильной. Любила она Алексея? — Любила. Забыла? — Нет. Просто решила, что не имеет права лишать ребенка отца. А может имеет? Она же стерва. Собралась и поехала в нейрохирургию после практики. В ординаторской Алексея не было. Там был другой совсем незнакомый врач. Спросила, он ответил, что работает неделю. Тот уволился, вроде.

Но тут зашел Юрий Нилович.

— Верочка, как я рад. Как ты, где? Ты уже работаешь? Или?

— Нет. Еще год. Я вот спросить хотела...

Он не дал ей спросить.

— Он уволился, две недели назад. Они собираются переехать к его родителям в Архангельск. Вера, он телефон оставил вот.

Юрий Нилович достал половину листка с телефонами, алматинским и родителей в Архангельске.

— Позвони, если хочешь. Твой звонок решит многое.

— Спасибо, пойду я.

— Позвони, Вера.

Она пошла пешком, пусть очень далеко, но будет время подумать. Слезы катились по щекам. Не получилась из нее стерва. Зашла в магазин, купила спички и сожгла листок в урне. Долго смотрела на пепел, а потом ушла. Все-таки она должна возродиться к новой жизни, мосты то уже сожжены.

— Вера, нужно поговорить исключительно о тебе, — этот звонок ее немного шокировал. Она никак его не ждала, даже в мыслях не было, что он может позвонить. Практику она прошла и уже врачебную практику, со дня на день начнутся занятия, последнего учебного года, а тут в трубке раздавался голос Миши, да Миши Погорелова.

— О чем говорить? И как у тебя дела?

— У меня все хорошо. Жена родить вот-вот должна. Подходи ко мне на работу, завтра часов в десять, четвертый этаж лабораторный или административный корпус. Придешь?

— Да.

Она ничего не понимала, просто не понимала зачем он позвонил и что от нее хочет. Уже больше месяца, как все члены его семьи ее оставили в покое. До начала занятий ровно два дня не считая воскресенья. Любопытство разбирало, и потом, от нее не убудет. Это не свидание, а деловая встреча, на работе в десять утра в кабинете заведующего лабораторией. Не видела она его год, почти год. Причем не только не видела, но и ничего не слышала о нем.

Нашла лабораторию сразу, только пришлось немного подождать, так как заведующий был у директора. Зато все сотрудницы лаборатории успели прогуляться по коридору, разглядывая Веру. Наконец он буквально влетел в лабораторию, сотрудниц же как ветром сдуло.

— Доброе утро, Вера Юрьевна. Давно ждете?

— Доброе, нет только подошла.

— Проходите.

Он был официален до ужаса, она же совсем растерялась. Он предложил ей присесть, сам расположился за своим столом. Настоящий заведующий.

— Вера, во-первых, я хочу извиниться перед тобой за себя и свою семью, то есть за родителей. Они тебя действительно искренне любят.

— Я знаю.

— Во-вторых, я хочу хоть как-то исправить то зло которое мы тебе причинили. Я уже слышал, что дерматология тебе совсем не нравится, а венерология тем более. Но это хлеб, понимаешь, всегда хлеб. И хорошая специальность для женщины. Я предлагаю тебе работу, потом специализацию и в дальнейшем снова работу. Я говорил о тебе с директором, и она согласна тебя взять. Потом мы дадим запрос на тебя в институт и в министерство, и ты распределяешься к нам в институт, единственное условие — на научную ставку. То есть ты ведешь тематических больных и пишешь статьи и отчеты, затем диссертацию.

— Это реально?

— Вера Юрьевна, я Вам не вру и никогда не врал.

— Я могу подумать?

— Конечно, с мамой поговорите, с бабушкой. Но это вариант.

— Спасибо. Когда я должна сказать ответ?

— В понедельник, а во вторник после занятий, при положительном ответе пойдем знакомиться с директором.

С тем она и вернулась домой. Бабушка отнеслась к такому предложению положительно, а мама посчитала, что это клоака, а не институт. Но посоветовавшись с бабушкой, они пришли к выводу, что другого пути остаться в городе просто нет. А значит это выход. И дав напутствие дочери чтобы руки хорошо мыла, благословили ее на работу.

Директор оказалась очень интересной внешне женщиной, нет сказать очень интересной, это ничего не сказать. Безумно красивой женщиной. Невысокого роста, с огромными черными внимательными глазами, очень милой, ласковой и нежной. Ее облик никак не вязался с той должностью, которую она занимала. Но Вера понимала, что она ошибается. Она прекрасно знала, что эта женщина добилась разрешения и достала финансы чтобы отстроить здание института и на строительство дома для сотрудников тоже.

Очереди на получение жилья в институте не было. А оборудование отделений и лабораторий соответствовало мировым стандартам. А еще, про нее говорили, что она может отказать так, что ее благодарят и выходят с улыбкой. Вера ей понравилась. Так началась официальная Верина трудовая деятельность. Ее прикрепили к научному сотруднику, биологу по образованию. Та оставляла Вере список того, что надо сделать. И Вера выполняла. У нее были свои ключи от той части лаборатории. И она работала каждый день с четырех до восьми часов и субботу включительно. А в институте случились свои перемены. Ее назначили старостой группы. А еще Рожнова поменяла фамилию, и не просто так, а потому что развелась. Сразу после сессии она родила дочку с восточными чертами лица. Это привело к громкому скандалу с мужем, вслед за которым последовал развод. Сыновей он ей не отдал. Она проучилась совсем недолго, только один месяц, потом ее мама отказалась сидеть с ее дочерью и она взяла академический отпуск. Вера радовалась, иметь в своей группе такой подарок, покрывать ее отсутствие на лекциях, придумывать причины

пропусков на занятиях было очень неприятно. Это как переступать через себя. Обманывать просто так, не ради чего. А она так не умела. Получалось, что Вера оказалась занята так, что умудрялась уснуть от усталости прямо сидя за столом с книжкой. Учеба и работа отнимали полностью все время. А еще кружок по дерматовенерологии. Где ее руководителем оказался профессор, заведующий кафедрой. И его задания тоже приходилось выполнять так, как положено, чтобы он был доволен. А литературу можно было взять только в библиотеке. И часто ее выдавали только в читальный зал. Короче, нагрузка непомерная.

===== Работа =====

Первый рабочий день.

Он наступил не позже, чем закончилось лето, но раньше, чем началась осень. Первого августа. Она врач. Пусть интерн, но уже врач.

У нее есть три новеньких белых халата на пуговицах. Как ей казалось, очень красивых, почти что дизайнерских.

Нет, дизайнерскими они, конечно, не были, но пошиты на заказ были. И мешком вовсе не сидели, а очень аккуратно и ненавязчиво подчеркивали фигуру. Вера как раз похудела. Прошедший год вымотал ее на нет. Под глазами легли темные круги, но достигнутая цель того стоила.

Интернатура по дерматологии и венерологии в научно-исследовательском институте — мечта многих, причем недоступная мечта. Даже дочке доцента с кафедры кожных болезней не подфартило, в отличие от нее.

Ей и руководителя назначили. Если совсем честно, то Вера увидела ее впервые и познакомилась со своей бабушкой-руководителем только сейчас, раньше она ее и не видела никогда. Ростом та была не выше метра пятидесяти, в невероятно толстых очках, и жутко не интересная внешне, пенсионного возраста, по званию — доцент, кандидат мед. наук, много лет работала замом директора по науке.

С Зоей Павловной, они почти сразу подружились. Та увидела в Вере перспективного человека и взялась за ее обучение. Причем по ее собственной методике. Методика состояла в том, что молодому начинающему врачу давали самых сложных и запутанных больных. И чтобы дойти до истины, надо было перекопать тонну литературы, и сломать все мозги. Причем самостоятельно, и после того как был готов примерный диагноз, его надо было озвучить и доказать Зое Павловне. А дальше она долго выясняла, почему мысли шли именно в этом направлении, а в никаком ином. А если подумать в другую сторону, то что получится? Вот это и нравилось Вере, что та умела учить мыслить, Вера же любила учиться.

Правда, Миша заявил, что хотя Зоя Павловна прекрасный диагност, но в плане лечения она слаба. Ее знания устарели, а наука и медицина шагнули вперед. Он очень долго рассуждал о прогрессе и новых технологиях.

Вера с ним была не согласна, считая важнее всего диагностику, а с лечением можно справиться, как и с прогрессом и новыми технологиями.

К тому же за ней закрепили целые две палаты, которые она курировала. Проблемой было то, что дерматология состояла на 90 процентов из синдромов. Причем от синдрома приходилось идти к диагнозу. А вот тут курьезом оказывалось то, что диагноз мог быть совсем не дерматологическим. А симптомы были проявлением соматики или онкологии, или наследственной патологии.

Молодому врачу Верочке было и жутко интересно, и жутко сложно, и вообще просто жутко. Потому, что ровно через месяц работы, она поняла, что первичные элементы не

различает на глаз между собой, а что там говорить о вторичных.

А больных все так же давали самых сложных и запутанных.

Она пошла к профессору, к заведующему кафедрой, который курировал ее занятия в кружке.

— Юрий Иннокентьевич, я не могу. Я ничего не понимаю. Я папулу от пустулы отличить не могу, понимаете? Неужели я настолько тупа?

— Нет.

— Что нет? Что делать то?

— Что думаешь?

— Бросить все.

— И что дальше? Верочка, сдаваться — дело не Ваше. Не в Вашем характере все бросить и не победить.

— Но я не различаю, понимаете?!

— Я тоже не различал, и паниковал, так же, как и Вы. Время надо, и смотреть, как можно больше смотреть. Вот если бы Вы сказали, что все видите, и все понимаете, я бы удивился. Вы работаете с Зоей Павловной, и диагностика для Вас сейчас самое главное.

— Сколько времени? Ну хоть чтобы полной дурой себе не казаться?

— Пол года, год. Прозреете. Потом будете видеть все там, где и не надо видеть. В гостях, в автобусе, на улице. Это тоже проблема. Видеть не человека, а папулы с пустулами. Справитесь, Верочка. Вы, так точно справитесь.

Миша тоже ее подбадривал, как мог. Он оказался очень хорошим другом. Да, да именно другом. Вера не позволяла себе даже мысли о каких-либо других отношениях. Да и он слишком любил дочь. Симпатизировал Вере, однозначно симпатизировал, оказывал ей знаки внимания, иногда провожал домой, но ничего больше. Просто друзья.

Ее такой расклад вполне устраивал. К тому же они познакомились и даже подружились с его женой. Не так, что бы близкими подружками, которые делятся всем самым сокровенным, а приятельницами.

Еще одна перемена произошла в жизни Веры. Она решила жить отдельно. Переехала в свою квартиру под неудовольствие мамы и бабушки.

Даже скандал состоялся.

Ирина настаивала, чтобы дочь продолжала отдавать ей всю зарплату, и мама будет продолжать распоряжаться общим бюджетом. И готовить Вере не надо, пришла и поела. С одной стороны это заманчиво, но с другой самостоятельности опять не видать. Вера же хотела самостоятельности. Хотела распоряжаться своей жизнью целиком и полностью. В конце концов она должна строить свою судьбу, своими собственными руками и своей головой доходить до каких-то истин. Она добилась своего. Только в первый же вечер отдельного проживания, накатились тоска и одиночество. Никогда до этого, она не чувствовала себя такой одинокой. Четыре стены и она одна. Вся жизнь вместились в одну комнату. Ну еще другую и кухню. Она попила чай и чувство одиночества и пустоты многократно усилилось. Оно накатывало волнами и стало похоже на обреченность. Весь вечер смотрела в окно. Там были люди, шли куда-то. Кто-то торопился, кто-то наоборот прогуливался. Они не были одиноки. У них у всех были те к кому они шли, к кому торопились. Или уже шли подле друг друга. А что или кто есть у нее? Вопрос остался без ответа. Оставалось сдать и вернуться к маме с бабушкой. Но это не было выходом. Решила жить самостоятельно, значит все, обратного пути нет. Она подошла к телефону и подняла

трубку. Номер набрался как-то сам собой. Она долго ждала, когда, наконец, на том конце поднимут трубку. А потом услышала такой родной и близкий голос подруги:

— Вера! Верочка, как же я рада, как я скучала по тебе. А твоя мама говорила, что ты вся в учебе, а потом в работе. Ты даже не представляешь, как я рада, счастлива тебя слышать. Ведь, я люблю тебя, сестренка.

А дальше они говорили, изливали друг другу все свои мысли и переживания, говорили и говорили. Будто и не расставались никогда, и не было разлуки, и не было такого долгого молчания. Не было недопонимания, ни противостояния. Оставалась только искренняя привязанность и любовь, как между сестрами, как между самыми близкими людьми, связанными кровными узами. Вера вспомнила слова Алексея, что сколько бы времени ни прошло, и что бы в их с Олей жизнях ни происходило, они навсегда останутся подругами, потому что что-то их связывает разрушить не может ни жизнь, ни время...

===== Следователь =====

Восемь месяцев интернатуры в дерматологии пролетели как один день. Только появилось понимание, только вроде прозрела и сдала экзамен по кожным болезням, только почувствовала силы и оценила возможности, как ее перевели в отдел ИППП (инфекций передающихся половым путем). Или по-другому — в вен. отдел.

А за неделю до перевода произошла история. Вере дали курировать палату инвалидов и участников Отечественной войны. Палата маленькая, двухместная, и лежали там на этот раз вовсе не участники войны. И хоть к ветеранам эти пациенты никакого отношения не имели, но люди были пожилые, уважаемые, занимающие достаточно весомое положение в обществе. Один — какое-то руководящее положение в профсоюзах, а другой был главным редактором партийной газеты. Оба оказались жутко тщеславными, подлыми и вообще мерзкими мужичонками. Но пациентов не выбирают. Болеют, значит надо лечить. Проблема же их лечащего врача состояла в том, что лечить их приходилось долго, а следовательно, терпеть их капризы, и недовольство, и брюзжание, и лекции о политике, короче, все составляющие больного человека. Ну, не выздоравливают быстро дерматологические больные...

Вот и этот день у Веры не задался прямо с утра. Кофе кончился. Пришлось довольствоваться чаем. Чай — это вовсе не то... Голова болела. Но делать нечего, после работы надо сходить на рынок и купить кофе. Еще одно утро без кофе ее голова не выдержит.

Вот с мыслями о бодрящем напитке она входила в родное отделение дерматологии.

— Вера Юрьевна?

— Доброе утро, я Вас слушаю.

Перед ней был мент. Самый настоящий, он даже ей удостоверение предъявил, затем выгнал всех из ординаторской и остался с ней один на один.

— Вера Юрьевна, подпишите протокол осмотра места происшествия.

— Я не стану ничего подписывать. Что случилось? — она забеспокоилась совершенно искренне. — Объясните, пожалуйста.

— Значит, не подпишите?

— Нет, и повторю свой вопрос.

— С огнем играете, милая девушка. Лучше подпишите, и делу конец.

— Я не стану ничего подписывать, пока не прочту и не узнаю, что к чему.

— Дело Ваше. Говорить будете со следователем.

Он ушел.

На планерке главврач орал, что какие-то ... вызвали милицию в отделение. Что ни дежурной медсестры, ни дежурного врача не было. Что больные выражают недовольство, что их подняли среди ночи и допрашивали, и, наконец, он нашел крайнюю во всем этом ночном безобразии... Это была Вера, потому что палата инвалидов ее, и именно ее пациенты затеяли весь этот сыр-бор. Затем ей все сказала заведующая дерматологией, намекнув, что подобный инцидент может поставить огромный крест на ее так удачно начавшейся карьере.

В палату инвалидов Вера входила, пылая праведным гневом. Но увиденное вызвало лишь улыбку. Лица обоих ее пациентов были покрыты множественными царапинами и синяками. Лежали они, отвернувшись друг от друга, явно не разговаривали и дулись.

При появлении Веры они наперебой начали рассказывать о ночной драке и о том, кто был зачинщиком, потом снова о политике, и драка чуть не возобновилась. К обеду их перевели в разные палаты. Достучаться до сознания каждого из драчунов Вера не смогла, а после обеда ее вызвала заведующая дерматологии и сообщила, что в пять часов она должна быть у следователя. Адрес прилагался.

Вот так и закончилась покупка кофе на рынке.

Она пришла в участок. Ждать пришлось около получаса. Затем ее пригласили в кабинет. Следователь встретил ее с улыбкой и нескрываемым удивлением.

— Не ожидал, что Вы такая, Вера Юрьевна. Паспорт можно?

Она достала из сумочки паспорт. Он внимательно пролистал все страницы.

— Значит, Вам двадцать три?

— Да, диплом я с собой не взяла, но уверяю Вас, что он имеется.

— Да я понял.

— Кстати, меня зовут Максим Владимирович. Присаживайтесь. Разговор будет долгим.

— О чем? О том, что двое больных подрались ночью в палате? И им обоим за семьдесят?

— Да нет, Вера Юрьевна, Ваши больные подрались не в палате, а в частном доме, расположенном рядом с институтом. Вот протокол осмотра места происшествия. Но кроме того, Вы являетесь единственным свидетелем.

— Я?

— Вы. Где Вы были сегодня в три?

— Дома.

— Кто это может подтвердить?

— Никто, я живу одна.

— Муж, любовник?

— Нет в наличии.

— У такой интересной женщины?!

— Может, я стерва?

— Не похоже. Почему Вы отказались подписывать протокол?

— Потому что я ничего не делаю по принуждению, и потом, я его не читала.

— Вы меня удивляете.

— Вы меня тоже. Как по-моему, так случившееся выеденного яйца не стоит, а Вы устроили неизвестно что, в чем Вы пытаетесь разобраться? Какой протокол? Какой частный дом? У вас одно вранье нанизано на другое. Простите, но я не понимаю, чем Вы тут вообще

занимаетесь. Я считала, что такие структуры, как ваша, достойны уважения, вижу ошибалась.

— Злитесь?

— Еще как.

— Вера, я верю. Я вижу весь маразм происходящего. Но они задействовали такие структуры, что ты и представить себе не можешь.

— Что дальше?

— Я попытаюсь доказать правду. Я приду к Вам в отделение и напишу свои протоколы.

— Хорошо, я и не подозревала, что можно настолько все выдумать.

— Драка была?

— Судя по их рожам, была. Я сегодня все ссадины и царапины в истории описывала с особой тщательностью, сочинение на тему скарификаций эпидермиса.

— А по-русски?

— Переводить будете?

— Давайте, Верочка, по домам, поздно уже. Провожу?

— Провожайте, и дело ваше липовое закройте.

Он надел плащ и помог Вере. Вышли они из отделения вместе. Она попрощалась с ним на улице, но он взял ее за руку.

— До дома провожу. Темно уже.

— Да я и сама как-то. Провожайте, так уж и быть.

— На ты можно?

— Хорошо. Это такой способ знакомиться? Через уголовное дело?

— Не злись. Дело делом, а знакомство знакомством.

===== Перемены =====

Весь вечер Вера перебирала в голове события прошедшего дня. Плохо, все было очень плохо.

Заведующая дерматологией была на нее зла. Это очень неважный знак. Она просто может не взять ее на работу в отдел.

Это ведь ее косяк, что ее больные вытворяют такое, так еще ведь и статью толкнут в прессе с вымыслом и участием ее — Веры. А этот с профсоюзов! Головная боль, да и только. Максим обещал разобраться, только разберется ли? Говорит, что на него давят, причем с разных сторон, и каждая сторона хочет довести дело до суда. А она — Вера — единственный свидетель.

Только то, что она совсем никакой не свидетель, он вроде бы понимает. Вера пыталась ему объяснить, что у каждого больного с выраженным зудом с психикой нормально быть не может, тут еще и возраст, и сопутствующая патология.

А он просил говорить по-русски, и смеялся над ее искренними переживаниями. Проводил до дверей квартиры и поцеловал руку на прощанье.

Приятно... мелочь, а приятно. К ней никто никогда не относился с нежностью. И она решила, что это нежность. Хотя, может, просто приличие.

Но мыслей о работе было гораздо больше, чем о следователе-мужчине.

В отделении она появилась, еще семи утра не было. Прошедшая ночь была спокойной. Дежурный врач сказал, что за драчунами следил особо. Но нервы у Веры все равно оставались на пределе. Полвосьмого в отделении появился Максим. Он в присутствии заведующей провел беседу со всеми фигурантами вместе и по отдельности.

После этого, заведующая вынесла решение выписать обоих драчунов за нарушение режима. А Максим обещал им еще разбирательство по поводу обмана следствия.

К директору они ходили, клялись, обещали, что будут хорошими, но там встретили такой отпор, что сами того не ожидали от такой очаровательной женщины директора. Она заставила написать их правду о том, что драка произошла в палате и лечащего врача при этом не было. Что историю с частным домом они выдумали, а опергруппу, выезжавшую по вызову, просто запугали своими регалиями.

И хотя все вроде бы хорошо закончилось, но Веру не покидало чувство, что в дерматологии все же работать ее не оставят. Вот с такими мыслями она перешла в венотдел.

Заведующий Даулет Абдрахманович долго думал, к кому прикрепить Веру, чтобы та могла учиться сразу всему. Как он сам объяснял — ему требовался специалист общего профиля, чтобы лечил и мужчин, и женщин, и детей. И отправил он Веру к Олегу Михайловичу. У того был отдельный кабинет, но его подвинули и второй стол поставили. Так и образовалась еще одна маленькая ординаторская в венерологии. «Временно», — утверждал Даулет.

— Нет ничего более постоянного, чем временное, — отвечал Олег. Но против Веры ничего не имел.

— Слушай, — говорил он ей в очередной раз, — как ты замуж выходить будешь? У нас же контингент... Больные особые, что наши специфические, что кожные, шкурные. Тут никого и встретить-то невозможно, а ты живешь как. Работа — дом, дом — работа.

— Останусь старой девой, — отвечала с улыбкой Вера.

— Свят, свят, — что говоришь-то? Старой девой нельзя. Но я твоего избранника сначала посмотрю, стоит с ним или не стоит. А там решим. Ты мне теперь как дочь. Так что слушайся.

На самом деле у Олега Михайловича дочерей было две. Обе в него, достаточно высокие и крупные девахи двенадцати и четырнадцати лет. Они были такие же добродушные и милые, как их папаша, который в обеих души не чаял. Баловал он их безмерно, выполняя любые девчачьи прихоти. Но девочки все равно были хорошие и домашние.

Веру они сразу полюбили и сделали ее своей подружкой.

Правда, на второй день пребывания Веры в одном кабинете с Олегом к ним в обед наведалься его супруга, но и она решила, что Вера угрозы их семейному счастью не представляет. Не тот она человек, чтобы мужа отбивать. На том и успокоилась.

Врачи-венерологи резко отличались от серьезных и вдумчивых дерматологов. У этих жизнь казалось сплошным праздником, они обладали специфическим юмором, с налетом легкого цинизма. Но врачи еще ладно, а вот их пациенты...

Они совсем не походили на дерматологических, другой, нагловатой манерой поведения, непослушанием и тяжелым цинизмом. Во всяком случае, так показалось Вере в первый же день работы.

Это позже она разберется, что все люди, и люди, в принципе, одинаковые, только со своими особенностями и пристрастиями. А наглость, как правило, является защитной реакцией. Что к каждому человеку можно и должно найти подход. Главное, видеть в нем ЧЕЛОВЕКА.

Первым делом на столе Веры появились три книги, и положил их Олег Михайлович.

— Читай, изучай, это самое важное. Книги мои. На столе не оставляй, тут воруют. Ты пока человек чужой, тебя не пощадят. Это когда у тебя будет свой авторитет и своя

клиентура, приобретешь статус неприкосновенности, а пока учи. Самое главное — понять психологию поведения, тогда сможешь вопросы правильные задавать и получать нужные ответы. Все твое дело сводится к умению разговаривать. Не все хотят лечиться. Не всегда раскрывают контакты, а нам они нужны. Мы должны устранить источник того, от кого идет заражение. И лучше это делать без участия правоохранительных органов. А чтобы этого добиться, больной должен тебе доверять. То, что он тебе сообщил, осталось у тебя и никто ничего никогда не узнает. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, с твоим жизненным опытом тем более ничего не понимаешь. А Даулет хочет тебя у нас оставить. Погорелов против, он тебя привел для себя, но директор не даст, для нее Даулет важнее. Ты поймешь потом подводные течения. Мне велено учить тебя всему, всем нюансам, а это что-то значит.

— Я в дерматологию хотела.

— Извини, но решать не тебе. Еще благодарна будешь. Сначала будешь работать на имя, потом имя на тебя. Тут свои законы.

Вера взяла в руки книги.

— Вы мне бы еще камасутру подсунули.

— А это ты должна была знать до того, как вошла в этот кабинет. Сексология, сексопатология и эволюция сифилиса — вот основа. На этой базе будем работать.

Вера читала второй день, конспектировала, что-то перечитывала. «Эволюцию сифилиса» Милича проглотила как художественный роман. Вот написано — литераторы позавидуют. Она настолько углубилась в изучение этих книг, что не заметила появление рядом с ней редактора той самой злополучной газеты.

— Вера Юрьевна, я прошу прощения за свое поведение.

Она предложила ему сесть. И тут его понесло, он рассказывал, какой у него зуд, как он чешется и чешется, а кроме расчесов никто ничего не находит, что он выгнал из дома дочь, что хочет найти молоденькую жену, чтобы оставить сына без квартиры, что его уволили с работы, что кашу лучше есть соленой, что сахар убивает нервные клетки. И самое главное, что ему нужен рецепт от зуда, а то как он будет чесаться при любимой женщине. Причем женщины у него еще не было.

Вера все время думала о психиатрической патологии, и на уме было лекарство от бреда — аминазин. Но на консультацию к психиатру этот тип точно не пойдет, ладно, надо направить его к невропатологам и на КТ мозга. Вдруг там что найдут. Она написала направление и решила выписать меновазин для снятия зуда. Достала бланк с тремя печатями и подписью заведующего и выписала рецепт. Меновазин на спирту, а тогда спирт был на особом учете.

Пациент ушел.

И тут пришло понимание, что выписала она все-таки аминазин в таблетках. Прямо вот по таблеточке три раза в день, да еще после еды.

С какой скоростью она рванула к профессору, даже и говорить не надо.

— Верочка, у нас землетрясение?

Она сбивчиво рассказала о визите больного и о своем ляпе. Он хохотал, просто хохотал и все. А Вера смотрела и ничего не могла понять, когда он отсмеялся, произнес.

— Аминазин ему действительно важнее меновазина, а КТ головного мозга ты назначила правильно.

Самое интересное, что после обследования у этого больного действительно обнаружили астроцитому головного мозга. Об этом потом сообщил его сын.

Но пока ничего этого Вера не знала и спокойно собиралась домой после окончания рабочего дня. Как только она вышла из здания, то увидела Максима. Он ждал ее.

===== Реальность =====

Это была такая приятная приятность. Он ждал ее. Веру это немного удивляло, судя по тому, какое впечатление у нее сложилось о нем, она ему не подходила. Она не относилась к тому кругу, в который стремился попасть он. А он был очень даже тщеславен. У него были планы и пути их реализации. Вера же, как достаточно трезвомыслящий человек, понимала, что ей нет места в его планах.

Да, он был мил и приятен в общении. Но надо контролировать свои чувства и эмоции. Вот Вера и контролировала, да и он контролировал.

Его не было больше недели. Он закрыл дело и, казалось, забыл о ней. Она уже и ждать перестала... И вот появился.

— Вера, ты домой? Здравствуй!

— Привет! Да, домой. Что-то случилось?

— Нет. Я даже забыл о том инциденте. Сдал в архив и забыл.

Только вот глаза твои помню.

— И что мои глаза?

— Красивые...

— Я домой.

— Проводить можно?

— Пошли.

— Пешком?

— Автобусом.

— Нет, давай пешком.

Они шли, говорили так, ни о чем. А больше даже молчали.

— Так ты теперь венеролог?

— Дерматовенеролог. Да, я в вен. отделе. Пока учусь.

— Не противно?

— Нет. С чего? Везде люди и везде пациенты. Но я еще только учусь, руками не работаю.

— Смешная ты и серьезная. Может, в кино?

— Только маме скажу.

Так начались их встречи. Просто встречи, прогулки, походы в кино. Один раз даже в театр на балет. Но только лишь потому, что туда хотела Вера. Он не любил балет, да и оперу тоже. У них не совпадали вкусы, было совершенно разное мировоззрение. Но его тянуло к ней. Почему тянуло, не понятно. Она не была той, которая поможет в его карьере, а карьера была его целью, он и не скрывал этого. Она ему нравилась. Его подкупали ее честность, непосредственность и любовь к людям. Последнее, наверно, больше всего.

Она казалась простой и в то же время настоящей. Без двойного дна и без подлости в душе. Каждый раз они прощались, совершенно не надеясь на новую встречу. Потому что оба понимали, насколько разные, но проходил день или два, и он снова ждал ее около института. Извинялся за то, что не позвонил и не пришел вчера. А она радовалась совершенно искренне и честно. Любила ли она его? Непонятно. Но ждала, не надеялась, но все равно ждала. И

когда выходила с работы и не видела его, то сердце щемило, а настроение портилось. Вот так текла жизнь. Она ни разу не спросила при расставании, увидит ли его вновь, а он каждый раз прощался так, как будто больше никогда...

Прошел месяц, потом другой. Вера получила корочку об интернатуре по дерматовенерологии. Ее оставили работать в вен. отделе, это было решение директора. Михаил расстроился, он рассчитывал работать с ней. Но то, что позволено Даулету Абдрахмановичу, не было позволено ни Михаилу, ни заведующей дерматологии. Оставалось только смириться и подать на конкурс младшего научного сотрудника отдела венерологии. Вот Вера и подала документы на конкурс и ушла в законный отпуск.

Она убиралась и мыла окна, когда заметила приближающегося к ее дому Максима. Помахала ему рукой из окна.

— Выходи!

— Заходи!

— Нет, я не должен, выходи, пойдем отметим твой отпуск.

— Куда?

Она спустилась с подоконника.

— Может, в ресторан?

— Разбогател, что ли? За себя плачу я.

— Ну конечно, ты же у нас самостоятельная и независимая женщина.

Он улыбался, глядя на нее. А она таяла от его улыбки, и кажется, в душе уже согласилась и на ресторан тоже.

Собиралась достаточно долго — минут пятнадцать. Надела любимое платье и босоножки на каблуках. Красилась. Затем крутилась перед зеркалом. Все не решалась выйти к нему. Но потом собралась с духом и вышла. Надо выяснить, зачем он ходит, ведь с каждым разом, с каждой встречей она все больше привязывается к нему, надо выяснить. Столько недомолвок накопилось. Вот сегодня очень удобно, очень к месту: и деньги у нее есть, все равно за себя заплатит сама. Не будет она ни от кого зависеть. Да, она самостоятельная женщина.

Наконец решила и вышла из квартиры.

— Хороша ты, Верка, — услышала от него.

— Что выросло, то выросло.

— Красавица выросла. Вот хожу к тебе и хожу.

Он замолчал, как бы боясь не сболтнуть чего лишнего. А она восприняла его речь почти как признание.

В ресторане заказали спиртное. Водку и вино. Она пила водку и запивала вином. Никогда так не пила, пила, конечно, но не так, а тут расслабилась и уже даже не понимала, что делает. Последнее, что она помнила, как требовала отдельный счет у официанта. А дальше...

... Как они пришли к нему домой... И почему к нему, а не к ней, как он обнимал ее и пытался поцеловать, а она никак не могла позволить ему такое безобразие, как поцеловаться в губы. А потом ей так захотелось быть с ним, а он ласкал ее и расстегивал платье, а потом все случилось... Только ни хорошо, ни приятно уже не было, она стонала от боли и закусывала губы, а он считал, что от удовольствия... А потом просто уснул и все, а она протрезвела... Реальность — вот, что она осознала. Реальность милой не была, и романтики в ней тоже не было.

Вера поднялась с кровати. Нашла свои вещи, раскиданные по комнате. Оделась, растолкала ничего непонимающего Максима.

— Дверь закрой.

— Ира, ты куда? — он не мог разлепить глаза и все пытался схватить ее за руку.

Но Вера уже вышла из квартиры и, прижавшись к стенке в подъезде, слышала, как он выругался на то, что пришлось встать с постели, послал в пустоту:

— Дура, ты Ирка, — и повернул ключ в замке.

Слезы текли из глаз, а потом разобрал смех, глупый истерический смех.

На улице огляделась, поняла, что до дома совсем недалеко. И хоть на улице крошечная ночь, народ по улицам ходит. Надо тихо и не обращая на себя особого внимания дойти до дома. Она дошла, сначала немного пошатываясь, а потом свежий прохладный ночной воздух сделал свое дело, и она совсем протрезвела. На душе было просто пусто.

Глупость, конечно же. Но что теперь делать. Очень хотелось домой и в душ. Смыть с себя все. Она как можно тише пыталась пройти мимо маминых окон и прощмыгнуть в собственный двор. Но все оказалось не так просто. Мама ждала ее у окна и тут же выскочила на улицу, прямо на Веру.

— Где ты была?

— У Оли.

— Не ври, с кем ты была? Ты пьяная?! Ты пьяная, шлюха! — она с силой ударила дочь по лицу. — Как ты могла?! Кто он? Или тебе без разницы?

— Да! Ты права, мне без разницы, и да, я шлюха. Дальше что?

Она получила вторую оплеуху от матери. Ирину уже трясло, но дальше шуметь на улице она не стала.

— Утром поговорим. Не для того я тебя растила.

С этими словами она пошла к себе домой, а Вера к себе.

Долго пыталась под струями воды оттереться от всей грязи. Но душу отмыть невозможно. А еще на щеке отчетливо проявился синяк от ладони. Даже не один, а два с одной и той же стороны.

Хорошо хоть на работу не идти. Отпуск все-таки.

===== Зря, все зря =====

Самое интересное, что Вера спала и спала долго.

Проснулась от звонка в дверь. Бесконечного такого звонка. Встала и пошла открывать. Перед ней была мама.

— Так что у тебя было? — прямо с порога спросила та, но уже с жалостью и пониманием.

— Все было. А что?

— А если залетишь?

— Рожу.

— Дура, что ли? Как одной ребенка поднимать?

— А ты как поднимала?

— Так мне бабушка твоя помогала, а ты-то как? Вера, кто он?

— Никто, мама. Никто!!! И звать его никем!!!

Слезы катились по щекам, осознание, наконец, пришло, и стало так себя жалко, просто невыносимо жалко.

— Верочка, это тот высокий парень, что с работы тебя провожал? Так он ничего вроде.

Ирина сама плакала рядом с плачущей дочерью.

— Ты правильно говоришь, мама. НИЧЕГО! Нет его. И уже не будет.

— Не делай глупости, Вера, он как порядочный человек должен жениться.

— На всех сразу? Мама, нет сейчас порядочных людей, и начинать надо с себя.

Я получила то, что хотела, мне и расхлебывать.

— Значит, родишь?

— Ой, для родишь еще забеременеть нужно. Не пори горячку. И не нервничай. Лучше бодягу мне купи в аптеке. Я теперь дней десять из дома не выйду.

Ирина принесла бодягу, и Вера попросила ее уйти. Надо было побыть сам на сам. Выслушивать от матери, как теперь стыдно людям в глаза смотреть, она не хотела. Девственница она или нет, на лбу у нее не написано, а потому, кто что скажет, значения не имеет. Не волнует ее это, и все. Хотя пересуды, конечно, пойдут. Она сама вчера ночью заметила соседку в окне, которая наблюдала их скандал с матерью.

Ну и черт с ней! Для всех хорошей и правильной не будешь, и не судья ей тетя Соня. И вообще никто не судья. Сама себе она судья, и все.

Медленно заканчивала вчерашнюю уборку и мытье оставшихся окон тоже.

В конце концов, что такого сверхъестественного произошло? Ну не умрет она теперь девственницей... Ну и? Ей двадцать три года, через полгода двадцать четыре. Что такого? Ничего.

Еще одно разочарование, и все. А жизнь, она вообще такая — из сплошных разочарований состоит.

Невольно вспомнила свою последнюю больную с сифилисом. Она беременная была и так ребенка хотела... А муж из командировки сифилис привез. Случайно у него получилось. Вера ей направление на прерывание беременности выписывала, а та рыдала, просила ребеночка не трогать. Все твердила, что не виноват он ни в чем, сыночек ее.

Вот кто-кто, а он, маленький, уж точно ни в чем не виноват, и душа его в рай попадет, если есть такой. И Вере его жалко было, и отца его непутевого тоже. Только вариантов там нет и не может быть, только прервать беременность.

Вот оно горе было, и слезы настоящие, а у нее — мелочи...

Кстати, на сифилис надо кровь сдать, да и на инфекции анализы тоже.

Стыдно, конечно, но надо.

Через недельку с Галиевной поговорит и сдаст. Галиевна своя, она поймет. Сама Вере говорила, что если что, чтобы обращалась. Хорошо, что люди нормальные в жизни встречаются. Вон как с коллективом повезло. Уже счастье.

Взяла в руки вязанье, вот однообразная работа ее точно отвлечет. И дело пошло. Но входной звонок снова надрывался. «И что маме неймется!» — пролетело в голове, открыла не глядя. Перед ней стоял Максим.

— Пустишь?

— Входи. В подъезде глупо разговаривать. Что пришел?

— Я не помню, как ты ушла, а на постели кровь. У тебя месячные начались?

Вере стало смешно, вот просто смешно, и все.

— Мне пойти простынь постирать?

— Кто тебя бил? — он смотрел на отпечатки ладони на щеке. — Вера, нам надо серьезно поговорить.

— Не надо. Нам больше не о чем говорить.

— Ты мне нравишься, понимаешь. Ну прости, конечно, мы с тобой зря вчера по пьяни...

— Зря. Мы с тобой вообще зря.

— Вера, прости, это ничего не меняет. Я так давно хотел...

Она не дала ему договорить.

— А Ира? Ты меня вчера Ирой называл. Ты с ней лучше объясняйся. А со мной не надо, не о чем. А если она ничего не знает о твоих похождениях, то и не объясняйся. Просто не говори ей ничего, и все.

— Я могу все объяснить. Ира, она дочь...

— Замолчи. Она хорошая твоя Ира?

— Да, только я не люблю ее.

— Так полюби, не обманывай хорошего человека. А я не люблю тебя. Вот поняла вчера, что вовсе даже не люблю. И не подходишь ты мне. У меня опыт знаешь какой, так вот ты не подходишь.

— Кто бил тебя? За что? — он был растерян и явно жалел Веру. А в жалости, тем более в его, она не нуждалась.

— В люк упала по дороге... Уходи.

Он ушел. Конечно, он ей не верил, но зато был повод уйти, она сама прогнала.

Прошел день, а потом еще, и еще. Вера ждала. В глубине души ждала, надеялась, что он придет...

Но он не пришел, и на сердце постепенно начала затягиваться ранка, еще побаливала и ныла, отдавалась тоской и слезами, но затягивалась. Пока не образовался такой тоненький и почти незаметный рубчик, о котором можно было бы и не помнить, только если вдохнуть поглубже, то соединительная ткань на таких рубчиках лопалась, и они снова кровили и болели, правда, непонятно какой из них больше. Потому что боль сливалась, и ныли они все вместе сразу. И тогда одиночество накатывало волной и накрывало так, что не вдохнуть и не выдохнуть.

Но это лишь длинными вечерами. А днем была работа...

Так получилось, что где-то через год Вера встретила Максима в магазине. Он был в сопровождении беременной женщины. Вера решила, что он ее не заметил, и поспешила покинуть магазин. Но он ее догнал.

— Вера, смотрю ты — не ты.

— Я. Тебя можно поздравить.

— Можно... Только.

Она опять не дала ему высказаться.

— Ты будешь отцом. Это знаешь какая ответственность. Я рада за тебя. Все будет хорошо, — она улыбалась.

— Какая же ты все-таки...

— Я обычная женщина, просто женщина.

— А сама как?

— Хорошо, у меня в жизни все замечательно, я счастлива. Да, и если тебе понадобится моя помощь, как специалиста, обращайся. Анонимность гарантирую.

Он остался в полной растерянности.

===== Такая она-дружба =====

Вера встретила с подругой, надо было обсудить все последние события. Вернее,

последние события в жизни Оли. А обсуждать было что.

Оля думала выходить замуж... За бывшего одноклассника. Нет, не за Андрея. Андрей женился на какой-то медсестре и уехал в Питер. Встречались они после его развода с Олей или нет, так и оставалось для Веры тайной. Только на данный момент Оля витала в облаках и вся светила от счастья.

Оказывается, этот ее одноклассник Витя любил ее еще в школе, но так стеснялся своей внешности, что даже подойти к самой красивой девочке в классе не решался. По словам Оли, он все уши своим родителям прожужжал о том, какая Оля необыкновенная, и как она ему нравится. А тут совершенно случайно встретил ее на улице, разговорились, вспомнили школу, он проводил ее до дома. Потом позвонил, пришел. Стали встречаться, и вот уже неделю живут вместе.

Сказка была красивая, но неправдоподобная. Вера помнила этого Витю. Невысокий, очень неинтересный внешне. Но, может, душой он хорош, кто его знает. Видела его Вера от силы пару раз, и все. Он ей тогда совсем не приглянулся. Но времени прошло ой сколько. Все могло измениться: и он мог измениться, и отношение к нему тоже. Прошло почти десять лет, нет, десять это она загнула, но восемь точно прошло.

Оля же купалась в любви и внимании, и то он для нее, и се. Прямо ангел, а не человек. Вере очень хотелось, чтобы все это было правдой. Потому что очень надо, чтобы Оля жизнь свою устроила, и, конечно, надо, чтобы была счастлива. Но Верины прагматизм и неверие людям заставляли усомниться в словах подруги. Вера понимала, что это пока еще лишь эйфория от того, что Олю могут любить и любят. Что заботятся о ней и, самое главное, что она не одинока. Что ее сын называет этого Витю папой.

— Так сразу и папой? — Вере не понравился такой подход. Она считала, что нельзя играть на чувствах ребенка, изначально не одобряла запрет Оли на встречи сына и отца. А тут сразу — папа. Сколько может быть таких пап по жизни? И все папы, что ли? Нет, ребенка нельзя втягивать в такие отношения, сначала надо отношения эти на прочность проверить, а потом уже папой называть.

— А как? Его сын меня тоже мамой называет, — Оля не обрадовалась такому подходу Веры.

— Оля, сколько его сыну?

— Три года, маленький совсем. Мама, правда, злится, что он меня мамой называет. Говорит, что чужой родным не станет.

— Как ты строить отношения с его отцом собираешься, когда ребенка крохотного принять не можешь.

— Так ты считаешь, что я своего сына обделить должна. А тому дать?

— Думаю, что поровну. Не понимаю я тебя. Как дите не любить можно...

— Чужое дите, пойми ты, идеалистка чертова. Сначала своего роди, а потом рассуждать будешь, кого и как любить.

— И ты пойми, не сможешь полюбить ребенка, семьи у тебя не будет. Где мать его?

— Да знаешь, история там такая. Она его родила и не приняла, домой когда выписалась, собрала свои вещи и ушла.

— Куда ушла?

— В том-то и дело, что в никуда. Просто ушла, и все, ничего не объясняя. Витя в розыск подал. Не нашли, до сих пор не нашли, представляешь, как в воду канула. И всех знакомых ее спрашивали, и родителей — никто ничего не знает. Родители во всем обвинили Витю,

сказали, что он ее довел и ребенка видеть не хотят. Вот он с малышом месяц просидел, ухаживал сам, а потом няню нанял. Вот с няней вместе его и поднимали.

Не понравилось это все Вере, ох как не понравилось. Прямо как иголки под ногти. Вот такая боль от этого рассказа невыносимая.

Не место Оле с ним. Вот какой вывод Вера для себя сделала. Наверняка с няней у негс отношения завязались, а тут он любовь свою бывшую встретил. И той женщине тяжело, и Оле не сладко. Потому что та ей добра не пожелает.

Вот и получается все не по-людски, не по-человечески. Нельзя строить свое счастье на несчастье других. А тут еще Оля ребенка его принять не может, а ему, сиротинушке, мамка нужна. Настоящая, чтобы любила. И подруге плохо. Пройдет эйфория, наступит реальность, а какова она? Счастье-то в ней где? Не будет там счастья, потому что увидит она и всю его внешнюю некрасивость, и не соответствие ей. Если Сергей не такой оказался, то что уж про Витю говорить. Подумать — подумала, но слова лишнего не сказала. Не она судья, и не ей жизнь предрекать. Она лишь счастья желает. А услышит Господь ее пожелания или не услышит, это уже дело третье.

Поужинала у мамы, сама не готовила, а есть очень хотелось. Потом поговорила с бабушкой — так, ни о чем, просто, чтобы той не скучно было. А потом пошла к себе. Включила телевизор, там стрелялка какая-то шла.

Полпереда кофты связала, пока смотрела, вернее не смотрела, а слушала, потому что считать петли надо было внимательно. Фильм кончился, и началась передача в прямом эфире. И не просто передача, а о пользе свободных отношений и свободной любви. Тема Веру уж больно заинтересовала. Вот как раз с последствиями этих самых свободных отношений она и работает. И живет прямо-таки в их гуще.

Неделю назад первую порцию вакцины получила от гепатита В. Это потому, что очень уж тесно с представителями свободных отношений общается. Хотя нельзя так о людях, у каждого своя дорога, и прямых, сколько она наблюдает, нет и быть не может. И правда у каждого своя. И правильная у него правда или нет, не ей судить. У кого-то правды нет почти, а сочувствие вызывает ох какое. А у кого-то правда эта жизненная правильная и человек золотой вроде, а если приглядеться, то и... с ним рядом не сядешь. Но опять она отдергивала себя. Не ей судить. Нет, не ей. У самой грехов и ошибок не на одну жизнь, а все ей одной достались...

Разве только болезней у нее нет, так то воля случая, а не ее достижение. Вон некоторым везет с первого раза и забеременеть, и ЗППП подцепить. А ее Бог миловал. А может, родил бы — так лучше было, все не одна по жизни. Она начало передачи пропустила, мысли витали неизвестно где. Только голос родной и знакомый, милый такой и вкрадчивый вернул на землю. Асан, это был Асан. Друг ее институтский, парень, с которым никогда любви не было. Только дружба настоящая. Настоящая ли? Сколько они не виделись, года полтора или два уже. Но он все равно оставался родным. Просто родным, и все.

А теперь он сидел в этом дурацком ящике и говорил своим красивым голосом о преимуществе свободных отношений... Вера даже не сразу поняла, что он не один, что тетка, сидящая рядом с ним, ей тоже знакома. Та самая ненавистная Танька Рожнова, которая после развода Рожновой быть перестала. Кем же стала она? Не помнила Вера. Не помнила, и все. А они продолжали вещать, что живут вместе и дочь воспитывают вместе, но узами брака не связаны, и не собираются, так как у каждого есть связи на стороне, и есть, с кем обсудить их и поделиться впечатлениями. Потому что их объединяет и совместное

проживание, и дочь, и то, что они любят друг друга. И доверяют настолько, что и секс втроем пробовали, и пара на пару, с обменом партнерами.

Сначала глаза у Веры просто увлажнились, потом слезы проторили себе дорожку и катились одна за другой. Она уже не слышала, что они говорили, и о каких интимных подробностях рассказывали. Вера смотрела в экран и умоляла его, просто умоляла... Она говорила то, что, наверно, тысячу раз ему говорила его мать. И о том, что он поступает неправильно, и о загубленной жизни, о несостоявшейся карьере очень умного и талантливого человека, и о ребенке, девочке, живущей во грехе родителей. Но он не слышал ее так же, как не слышал мать. А Вера так и проплакала всю ночь.

Один день сменял другой, месяц тянулся за месяцем. Работа была отдушиной. Она полюбила венерологию, как, наверно, полюбила бы любую медицинскую специальность, которой занялась бы вплотную. У нее даже появились свои постоянные больные. Некоторые были хрониками, но предпочли молодую Веру своим старым и умудренным опытом врачам, а некоторые просто выписывались и через какое-то время попадали снова с новым или аналогичным прежнему набором инфекций.

Так текла жизнь. Пришла осень, и наступил день рождения Оли. Вера пошла поздравить. Естественно, что там и Витя тоже присутствовал.

На Оле надет вычурный костюм розового цвета с множеством оборок. Вера подумала, что в жизни бы такой не надела. Но вкусы у всех разные, и если Оле так нравится, то так и должно быть. Сели за стол, только не все сели, папа Оли сослался на недомогание и ушел в свою комнату. А тетя Сильва все время раздражалась практически на все, что говорил Витя. «Господи, — подумала Вера, — сценарий повторяется». После ужина Витя собрался куда-то по делам. Оля с Верой остались наедине, и понеслось. Оля говорила и говорила. И о том, что маму Витя раздражает, а папу так вообще. Он его на дух не переносит. Что мама не хочет оставаться с Витиным сыном, что он вынужден оставлять его с все с той же няней, а мальчик ее мамой называет, да и с Витей они жили практически семьей. И по словам Витиной мамы, там речь шла о свадьбе, но появилась Оля. А Оля — та, о которой он мечтал всю жизнь, а тут вдруг раз — и мечта стала реальностью. Еще говорила о том, что лучше бы им жить отдельно от родителей, но мама с папой ее не отпускают, требуя либо оставить у них совсем мальчонку, либо они с ним сидеть отказываются. И вот так получается, что куда ни глянешь, все везде тупик. И отношения получаются обреченными... И ссориться они все чаще с Витей стали: то по причине, а то и просто от раздражения.

Вот такая картина вырисовывалась, и очень даже не оптимистическая картина.

Долго еще говорили подружки. Каждая другой изливала душу и все, что там в этой душе накопилось. Пусть не было того самого счастья, о котором они в детстве когда-то мечтали, ни у одной, ни у другой, но они были друг у друга. А это ведь так важно, когда у тебя есть родной человек, которому можно излить душу, и он туда не плюнет, и поймет, и будет рядом, когда тебе хорошо и когда плохо. Просто будет всегда рядом, и ты будешь знать, что он у тебя есть. Всегда!

===== Он =====

Все было кувырком. Эта больная выматывала все нервы. Сегодня понедельник, то есть Вера не видела ее два выходных дня, а следовательно, без сюрпризов не обойтись. В пятницу она приводила одного мужа на обследование и одного любовника после обеда. Сегодня же должна привести другого мужа и двух детей. Шеф настоял на превентивном лечении для всех ее партнеров и всех детей. А это значит, что надо составить расписание, чтобы ее

партнеры, не дай Бог, не пересеклись. Личную жизнь пациента нужно уважать, какой бы она ни была. Правда, как женщина может жить одновременно в двух семьях и в обоих иметь детей, в голове не укладывалось. Да еще наличествовали два постоянных любовника, но они в расчет не брались. Да и сама больная была тем еще подарком. К тому же Вера подозревала, что она беременна. Матка увеличена на семь-восемь недель, хотя пациентка все отрицает. Ее бы на УЗИ сводить, но ни один центр не соглашался делать УЗИ больной сифилисом.

Со всеми этими мыслями Вера дошла до отделения, надела халат и пошла на обход. Сначала женская палата. Эту злосчастную вызвала в процедурный первой. Надо ее еще раз на кресле посмотреть и анализы взять.

Шейка матки была травмирована явно механическим путем, а цервикальный сильно воспален. Выделения начались прямо при осмотре.

Вера отправила больную в палату. И буквально полетела к заведующему.

— Даулет Абдрахманович, у Ивановой криминальный аборт. Какая тактика?

— Верочка, а что надо делать?

— Выскабливать, — она обреченно пожала плечами.

— Так берите машину — и в гинекологию вместе с больной.

— И они с радостью примут сифилис.

— А это уже ваше умение убеждать коллег. Дерзайте, Вера Юрьевна.

Она попросила институтскую машину и вместе с пациенткой поехала в скорую помощь. Там долго объяснялась с заведующим приемным покоем. Она доказывала, что они принять ее больную просто обязаны, к тому же сразу после процедуры она обязуется забрать ее обратно в институт. Но тот был непреклонен. Он даже смотреть ее отказался. Со словами: «Вот только сифилиса мне не хватало».

Тут в ординаторскую вошел молодой врач. Симпатичный. Очень даже импозантный, высокий такой... Он с усмешкой глянул на почти плачущую Веру.

— Что тут у нас?

— Вот тут коллега из амурного отдела нам сифилис подсовывает. Слышь, Александр Александрович, к человечности взывает. А нам сифилис нужен? Вот тебе нужен? Правильно, и мне не нужен.

— Так она на антибиотиках, — раздался голос Веры.

— Да хоть на чем. Аборт совершился?

— Я не знаю, полный или не полный.

— Так сами и смотрите, чему вас в институте учили. Ручками работайте и головкой своей хорошенькой тоже. Короче, проваливайте восвояси, дорогая коллега. И не разводите мне тут антисанитарию.

Вера вышла с силой хлопнув дверью.

Пришлось везти Иванову обратно. Ее даже осмотреть они не соизволили. И что ей дальше с ней делать?

Что она с собой сделала, как вызвала выкидыш, или помог кто, больная молчит. Что вводила в матку, не говорит. Но отвечает за ее жизнь Вера. И больная должна выздороветь. А с ней одни проблемы...

На работе получила выговор от начальства. Это оказалась ее вина, что в гинекологии бессердечные люди.

Посмотрела всех остальных больных. Записала все в истории. Хорошо, у тех нелюдей хоть отказ от осмотра взяла. История же для прокурора пишется, то есть все должно быть

юридически правильно.

Чай пить не стала, в палату к Ивановой раз двадцать уже зашла.

Настроения не было. Вот если понедельник начался через одно место, то так и пойдет. А он именно так и начался!

Не удался день... Да, что там день — вся жизнь не удалась! Вон у этой Ивановой два мужа и два любовника, а вид у нее — посмотреть не на что. Зато Вера одна как перст. Правда, и сифилисом не болеет, но ведь слова сказать не кому. Кошку завести, что ли? Хоть поговорить будет с кем, хоть глаза в глаза... И от инфаркта, говорят, помогает...

В ординаторскую постучали и вошли.

— Вы к кому, — спросил Олег Михайлович, разглядывая молодого мужчину.

— Да я вот хотел помочь, тут у вас больная сифилисом с криминальным абортom, давайте гляну профессиональным взглядом.

Олег покатился со смеху и глянул на изумленную Веру. А та смотрела на вошедшего и не верила своим глазам. Это был тот самый Александр Александрович, чьи глаза бессовестно ржали над ней в приемном гинекологии, по крайней мере, ей так казалось. И чего он вдруг сюда приперся? Там ему поржать не хватило?

— Верунчик, кажется, тут доктор по твою душу. Причем, в прямом смысле.

— Александр Александрович. Врач первой категории, — представился вошедший.

— Олег Михайлович, высшей категории. А Верунчик у нас — научный сотрудник, не замужем, но отдадим только в хорошие, проверенные руки.

Вера залилась краской...

Александр вытянул руки, не меняя серьезного выражения лица, и спросил:

— Подойдут?

— Сначала к делу, давайте, показывайте на что способны!

Он посмотрел Иванову. Назначил еще свое лечение, записал консультацию.

Все врачи отдела собрались в ординаторской, даже заведующий появился. Этого гинеколога захотели увидеть все.

Поставили чай, организовали стол, достали коньяк. Мило посидели. Познакомились с коллегой из другого учреждения, собрались дружить. Расспросили его, кто он и откуда. Заканчивал он институт, как оказалось, в Томске. Разведен, имеет дочь трех лет, работает в больнице скорой помощи третий год, после того, как приехал из Томска, живет с матерью.

Пока сидели, рабочий день закончился. Александр вместе с Верой еще раз посетили Иванову, которая чувствовала себя вполне сносно и ехидно хихикала над своим лечащим врачом.

А потом Александр пошел провожать Веру домой. Сначала молчали, первым заговорил он:

— К тебе на ты можно? — он взял ее за руку.

Она немного растерялась, но руку не отдернула.

— По-моему, ты уже перешел эту черту.

— Какие еще могу перейти?

— Какие входят в твои планы?

Он рассмеялся.

— У меня нет плана. Есть девушка, которая мне безумно понравилась, вот пытаюсь понравится ей. Получается?

— В какой-то степени. До безумно еще слишком далеко.

— Почему ты не замужем?

— Не сложилось. Нас выбирают, мы выбираем... Вот так и не сложилось.

— Чего хочешь в жизни?

— Счастья!

Он рассмеялся.

— Я сделаю тебя счастливой!!! Обещаю!!!

— Ты? Шутишь?

— Нет, Вера, не шучу. И не надо мне говорить, что я вижу тебя первый раз в жизни. Да вижу, но хочу просыпаться с тобой и засыпать, согреваясь твоим теплом. Бывает так, веришь?

— Нет.

— Я тебе совсем не симпатичен? Не нравлюсь?

— Я не думала.

— Так, может, не надо думать? Ведь ты всегда, всю свою жизнь думала, и что в результате? А давай делать глупости, и если повезет, мы будем счастливы, особо не задумываясь о том, что делаем. У тебя мама, как я понимаю?

— Да, мама и бабушка. Только она парализованная.

— Пойдем знакомиться с твоей мамой. Я умею нравиться мамам и бабушкам тоже, даже парализованным.

— Не сомневаюсь даже. Нравиться ты действительно умеешь.

— Так в чем же дело?

— А что будет завтра?

— Завтра у меня сутки. А вот послезавтра я вернусь к тебе. Ты готовить хоть умеешь? Я голодный жутко всегда после работы.

— Умею... Плохо... Но я научусь...

— Вот и договорились.

===== Ожидание =====

Она бежала домой с курицей в пакете. Торопилась — надо приготовить ужин. Он же придет...

Или не придет?!

Нет, в то, что он придет, она не верила. Вера вообще не верила в то, что происходило с ней в эти два дня. Вчера мама устроила ей допрос с пристрастием и так кричала. А Вера даже не знала фамилию мужчины, с которым провела вечер и ночь позавчера.

Что она могла сказать матери? Что он подарил ей мечту, и она пошла за мечтой?! А подарил ли?

Она даже не понимала, есть ли у нее к нему чувства, да и есть ли он сам у нее? Или он ушел совсем? Как пришел, так и ушел...

Но так хотелось сказки. Неужели она не заслужила сказку? Так мечталось, так хотелось, чтобы ее любили по-настоящему, ничего не требуя, кроме любви, взамен. И ей поверилось, на минуточку показалось, что он любит...

Но сказки не бывает... Она была уверена, и весь ее жизненный опыт говорил, что сказки не бывает. По крайней мере, сказки с ее участием точно не бывает.

А еще ее жизненный опыт говорил, что верить можно только себе, и то не до конца, а процентов на девяносто пять. Вот эти оставшиеся пять процентов и толкнули ее в его руки. Кстати, очень интересные руки, красивые, сильные с длинными, очень длинными тонкими

пальцами.

Она так долго рассматривала его позавчера, даже не столько лицо, сколько руки...

Как жаль, что сказка закончилась...

Слезы навернулись на глаза. Но она мужественно поливала вином запекающуюся курицу. Отварила рис и нарезала салат. Ведь знала, что зря, все зря, и он не придет...

Ругала себя, ох как ругала. Ну что за слабость? Что за желания? Любви ей захотелось! Вот дура так дура. Кому расскажешь, так ведь обсмеют. Самой смешно!

Как смешно!

Ох, как смешно!

А он не пришел... Уже час как не пришел.

Курица готова. Чтоб ее, эту курицу...

А что она маме скажет, что?!

Она еще вчера выслушала, кто она такая и к чему приведут подобные связи. Возразить было нечего. Да и что тут возразишь?!

Хоть бы позвонил... Так он ее телефон не взял...

Это был конец...

Осознание полной безысходности окутало ее. Он не взял телефон. Может, он вообще на спор с ней. Удаться, да и только. Она стеснялась произнести вслух то слово, которое ей больше всего подходило. Вот кто она.

Что же она наделала!

Теперь все сотрудники все узнают. А ведь ее уважали... Она вошла в ванную комнату и взвыла. Просто взвыла и давилась слезами, рыдала и не могла остановиться...

Какого черта она поверила ему?!

В зеркало смотреть не хотелось, зачем? Что она там увидит? Свою мерзкую зареванную рожу. Так оно ей надо? И так жить не хочется...

На память пришло, как Олег Михайлович говорил: чтобы женщина чувствовала себя женщиной, ее должен любить отец. Он прочитал это в какой-то умной книжке по психологии. И старался уделить своим дочкам побольше внимания, чтобы они не комплексовали и нравились себе. А человек если нравится себе, то нравится другим. Вот такая закономерность была описана в умной книжке.

Вера вспомнила, как ей хотелось стать невидимой, когда он рассказывал все это. Ведь у нее в жизни все наоборот. А потому она и не замужем, и парня у нее нет, и уже никогда не будет... Лучшие годы ушли, впереди только одинокая старость.

Хоть бы родить, что ли... Но она не беременела. Да и от кого? У нее секс был всего раз тогда и позавчера по глупости.

Прям как в тех стихах, полностью соответствующих ее профессии:

Я страдала, я верила

Думала, что рожу, А сходила, проверила — С триперочком хожу. Она уже и плакать перестала. Нос лампочкой, глаза заплыли, все лицо в размазанной туши.

Прелесть просто.

Зашла в кухню глянула на накрытый стол и остывший ужин и решила перекусить.

Как бы то ни было, а есть-то надо.

Не успела.

В дверь звонили.

«Это мама, — подумалось, — Сейчас будет порция нравоучений, или врежет опять, как

тогда. Не было шлюх в их семье. Она первая.»

Вера даже не спросила кто и открыла дверь. Говорила она не поднимая глаз от пола.

— Мама. Вот только не надо. Пожалуйста, не начинай. Я все без тебя знаю...

— Во-первых, я не мама. Во-вторых, что у тебя с лицом? И в-третьих, прости, у меня была сложная операция. А пахнет вкусно. Ты долго будешь мужа в дверях держать?

— Это ты?

— А кто? Ты еще кого-то ждешь?

— Нет.

Она кинулась к нему на шею. А затем колотила его в грудь и причитала, что совсем уже не надеялась, что он придет. Что она только не говорила! Все, ну просто все, что думала за то время, пока ждала...

Он дал ей возможность выплакаться и высказаться. Потом затащил в ванну и умыл холодной водой. Вытер лицо полотенцем и сказал:

— Ужин грей. Я хотел сегодня взять свои вещи и перевезти к тебе. Но расклад получился иной. Будем учиться жить вместе. Истерик я не люблю. На первый раз прощаю. Больше — нет.

— Потом уйдешь?

— Я?! Не дождешься! Буду перевоспитывать. В субботу идем знакомиться с моей мамой. Она у меня не подарок, но я ее люблю. Значит, и ты должна любить, ну, хотя бы уважать.

Он сел за стол. Они ужинали. Висела тишина. Только когда съел все, что можно было, произнес:

— Спасибо. Очень вкусно, а говорила, что готовить не умеешь. Еще как умеешь. Вера не плачь по пустякам. Я, бывает, задерживаюсь на работе, я ж не венеролог. Понятно? А теперь в душ и спать. Если бы ты только знала, как я устал.

Он действительно уснул, как только голова коснулась подушки. А Вера убрала все на кухне, потом долго лежала в ванне и улыбалась сама себе. Она ошибалась, он пришел и с мамой познакомит. Неужели у нее может быть семья...

Вот не верится, совсем не верится, но он спит у нее на диване и сейчас она ляжет рядом с ним. И пусть сегодня между ними ничего не было, это не важно, главное, что он не обманул, и пришел, и остался, и он с ней... с ней...

С ней!!!

И кажется, она его любит. Не знает совсем, но любит! Потому что сердце так еще ни разу не болело и не билось. Хотя, болело... Но совсем не так.

Неужели так бывает? Неужели ей счастье привалило?! А он сам и говорил, что он есть счастье, которое свалилось на Верину голову.

И она больше никогда не будет одна — она нужна ему, а он-то как ей нужен...

Она провела рукой по его волосам, и убедившись, что это ей не снится, притулилась рядом с ним и постепенно уплыла в царство Морфея...

===== Утро следующего дня =====

— Ты такая горячая внутри, я просто не хочу из тебя выходить.

— Оставайся.

— На работу надо. А то бы остался, — он лег с ней рядом. — Вера, расскажи о своих мужчинах. Их было мало, а может, и всего один. Я так думаю.

— Зачем? Это имеет какое-либо значение?

— Нет, не имеет. Просто хочу понять, почему обладая таким сокровищем, они не присвоили его себе. Думаю, что встретить я тебя годом раньше, их бы не было вообще. Я прав?

— Но ты же не встретил меня годом раньше. Я не хочу говорить о них.

— Не надо, они глупцы. И не стоят нашего внимания. О них? Интересное заявление...

— Саш, я...

Она не договорила, так как раздался звонок в дверь. Он встал, натянул джинсы на голое тело и босиком пошлепал к двери. Вера одевалась. Открыл не задумываясь. Перед ним была Ирина Вениаминовна.

— Александр, можно я войду?

— Да, конечно, тем более это Ваша квартира.

Она смотрела на дочь, на расстеленную постель, на Сашу. Она была явно недовольна увиденным, но сдерживала себя, как могла.

— Вера, почему глаза отекающие? Ты плакала?

— Да, мы кино вчера смотрели, и Верочка расчувствовалась, — ответил вместо Веры он. — Ирина Вениаминовна, вы пришли посмотреть, здесь я или нет? Так вот я здесь и намерен остаться.

— Надолго?

— Да, здесь надолго, а с Верочкой навсегда. Так что давайте знакомиться — я ваш зять. А теперь позвольте нам принять душ, позавтракать и собраться на работу. Поговорим вечером, я вас приглашаю на ужин. Там все и обсудим.

Она смотрела на него раскрыв рот. Она не ожидала, даже подумать не могла, что вот так все получится. Она пришла припереть его к стенке и выяснить, что он такое за явление в их жизни, а к стенке ее припер он. Он же смотрел на нее, и его серые глаза смеялись.

Боже, над ней смеялись.

Но она не могла оторвать взгляда от его голого торса и насмешливых глаз тоже.

Молчание затягивалось, и она предпочла удалиться.

Закрывая за ней входную дверь, он напомнил, что ужин в семь.

Шокированная Ирина побежала докладывать все матери.

А Саша на руках отнес Веру в ванну и... Затем они пили кофе, а потом он проводил ее до автобусной остановки.

— Ты точно вечером...

Он не дал ей договорить.

— Купи говядину молодую на базаре, кило-два, можешь больше. Вот деньги, — он вытащил из кошелька и отдал Вере.

— Я вчера не подумал, а ты была расстроена. Я умею готовить мясо. Все, до вечера.

— Саша, как твоя фамилия?

Она не услышала ответа, потому что двери автобуса закрылись.

На работу она явно опаздывала. Если пропустить предыдущий автобус, то потом наверняка опоздаешь минут на десять. А она пропустила. Но на этом автобусе едут одновременно сотрудников пять, и самое главное, зам. директора по науке тоже едет, а значит, ругать за опоздание он точно не будет. Зам. директором по науке у них в институте теперь Михаил Погорелов. Важный стал, но ей он друг, хотя... Она даже не заметила, что он стоит с ней рядом.

— Кто это? — раздался его голос прямо над ухом.

— Муж, — она аж подскочила от неожиданности.

— То есть если с вами он провел ночь, то уже муж? Вы даже фамилию его не удосужились узнать.

— Что Вы хотите?

— Ничего, Вера, Вы прекрасно знаете, что от Вас я давно ничего не хочу, кроме качественных статей, конечно. А Вы последнее время совсем разленились. Я не видел за прошедший месяц даже набросков работы.

Он распался, Вера молчала или соглашалась. Настроение совсем испортилось.

Они доехали до конечной, вышли. Он подал Вере руку, и они пошли вместе к зданию института. Он припомнил ей все. Их никто не слышал, и он перешел на ты.

— Вера, объясни, чем он хорош? Чем он лучше?

— Он натуральный. Понимаешь, ему нужна я, а не какие-либо условности. И вообще, я имею право на личную жизнь. Я имею право любить и быть любимой. Нет? Да?

— Имеешь. Прости. Просто я никак не могу понять, почему тогда...

— Хватит. Я выбрала тогда не тебя. У тебя семья. Позволь мне тоже ее иметь.

— Жду тебя со статьей.

— Хорошо!

— Он хоть приличный человек?

— Я приду со статьей.

В отдел она влетела совсем мрачная.

— Вера, на планерку к главврачу идешь? — спросил Олег Михайлович.

— Куда я денусь!

— Иванова в норме, температуры нет. Я заходил.

— Спасибо!

— У тебя все в порядке?

— Да, как обычно.

— Его фамилия Романов.

— Чья?

— Александра. Ты думаешь, только они способны добывать информацию? — Олег подмигнул. Вера застегивала халат. Они вышли из кабинета. — Ты что, с глазами отеками?

— Нет, Олег Михайлович, показалось.

— Ты заслуживаешь счастья, он вроде неплохой парень.

— Да, неплохой...

Она улыбнулась той неповторимой улыбкой, которая символизирует особое состояние души и присуща только влюбленной, вспоминающей любимого.

Олег покровительственно улыбнулся в ответ.

— Я рад за тебя, Веруня. Может, наконец это тот, кто нужен.

— Как бы хотелось, чтобы был тот...

===== Танец =====

— Романов, ты вчера после работы куда пошел? И так задержались с этой операцией, а ты в другую сторону отправился. Точно не домой, — спросил Иваныч из приемного.

— Так интересно? От любопытства не лопнешь?

— Интересно, наши девочки очень расстроятся, если ты кого нашел и лишил их шанса.

— Передай своим девочкам, что нашел. Пусть губу не раскатывают.

— И кого нашел? Ну, колись уже.

— Потом обязательно познакомлю. Не бойсь.

— Сан Саныч, ну расскажи, — с невероятной заинтересованностью спросила молодая врач за соседним столом.

— Елена Апсатаровна, и тебя любопытство разбирает?!

— Саш, ну расскажи. Она кто? — повторила она, стрельнув глазами.

— Врач, такая проза.

— Если бы проза, то ты не светился бы, как медный пятак. Наш институт заканчивала?

— Ваш, кстати, Лена, может, даже с тобой.

— Так скажи кто? Я ж ее наверняка знаю.

— Сколько у вас выпуск был? Человек триста, а она тихая, вряд ли знаешь.

— Колись уже.

— Вера ее зовут.

— Морозова?

Он лишь кивнул. А она с удивлением смотрела на него и улыбалась.

— Нашел тихую, которую никто не знает.

— В смысле? — пришла его очередь удивляться.

— Нет, хорошая она баба, только несчастная.

— Лен, ты говори нормально.

— Так я и говорю. Сашка, не обижай ее. Она не переживет, понимаешь. Она же другая, не такая, как мы с тобой. Красивая, умная и дура в одном лице. Житейская дура. Она никого не видела никогда, жила сама в себе. Но она добрая и вообще. Обидишь — убью. Веришь?

— Вы дружили?

— Нет, на разных потоках учились. Она яркая, а ты говоришь тихая. Нет, просто другая.

— Интересная характеристика. Удивляюсь я.

— Чего удивляешься? Сам же ее выбрал, и не потому, что тихая и незаметная. Хороший выбор. Привет ей передавай.

— Передам, обязательно передам. Только позже. Пусть не думает, что я ее с кем-то обсуждаю. Еще навоображает себе что-нибудь не то. Так потом не переубедишь. Характер у нее...

Лена улыбалась и хитро смотрела на коллегу.

— А ты влюбился, Сашка.

— Не отрицаю. Пусть она и не такая, как все. Зато она моя, и терять я ее вовсе не намерен. Я счастлив. Понимаешь, за многие годы впервые счастлив. И как же мне повезло, что я тогда спустился в приемный покой, увидел ее и сдурел. Помнишь, в понедельник, когда отпросился.

— А мы все гадали, что с тобой вдруг случилось. Ты бы у меня спросил, я бы тебе рассказала.

Они переглянулись и пошли по своим палатам. Работа есть работа.

Вера ждала его с ужином на столе. Он вошел в квартиру и испытал невероятное чувство комфорта. О таком только мечтать оставалось: возвращается он домой, а дома женщина, которую он безумно хочет, и ужин горячий и вкусный. И все хорошо, стабильно, буднично стабильно, но хорошо. И полная уверенность, что и завтра будет хорошо и стабильно. Короче, стабильное хорошо. И так хочется отблагодарить ее, чтобы ей тоже было хорошо, как в сказке. Ведь все хотят сказки, и его Верочка тоже. Наверняка хочет!

— Верочка, ты чего-нибудь хотела вот так сильно-сильно.

— Почему спрашиваешь?

— Подумал, то, что ты рядом, и есть то, чего хотел я уже много лет. И вот обрел. А ты чего хотела?

— Только не смейся. Я хотела танцевать. Можешь не верить, но очень-очень хотела. Так, чтобы легко, красиво, воздушно. Я даже во сне видела, как я танцую. Но моей мечте не суждено было сбыться.

— Почему?

— В школе, где я училась, был набор в группу народных танцев. Моя одноклассница пошла. А я договорилась с ней, что тоже пойду. Сказала бабушке, что все не просто так, что туда безумно трудно попасть, но Иркина мама договорилась, чтобы взяли Ирку и меня тоже. Если бы все было просто, то меня бы никогда не пустили. Вот я и придумала, что все по договоренности, понимаешь. Я так хотела на занятия, что решила прийти к Ирке на два часа раньше положенного срока. Просто чтобы не опоздать... Меня туда привела бабушка. Иркина мама сказала, что ни о чем не договаривалась, мой обман раскрылся, и в наказание мне запретили танцевать...

Саша подошел к ней и обнял за талию.

— Давай включим музыку и будем танцевать.

— Я не умею.

— Я тоже. Но разве это имеет значение. Нас никто не видит, и нам будет казаться, что мы летаем...

— Правда?

— Конечно, Верочка. Главное — то, что у нас в голове. У нас все получится, вот увидишь...

— Ты и правда — счастье...

Он смотрел в ее глаза и ловил неповторимый блеск, то, как менялось их выражение в такт музыке, расширялся или сужался зрачок, появлялась влага в виде слез, а потом блестела улыбка. Да, она действительно танцевала в душе... И он вместе с ней.

Наверно, она в самом деле могла бы танцевать, но какое это имеет значение теперь...

А Вера растворялась в его руках и в музыке. Их движения были никакими, они просто топтались на месте, но он держал ее так, что в душе она летала, видела свой танец в мечтах и именно с ним, всегда с ним.

Музыка закончилась, но продолжала звучать в голове. А он коснулся губами ее губ. Она позволила. Он буквально впивался в ее губы. Это так фантастически приятно сливаться с ним в поцелуе. Боже! Это ее первый поцелуй, вот тут он точно первый... Она отдалась чувствам, ничего не замечая вокруг, сосредотачиваясь только на ощущениях, на том токе, который пронизывал ее тело, она позволяла ему все, и ей не было ни капельки стыдно, вот совсем-совсем. А он целовал шею, грудь, и... Потом снова дорожка из поцелуев поднималась выше. Он покусывал кожу, но так, она даже не понимала как. Это нечто вроде наркотика, — пронеслось в голове, хоть бы не прекращалось... Пусть эта эйфория длится вечно...

Поцелуй и музыка, поцелуй в такт музыке...

Вот это танец! Это самый необыкновенный танец... И только их двоих...

Вот так осуществляются мечты...

Комментарий к Танец <https://www.youtube.com/watch?v=XiIfvQKfff4>

==== Может, лучше бежать? =====

— Я тут, Вера. Не надо разговаривать сама с собой.

— Я знаю, Саш, что ты тут. Удивляюсь этому, но с каждым днем все меньше и меньше.

Наверное, привыкаю к твоему присутствию.

— Ну ничего, завтра я дежурю, отвыкнешь.

— В воскресенье?

— Да. А что?

— Не люблю, когда дежуришь в воскресенье.

— А я еще не дежурил в воскресенье, пока живу с тобой. Я еще ни одного воскресенья с тобой не провел. Мы начали совместную жизнь с понедельника. Так, все, собирайся, мы едем к маме.

Вера собиралась. Все валилось из рук. Колготки порвались, сожгла блузку, когда гладила, пришлось спрятать, а потом тихонечко выкинуть. Все время норовила заехать себе кисточкой с тушью в глаз. Приходилось умываться и краситься снова. Наконец, она была готова.

Саша читал на диване, пока происходил длительный процесс сборов.

— Я готова, — произнесла она почти шепотом.

— Вера, у меня пес есть, я тебе не говорил, но я скучаю по нему, может, заберем? — он с улыбкой восхищения смотрел на нее.

— Большой?

— Да. Семьдесят два сантиметра в холке. Кобель Афганской борзой.

— Красавец! Саш, у меня никогда не было животных.

— Приобретение, прилагающееся к мужу.

— Пес и свекровь.

— Пошли знакомиться, она уже заждалась.

Доехали довольно быстро. Поднялись на четвертый этаж. Двери открыла очень симпатичная пожилая женщина, пригласила их в дом.

Вера смущалась и краснела под ее взглядом, а та вела себя очень непринужденно. Спросила о специальности Веры, где и кем работает, сколько ей лет, почему до двадцати пяти замуж не вышла. Кто родители, где проживает, какая квартира. Услышав, что квартира досталась от бабушки и совсем отдельная в самом центре города, благосклонно улыбнулась. А потом случилось то, что просто сразило Веру наповал: Наталья Викторовна сообщила, что все для мантиков приготовила, что ее сын с Верой могут приступать.

Саша дал Вере фартук, и они прошли на кухню. На столе стоял пакет муки, лежали соль, яйца. Миски — одна для теста, другая для фарша. Лук непочищенный и мясо куском. Правда, Наталья Викторовна сказала, что мясо приморозила, чтобы удобней резать было. И, вообще, что сейчас начинается ее любимая передача по телевизору, так что кухня и будущие манты целиком в их надежных руках.

Вера находилась в состоянии шока, но показать то, что происходило у нее внутри, она не могла. Она никак не понимала, почему ее так встретили. Или для Натальи Викторовны это норма?

Слава богу, нож оказался достаточно острым, и она взялась за нарезку мяса, в то время как Саша чистил лук, а затем шинковал его. Тыквой тоже занимался Саша. Когда фарш был нарезан и перемешан, Вера замесила тесто. Лепили они вместе.

Это оказалось довольно веселым занятием, дома они ни разу не готовили вместе. Пес лежал там же на полу и был похож на половую тряпку: серый длинноволосый, с висячими

ушами и глазами, смотрящими прямо в душу. Веру он принял сразу, как свою.

Конечно, она решила сегодня же забрать животину домой. Во-первых, он ей понравился, во-вторых, она привыкнет к нему и полюбит, уже полюбила.

Пока варились манты, Вера с Сашей накрывали на стол в гостиной, а Наталья Викторовна с дивана указывала, где что брать и куда ставить.

Во время ужина, она рассказывала, какая у Саши замечательная дочь, как она ее любит, как жаль, что она не имеет возможности с ней видеться, потому что это ее единственная внучка. Потом принесла свадебный альбом и рассказывала, как проходила свадьба и насколько красива ее бывшая сноха. Как ВСЕ, буквально все, восторгались такой шикарной парой. И насколько жаль, что они расстались.

Вере хотелось провалиться сквозь землю. Во всяком случае, бежать точно хотелось. Причем бежать и от Натальи Викторовны, и от Саши тоже.

Но она была уже слишком взрослой, чтобы разрешить девчонке, живущей в ней, бежать от собственной судьбы. Она достаточно хлебнула одиночества и отступать не намерена. Да и зачем? Да, у него была жена, но ключевое слово — была. И теперь, в данное время, он с ней, а вовсе не с той, с которой они были красивой парой.

Так зачем ей бежать?

Надо держать и беречь то, что имеешь.

Он сам сказал, что он — ее счастье. Счастьем не разбрасываются, и от него не отказываются.

И она стерпела, все стерпела. И показ маечек и трусиков, которые бабушка пошлет внучке, и про то, как она похожа на ее сына. И то, что она считает скоропалительные отношения обреченными на провал. И про то, что у Саши до женитьбы была очень хорошая женщина, но она не рожала, и он ее оставил, но с Натальей Викторовной они до сих пор дружат.

Саша весь вечер молчал, просто молчал. Он не сказал матери ни единого слова, не прервал ее речь, только периодически смотрел на нее с осуждением и качал головой.

Когда, наконец, вечер закончился, то они взяли собаку, радостно прыгающую рядом с хозяином, и пошли домой.

Вере было настолько тошно, что расспрашивать Сашу ни о чем не хотелось. Хотелось понять себя в первую очередь и осознать, чего она ждет от этих отношений и что хочет в своей жизни. И еще он ей нравился...

Нет, не просто нравился — а совсем, так, что стал ее частичкой и влез в самую душу.

Значит, надо договориться сначала с собой, а потом уже раскрывать рот для вопросов.

Вот и шла она молча.

Они остановились в парке, он спустил с поводка пса, и тот утек в неизвестном направлении. Саша сел с ней на лавочку.

— Вера, я предупредал, что мама у меня не подарок.

— А ты подарок? Ты же счастьем назывался.

— Так я и есть счастье. Ты что, сомневаешься?

— Что-то сомневаюсь. А для жены ты тоже счастьем был? А для той другой, которая была раньше?

— Нет, Верочка, я счастье только твое, а для них я недооцененное счастье, или несчастье. Для Лиды, так точно несчастье. Я расскажу тебе. Но... Даже если расскажу, ты узнаешь только мою версию, а она будет однобокой и неполной. Потому что я могу передать

только свои ощущения, свои чувства и свои разочарования. То есть полной картины у тебя все равно не сложится.

— Ты прав, я не узнаю полной картины. Но так хочется...

— Что хочется? Понять, что ты не ошибаешься, что не наступаешь на те же грабли, что и раньше? Вот что ты хочешь понять? Ты ж научный сотрудник, сформулируй.

— Я хочу узнать степень твоей надежности.

— Только в процессе эксплуатации. Я ответил?

— Так, что дальше?

— Жизнь, совместная. Я повторюсь, будем учиться жить вместе. Я пробовал, знаю, где ошибался, Ты не пыталась. Для тебя все ново. Потому многое прощаю.

— Ты женишься на мне?

— Да, Вера! Обязательно. Я не стану позорить тебя и твою семью.

Она просто выдохнула и встала с лавочки.

— Пойдем домой.

— Пойдем. Только просьба, озвучивай, пожалуйста, свои мысли. Я еще не научился их читать.

Он свистнул, и пес возник как из ниоткуда. Его взяли на поводок и повели в его новый дом.

===== Просто случай =====

Она шла домой после суток. Да, после суток. И у них бывали сутки: два раза в месяц два бесплатных дежурства. Остальные — платные, если хочешь — бери. Но она не любила и не брала. Хватало двух в месяц. Ничего сложного в дежурствах по сути и не было. Сделать обход в девять в двух отделениях дерматологии и одном венерологии, и все. Ну, назначения, если кому экстренно, а так все, на том обязанности дежурного врача заканчивались. Тяжелые больные встречались только в дерматологии. А у них в венерологии разве что сифилис давал скачки температуры, так и ее сбивать не нужно, если она в разумных пределах и не у детей. У детей сбивали всегда.

А потом можно было заниматься своими делами или идти спать. Только комната дежурного врача располагалась очень интересно — за семью запорами. Это не шутка, это правда. Сначала двери физиотерапии закрывались на два замка ключами, потом по коридору до комнаты дежурного врача: там дверь тоже запиралась на два замка и на крючок. И дверь из нее на балкон (второй этаж все-таки) тоже на два замка. Вот под такой надежной замковой защитой мог спокойно спать доктор.

Вера постелила себе часов в одиннадцать, разделась и легла. Уснула сразу, будильник завела на пять. С пяти она успеет привести себя в порядок. А в отделениях спокойно.

Проснулась от жуткого ощущения, что на нее кто-то смотрит. Раскрыла глаза и увидела над собой темный мужской силуэт. Как ей показалось, просто невероятных размеров. И он смотрел на нее, практически голую под простынею.

Вот эту самую простынь захотелось натянуть так, чтобы исчезнуть под ней. Страх был невероятный. Чего ждать от ночного посетителя, она и представить себе не могла. Зубы застучали, и из-под простыни раздалось: «У-у-у-у-у!!!».

И это под стук зубов.

Мужчина рассмеялся и ушел через балкон. Вера только слышала его матерок, видимо, не совсем удачно со второго этажа спрыгнул.

А вошел-то как? Сейчас дверь на балкон осталась открытой, но и в комнату дежурного

врача она тоже была открыта. Оделась она моментом и побежала в свою ординаторскую, затем в мужскую палату, тоже свою. Она их лечащий врач, ее они не обидят. Разбудила Графа (это была и кличка его, и фамилия) и поведала ему все как есть.

Оставшуюся ночь он провел с ней в ординаторской и все рассказывал, где и за что сидел. Что на зону больше не пойдет, что отошел от дел. И еще сообщил Вере, что замки, которые она считала надежными, в принципе, и замками-то не считаются, так, игрушки, для очистки совести. А потом пообещал, что не тронет ее никогда и никто, потому что она своя и под его, Графа, защитой. Странно, но Вере стало легче, она поверила.

Так проговорили до самого утра.

А утром на планерке Вера все доложила. А как не доложить?! Кто его знает, кто это был и что в следующий раз учудит.

Даулет Абдрахманович долго ее подкалывал, что защиту она побежала просить у вора в законе. Конечно, она теперь под самой надежной защитой криминального авторитета! Не в милицию же обращаться.

А Олег расстроился и все говорил, что отделалась Вера легким испугом. Он даже за нее и массажи сделал всем ее больным, кому надо было и уретроскопию, тому же Графу.

Да и домой Веру отпустили пораньше.

Пришла, а дома Саша. И не один Саша, а еще мужчина присутствует. Мясом тушеным пахнет. Саша обрадовался, искренне так:

— Хорошо, что пришла, Верочка. А я не ждал тебя рано так. Тут друг мой зашел, пошли знакомиться.

Детина, сидящий на кухне, произвел на Веру впечатление — шкаф, не иначе. Причем Вера узнала в нем молодого хирурга, с которым была знакома во время практики после первого курса. Только тогда он был раза в три тоньше.

— Виктор, если не ошибаюсь?!

— Точно, Верочка, не ошибаешься. А ты как была красавицей, так и осталась. Ты уже работаешь давно, где?

— В кожвене, в институте.

— Ты же в хирургию собиралась, я уже думал, что уехала куда, раз среди хирургов тебя не встречал.

— Не случилось с хирургией.

— Что так?

— Витя, я понимаю, что врачи народ любопытный и любят задавать некорректные вопросы и давать советы, когда их никто не спрашивает, — довольно резко сказал Саша. — Но не в этом случае. Меня так ее профессия более чем устраивает.

— Ну, если тебя устраивает... Конечно, никакого риска, все тихо и мирно. Не умирает никто, и не выздоравливает, правда, тоже.

Они оба посмотрели на Веру, потому что она погрузилась на глазах.

— Вераш, не всем быть хирургами, ей Богу, — продолжал Саша уже мягко и ласково. — Я тоже хотел именно в хирургию, но пошел по другому пути.

— Но ты оперируешь.

— Да. Очень односторонне. Хотя я всем доволен. А как нашел тебя, так совсем доволен. А у вас там действительно риск минимальный.

И тут она рассказала о своем ночном приключении. Саша изменился в лице. Он редко бывал с ней жестким, но в этот момент был.

— Ты не будешь больше дежурить!

— Это часть работы.

— Я сказал нет! Значит, ты продашь свои дежурства. Тот же Олег с удовольствием купит.

— Сашенька, они бесплатные, если я их продам, то это минус от зарплаты.

— Я дам тебе деньги на них.

— Откуда? Ты и так отдаешь мне все деньги.

— Я отдежурю на два дежурства больше. Но ты там дежурить не будешь.

Виктор аж присвистнул.

— Ни хрена себе! Ну ты, Саш, даешь! А вообще прав, я бы свою жену не пустил. Как представишь, что могло быть.

— Но ведь ничего не было, — тихо сказала Вера.

У Саши глаза загорелись недобрым огнем.

— Я сказал, что дежурить ты не будешь! Все! Вопрос закрыт!

Вера не возражала и подчинилась. В конце концов, это не вопрос жизни и смерти. И он заботится о ней. А как хорошо, когда о тебе заботятся. Это оказывается невероятно приятно, так приятно, что и передать нельзя. Заботится, потому что любит. Ну, не хочет он, чтобы она дежурила, так она и не будет.

===== Свадьба =====

Комментарий к Свадьба <https://www.youtube.com/watch?v=apHEprejHEg>

Они вышли из ЗАГСА втроем: Саша, Вера и Оля.

Зарегистрировались после работы, по-быстрому, с одним свидетелем на двоих.

Просто Саша вчера выписал сотрудницу этого бюрократического учреждения и попросил, чтобы все свершилось без Мендельсона и прочей мути. Он этой сотруднице еще был очень даже нужен, и она согласилась. Вот так в самом конце рабочего дня, перед самым закрытием ЗАГСА они расписались. Мамам и то ничего не сказали. Ирина Вениаминовна была еще на работе в школе, а Наталью Викторовну решили поставить перед фактом, чтобы слушать поменьше нравоучений. Это сам Саша так сформулировал.

Позвали только Олю. Потому, что без Оли никуда, и ближе у Веры никого не было.

Купили торт. Вот с тортом и отметили, шампанского выпили, шампанское на любой цвет дома.

Потом проводили Олю домой, Сильва Вартановна поздравила молодых. Как ни странно, и Сашу она очень хорошо знала, они работали в одной больнице. Удивилась, что он это он, но разочарована не была.

Домой вернулись пешком, далековато, но не смертельно.

По дороге Вера все-таки уговорила его зайти к маме и бабушке и сообщить, о регистрации.

Встретили их холодно. Планы на свадьбу дочери были иными. Мама перечисляла всех родственников и приятелей, которых не пригласить было просто не возможно. Бабушка просто плакала и причитала, почему во внуку столько вложили, а что получилось... Потом стала спрашивать о планах на будущее. Но Саша заявил, что в планах просто жить, а других планов они не строили. И, вообще, не строили планы. Зачем? Кому они нужны? И торопиться с планами им некуда, вся жизнь впереди.

Ирина уже раскрыла рот для очередной тирады, но под взглядом зятя его предпочла закрыть. Пожелала им счастья и сказала, что подарок за ней.

Субботу и воскресенье они провели дома, даже не выходя за хлебом. Но наступил понедельник и водоворот рабочих будней закружил с головой. Саша дежурил. Вера почти привыкла к его графику работы, к его усталости и к его характеру. В плане которого подарком он не был. Но она считала, что у каждого человека есть свои недостатки, вот и у ее Саши тоже. С некоторыми недостатками она мирилась, некоторые ей просто нравились, превращаясь в достоинства, а остальные она не замечала: не потому, что не видела, а именно потому, что не хотела видеть.

Ведь у нее самой, наверняка, недостатков не меньше, и ему с ней тоже немножко трудно, правда с каждым днем все легче, потому что узнают друг друга, раскрываются как люди, проявляются с разных сторон и становятся ближе. Причем ближе становятся именно потому, что оба очень хотят этого. Сознательно закрывают глаза на мелочи и учатся договариваться, проявляя недюжее терпение.

Вера чувствовала перемены в себе, и ей все они казались к лучшему. Ей даже стало нравиться ее отражение в зеркале. Она поняла, что достаточно хороша, настолько хороша, что обращает на себя внимание. И она перестала смущаться, когда на нее пристально смотрят мужчины. И все это буквально за пару месяцев, с тех пор, как в ее жизни появился Саша.

Все-таки как хорошо, что он появился!!! И как удивительно, что она не оттолкнула тогда его, а приняла и пошла за ним не раздумывая... Пусть этот поступок противоречил всей ее внутренней логике, но она совершила его и обрела свое счастье.

Олег колечко на пальце заметил сразу, посоветовал сходить в отдел кадров и внести изменения, ну и поздравил, конечно. Вера посмотрела больных, сделала назначения и пошла в отдел кадров, там и наткнулась на зам. директора по науке. Вот его она хотела видеть меньше всего, но что поделать.

— Вера Юрьевна, зайдите ко мне, — произнес он ледяным голосом, не сводя глаз с ее правой руки.

Она прошла в его кабинет.

— Ну что ж, поздравляю. Сегодня с утра имел честь пообщаться с Вашим мужем.

У Веры внутри все сжалось. Но она старалась не показать вид, что ее что-то беспокоит. А он тем временем продолжал, все время обращаясь к ней на вы, хотя они были одни, и соблюдать приличия было не обязательно.

— Я сегодня с утра был по делам в «скорой», их главврач показывал свою вотчину, и в том числе в гинекологии. Так вот главным своим приобретением он считает доктора Романова. Познакомил нас, смотрю, а Романов с обручальным кольцом. Я испугался вначале, думаю, неужели обманывает нашу сотрудницу. Спросил про жену, говорит, что женат с пятницы и на Вас, Вера Юрьевна. Так Вы теперь Романова?

— Нет. Морозова.

— Что так?

— Саша посчитал, что на мою фамилию слишком много оформлено. Квартира, диплом, усовершенствования, статьи. И разве имеет значение, что у мужа и жены разные фамилии? У вас с Вашей супругой тоже разные, и ничего.

Он все-таки взорвался:

— Ты мне не безразлична, и твоя судьба тоже. Вера, как ты могла?! Сколько ты его знаешь? Может, он и хорош в постели, но он умный, властный, очень властный. Он знает себе цену! Но кто ты для него?

— Жена. Понимаешь, я его жена. Вот такого — умного, властного и знающего себе цену. И я счастлива. Как вы все меня достали! Это моя жизнь, и я могу делать с ней все, что захочу.

— Но с ним ты никогда собой не будешь. Ты будешь подчиняться и только.

— А может, это и есть быть собой. Может, я хочу подчиняться, но только ему?! Понимаешь, именно ему?! Тема закрыта! Я замужем за тем, кого выбрала. Я не собираюсь обсуждать свой выбор и надеюсь, в мою личную жизнь не будут вмешиваться, это моя личная жизнь. Я не потерплю никакого вмешательства ни с чьей стороны. Я достаточно четко обосновала свою позицию? Вопросов больше нет?

— Вера, я же хочу, как лучше. Всегда хотел.

— Я знаю, и я благодарна тебе. Но мой выбор — он.

— Я понял. Все смотрел на него и сравнивал, почему все-таки он? Красивее, умнее, мужественней? Почему он? Скажи честно, мы могли бы быть вместе?

— «Бы» мешает. Может, и могли бы. Не знаю, не сложилось. Но уже не сложилось. Давно не сложилось. И другого варианта уже быть не может, так зачем об этом говорить?!

— Я всегда буду твоим другом.

— Я знаю. Спасибо!

Она вышла из кабинета и вернулась в свое отделение.

— Что шеф? — спросил Олег.

— Поздравил.

— Что у тебя было с ним?

— С ним — ничего. Моя мама его брата с лестницы спустила, когда он на мне жениться собрался.

Олег покатился со смеху.

— Вераш, ты серьезно?

— Да не шучу я, Олег Михайлович.

— А шеф?

— На работу взял. У меня очень хорошие отношения с его родителями, и бабушкой тоже. О такой свекрови, как его мама, можно только мечтать. Особенно в сравнении с моей реальной.

— Я никогда его брата не видел.

— Я с тех пор тоже.

— Видим, заслужил, раз все так случилось.

— Да. Я маме за это благодарна. Хотя тогда не понимала.

— А мужа она приняла?

— Его не принять невозможно. Вы же заметили, что он обладает невероятным обаянием.

Олег продолжал смеяться, махнул на Веру рукой:

— Да уж, обладает, он бы и у нас всех построил. Гроза сотрудников он там у себя. Правда, говорят, что все женщины от него без ума.

— Неповторимая харизма у человека.

===== Выходной =====

Случился выходной. Такой замечательный выходной, когда оба не работают, который можно провести вместе, и получить массу удовольствия. А еще переделать кучу дел по дому и на рынок сходить... Проза жизни. Но кушать-то хочется, причем регулярно и

систематически, а еду берут где? Правильно, в холодильнике, только сама она туда не попадает, ее туда положить нужно, то есть сходить и принести. Вот задумали Саша с Верой ужин при свечах, но это на вечер, а поход на рынок за продуктами — на утро. Собрались и уже почти вышли из дома, но зазвонил телефон.

— Верочка, тебя, — удивленно произнес Саша. — И кому ты в субботу понадобилась?

Она взяла трубку и услышала мужской голос, полный отчаяния.

— Вера Юрьевна, Вы дома! Никуда не уходите, я сейчас приеду.

Трубку положили.

— Вераш, кто? — спросил Саша.

— Клиент. Он лечился у меня. Нет, не лежал.

Саша улыбнулся.

— Я понял, что не лежал он в отделении, если он твой адрес знает.

— Он хороший, очень хороший парень. Просто влип, знаешь, бывает.

— Знаю, все через «влип» проходили. Значит, ждем?!

— Прости, ждем.

Ждать пришлось совсем недолго. Парень как будто на реактивном самолете прибыл. Ну, суббота, утро — машин на улицах не так много.

— Проходи, Сережа, — пригласила Вера.

А тот в упор смотрел на Сашу.

— Я в другой комнате, мешать не буду, разговаривайте, — сказал Саша и вышел.

— Мой муж, — объяснила его присутствие Вера.

— Поздравляю.

— Так что у тебя?

— Да тут история такая приключилась. Я после того лечения все правила техники безопасности соблюдал, но был на дне рождения у друга, отмечали на даче. Пили, много пили. Проснулся не один, оба голые. А ее спрашиваю: «Было?». Говорит: «Было!». Я ее за шкуру и в диспансер, у нее только кровь взять успели, и она слиняла. Я сегодня пошел за результатом. Четыре креста. Я не поверил, вышел, решил, что это мне почудилось, что я вернусь, а там все чисто. Я снова вошел в лабораторию. Спросил результат. Четыре креста. Я прямо от них позвонил. Вот приехал.

— Круто ты меня заложил.

— В смысле?

— Звонил из лаборатории?

— Они что, всех венерологов знают? Вы же в институте.

— Ага, в головном учреждении. А то не знают. Ладно, проехали. Так что ты хочешь? Через две недели сдашь кровь, на другие инфекции возьмем мазки дня через три. Вот и все.

— Нет. Я хочу лечиться. Сегодня, сейчас.

— От чего?

— От сифилиса.

— А если ты не заразился? Ты вообще не уверен, был секс или не был. Ну на крайняк можно провести превентивное лечение, только после анализов.

— Нет, полное как при вторичном.

— Нерационально.

— Правильно. Я не уйду, пока не получу первую инъекцию.

Вера поняла, что правда не уйдет. И дело даже не в том, что он не уйдет, а в том, что он

боится, ужасно боится, и снять этот страх можно только инъекцией антибиотика, только так он сможет дожить до завтра, а то есть до следующей инъекции.

Это было неправильно и правильно одновременно. И она, зная своего пациента, решилась. Получив свой антибиотик, он ушел домой, пообещав вернуться завтра.

Как только за ним закрылась дверь, в комнату вошел Саша.

— Я все слышал. Ты пойдешь у него на поводу?

— А что предлагаешь ты?

— Я бы подождал две недели.

— Он не собирается ждать. Он пойдет к другому врачу, а тот будет только рад такому клиенту, его можно лечить бесконечно, воздействуя на слабые места в психике.

— Но лечить здорового человека неправильно.

— Не прикидывайся идеальным. Ты ведь тоже тогда не стал Иванову смотреть. Или я ошиблась там с криминальным абортom, но вы никто не захотел руки об сифилитичку марать. Ведь так?

— Я пришел и посмотрел.

— Ты ко мне пришел, а не к Ивановой. И ее не смотреть, а выскабливать надо было.

— Будем ссориться?

— Нет, не будем. Просто каждый будет заниматься своим делом и не лезть к другому.

— Кстати, тут нам из ООН лекцию читали, так они вообще предлагают твой любимый сифилис лечить симптоматически. То есть приходит ко мне женщина на прерывание беременности. Я смотрю, а там эрозия. Характерная или нет, черт ее знает, но по анализам у нее все нормально. Я ж не знаю, может, и есть сифилис, только серонегативный. Я ее выскабливаю и назначаю антибиотик. Все, она не заразна. А партнер? А если он не один? Тоже неправильно. И отпускать ее просто убеждая, что Вы сходите, проверьтесь и т. д. — глупо. Не пойдет ведь. Она свое получила, от ребенка избавилась, и все. Не вижу я выхода. И одна инъекция?! Нет, не солидно.

— Да, ты прав, и проконтролировать нельзя. Ты ведь ее и не узнаешь даже.

— Нет, не узнаю. У меня в день знаешь сколько штук проходит?

— А штуками ты кого измеряешь?

— Замнем для ясности.

— Нет, не замнем. Я прекрасно знаю, что о тебе говорят. И твой ложный цинизм не приемлю. А о тебе говорят, как о хорошем враче, кстати, как об очень внимательном враче, выхаживающем своих пациентов.

— Лучшем! Я лучший, Верочка.

— Зазнайка.

— Так мы идем на рынок, или я доказываю, что я лучший?

— Идем на рынок, докажешь вечером, после ужина.

Вечером они почему-то вернулись к разговору о пациентах.

— Вераш, я думал весь день. Вот окажись я на месте этого Сережи, я бы тоже хотел лечения по полной.

— И как ты додумался?

— Я сначала про инструкции думал, а там не положено никакого лечение. А потом как бы в шкуру его влез. Это ж не жизнь под дамокловым мечом. Ты права, его лучше проколоть.

— И я бываю права?!

— Ты часто права. Прости. Я иногда сначала говорю, потом думаю. Я привык сам и

привык полагаться только на себя. Я уважаю твое мнение, и даже если пылю, то потом думаю и принимаю его. Давай выключим свет и зажжем свечи, вино будешь? Завтра у нас еще один выходной, дождемся твоего Сережу и поедем в горы.

— Поедем. Красотища там!

===== Ах, какая шуба! =====

Вера собиралась на обход. Планерка закончилась, Даулет разговаривал в холле с каким-то мужчиной кавказской внешности. Но это было не ново, их к нему много ходило. Вообще клиентура коллег ее не интересовала. Равно как и их не интересовала ее клиентура. Существовало негласное правило: на бланках института заключения собственным клиентам не писать, а все остальное — твое дело. Нет, конечно, в случае чего, если непонятно, можно посоветоваться с коллегами, обсудить трудности в лечении, получить дельный совет и рекомендации. Так что все ничего, все нормально. У Веры уже тоже сформировалась своя небольшая клиентура, в основном, мужская. Женщины тоже были, но меньше, а вот мужчины ее уважали, причем молодые.

Так вот, кроме того кавказца, в холле стояло несколько женщин. Они обращали на себя внимание. То есть пройти мимо и не засмотреться было невозможно. Какими же красавицами они показались Вере. Просто невероятными красавицами. Как будто их тщательно подбирали. Рост и комплекция соответствовали победительницам конкурсов красоты. И несмотря на это, все как одна на каблуках. Не просто на каблуках, а в белых импортных сапогах на шпильке. И еще Веру сразили их шубы. Она даже в продаже таких не видела. Хотя по магазинам давно не ходила. У нее ведь семья, надо приготовить ужин каждый день. Потом приходит с работы Саша и хочется побыть с ним, поговорить или просто почитать книжку. Короче, и без праздного шатания по магазинам дел хватает.

Но шубы красивые и дорогие, наверно. Вот бы ей, Вере, такую, вон как у той из чернобурки. Она бы так контрастировала с ее светлыми волосами. Да и сапоги такие ей бы подошли. Интересно, что бы Саша сказал, увидев ее в таком виде. Поглядела она на шубы, поглядела и направилась в свою палату.

— Вера Юрьевна, — услышала она голос своего заведующего, — Верочка, Вы мне сегодня позарез нужны, вон девушек осмотреть. Вы уж уважьте начальника, Вера Юрьевна.

— Даулет Абдрахманович, как скажете. Истории где?

— Нет историй, и не надо. Вы все запишите в тетраточку, а потом мы поговорим. Кстати, я супруга вашего просил подойти.

— Я не в курсе.

— Обещался он, Верочка. У него ж отгул сегодня?

— Да, отгул. Он спать собирался.

Даулет отправил Веру за тетрадкой. А сам пошел распорядиться насчет женской смотровой.

Вера вернулась в свой кабинет, достала тетрадку и ручку.

— Вераш, будешь смотреть девочек, особо с ними не разговаривай, — Олег напутствовал коллегу.

— Ничего не понимаю, — Вера действительно недоумевала. — Каких девочек?

Нет, сегодня никого по плану нет. Завтра будут.

— Да вон в холле в шубах стоят. Даулет их сегодня тебе дарит.

— Девочки? Да это модельное агентство какое-то.

— Ох, Верашка, святая непосредственность ты наша. Проститутки они, только высшего

класса. Их сутенер привел — «папочка».

— Валютные?

— Да нет, хотя... Эти элиту обслуживают. Теперь это называется эскорт-услуги. Но название сути не меняет. Так что иди работай.

Шуба вместе с белыми сапогами резко потеряли свою привлекательность. Вера их больше не хотела.

А дальше все как обычно: осмотр, анализы, забор крови. Все отмечалось в тетрадке, никаких историй, никаких имен, только клички. Прямо как у собак.

Они были такими же рабынями своего сутенера, как и поливальщицы, только имидж другой и содержание получше. У тех были «мамочки», а тут «папочка», вот и вся разница. По большому счету, их просто жалко, они ведь тоже просто женщины и тоже любви хотят, не оплаченной, не валютной даже, а настоящей...

Все девочки ушли, кроме той самой в шубе из чернобурки. Вера ее пригласила на осмотр, но та отказалась, сказав, что ждет другого врача.

Отчиталась об осмотре перед заведующим. Двух девушек решено было госпитализировать. «Папочка» согласился на дневной стационар. Они должны работать.

А в ее кабинете уже находился Саша.

— Привет! Я проспал. Обещал Даулету пораньше, но будильник выкинул. Что тут у вас?

— Иди сам к Даулету. Он тебя пригласил, я не в курсе.

Вернулся Саша мрачный. Подождал, пока старшая сестра отделения принесет ему халат, и пошел в смотровую вместе с Даулетом и той в чернобурке.

Пробыли они там довольно долго, затем все, кроме девушки, обосновались в ординаторской.

— Александр Александрович, вы можете прервать беременность? — спросил Даулет Абдрахманович.

— Могу, но не буду. Женщина хочет рожать.

— Вы понимаете, что она не рожать хочет, а шантажировать очень влиятельного человека? — это уже встрял сутенер.

— Она только что сказала, что хочет рожать. Вы все были свидетелями. Она сказала, что у нее есть родители, которые помогут ей вырастить ребенка. Какие еще вопросы могут быть? Вы хотите, чтобы я прервал беременность без ее согласия и сел в тюрьму? Так я не вижу посылов к этому.

— Сколько? — спросил сутенер.

— Оставьте меня в покое. И кстати, ее тоже. Потому что если ее привезут мне по скорой, то я сообщу, куда надо, и посадят Вас, несмотря на влиятельных покровителей.

Он развернулся, попрощался со всеми и ушел.

Вера сделала свою работу, потом села с Олегом пить чай.

— Вераш, вот твой муж принципиальный!

— Он прав.

— Прав. И сутенер прав. Ребенок — средство шантажа. И потом, ты же понимаешь, что зачат он был в состоянии алкогольного опьянения, если без наркотиков обошлось. Каждый из них прав.

— Она имеет право рожать. Никто не может ее заставить сделать аборт. Это ее желание, понимаете Олег Михайлович, только ее.

— Они сделают. Можешь не сомневаться. Твой муж принципиальный, а они найдут

другого. Который за деньги на что угодно пойдет. И чем это кончится для девочки, никто не знает. Может потом Саше действительно придется ее с того света вытаскивать.

— Страшно это.

— Страшно, но у каждого свой путь. Она, как и другие ее подруги, хотела красивой жизни, и им было наплевать на мораль. Им были нужны деньги любой ценой. Вот чем их красивая жизнь оборачивается.

— Каждая встает на этот путь по своим причинам. И о каждой из этих девушек можно роман писать, о несчастной жизни. Все сложно, Олег Михайлович.

— Наплетут они тебе с три короба, а ты уши развешиваешь.

— Я умею правду от лжи отличать. И где их счастье? В чем? В шубах этих, что ли? Вы ее глаза видели? Сколько страха там? Так таких, как они, не бьют, чтобы товар не портить, а те, что завтра подойдут, все в синяках разной степени зрелости. Вы среди них счастливые лица видели? Я — нет. Спившиеся видела, опустившиеся видела, а вот счастливых не наблюдала.

— И все же их путь — это их выбор. Да, глупый и неправильный, но их.

Прошла неделя. Вера выписала двух девочек, находившихся на дневном стационаре. Когда они получили свои выписки и она озвучила рекомендации, не удержалась и спросила про ту в чернобурке.

— А Вы не знаете, Вера Юрьевна?

— Нет. Прервали беременность? Да?

— Нет. Она сбежала и легла в гинекологию на сохранение. А там врач грозный такой. Он Алика запугал. Представляете, нашего Алика!

Они переглянулись и расхохотались.

А Вера еле дождалась вечера. Домой бежала сломя голову, надо бы поговорить, но не с кем. Саша дома не было. Позвонила в отделение, сказали давно ушел.

И тут мысли понеслись... Как и о чем ей думалось, лучше умолчать, но в ее голове родилась совершенно ужасная и страшная детективная история, одним из участников которой был ее Саша, а вторым — тот самый сутенер Алик. Она уже бегала от окна к окну и прислушивалась к каждому шороху.

Ужин давно остыл, а его все не было. Она уже собралась идти искать мужа, только куда идти? Но тут раздался звук поворачивающегося ключа в замке. Она выскочила в коридор со слезами на глазах, перед ней был муж. В его руках красовались два огромных пакета.

— Вераш, я тут по магазинам, примерь, если не подойдет, я поменяю.

— Я так волновалась...

— С чего?

— Эта на сохранении у тебя лежит?

— У меня. Я ее мать вызвал, она приехала с отцом вместе. Они сказали, что рады ребенку, и обещают забрать дочь с внуком домой в Жезказган. Так что у нее все как бы образовалось. Думаю, что больше она по кривой дорожке не пойдет. Зато она мне в подробностях рассказала, как у тебя глаза горели при виде ее шубы. Вот я и подумал. Надевай давай.

Он занес пакеты в комнату и вытащил содержимое. В одном из пакетов лежало песочного цвета австрийское пальто с ламой и огромным воротником из меха ламы, а в другом — сапоги, черные на каблучке, правда, не на шпильке, а на обычном каблучке.

Вера разрыдалась и целовала его, а он сопротивлялся и сквозь смех кричал, что уж

больно мокро.

Ей все подошло, как будто прямо на нее было пошито, и даже сапоги идеально сели.

Вот в своих обновках она и отправилась назавтра на работу и всем рассказывала, что муж купил сам, без нее даже.

===== Бабушка. =====

— Ну наконец-то. Я заждалась. О, а куры откуда?

Вера смотрела на куриные лапы с когтями, торчащие из сумки.

— Значит так. Позвонила твоя мама с работы, что купила девять кур по рубль шестьдесят, но поднять их, чтобы донести до дома, не может, спина болит. Позвонила мне на работу. Я просил ее подождать и рванул туда. Вот принес, часть ей, часть брату ее, а это нам. Займись разделкой кур или оставь, я сам, только сейчас схожу к твоей бабушке, у нее пролежни, надо глянуть и обработать.

Вера смотрела ему в глаза. Они поняли друг друга без слов. Пролежни были не к добру. Бабушке становилось все хуже. Неделю назад началась пневмония, нет, не застойная, как можно было ожидать, а настоящая — бактериальная или вирусная — с ней почти справились антибиотиками, но иммунитет упал. А если учесть, что речь шла о человеке с тетраплегией в течение семи лет. И в возрасте восьмидесяти семи, то все было понятно без слов.

Конечно, у мамы болела спина, потаскай-ка на себе взрослого человека! То поверни, то приподними, то протри, то подмой, то искупай.

Нет, купали они ее в ванне, теперь Саша на руках заносил ее в ванну, а раньше это делала Ирина вдвоем с Верой на простыни. Но купали регулярно.

Вера занялась курами, ждала возвращение мужа. Его не было долго. Куры уже были разложены по пакетам, так, чтобы взял пакет, разморозил, и можно было готовить. А Саша все не возвращался. Засунула она кур в морозильник и пошла в квартиру мамы, благо в соседний подъезд войти.

Саша слушал легкие, рядом валялся тонометр. Мама плакала. Вера все поняла без слов. Мария Михайловна умирала.

Только вот отпустить бабушку Вера не могла. Не могла, и все. И хоть понимала, что срок настал, что человек столько лет недвижим и в полном сознании. Но ей казалось, что ближе-то никого нет и не было никогда...

С самого-самого детства всегда была только бабушка.

И в детский сад Вера не ходила, ее поднимала Мария Михайловна, и читать учила, и считать, и когда болела Вера, всегда она с ней была. А мама вечно работала. Ни разу больничной не брала. Болела же Вера много и долго. Ангина за ангиной, температура за температурой. И все с бабушкой. А тут сейчас...

— Саша, надо что-то сделать. Надо реанимацию вызывать. Давай звонить.

Он взял ее за руку и вывел в другую комнату.

— Ты это серьезно?

— Да. Она же умирает... — Вера смотрела на мужа огромными глазами, полными мольбы и ужаса.

— Я знаю. И ты хочешь спасти человека, последние семь лет находящегося в недвижимом состоянии? Ей почти девяносто лет... Вера, у нее терминальное состояние, не сходи с ума, прими все, как есть. Она достаточно настрадалась, и мать твоя тоже намучилась по самое не хочу.

— Саша!!!

— Вера, будь человеком, дай ей уйти.

В комнату вошла Ирина. Невероятно бледная и расстроенная.

— Твой муж прав, дочь. На этот раз он прав.

Саша ухмыльнулся, но Вера не могла сидеть сложа руки, она вызвала скорую.

Ехать они не торопились. В дом вошли минут через сорок. Врач со скорой поздоровался с Сашей, они явно были знакомы, и Вере это не нравилось.

Они ничего не стали делать, просто посмотрев на больную. А дальше началась естественная борьба жизни со смертью. Дыхание становилось патологическим, затем восстанавливалось, давление падало и поднималось.

Она хотела жить. Вот хотела, и все.

После полуночи Вера попросила Сашу отправляться спать, завтра ему на работу. Но он остался.

Мария Михайловна ушла в четыре утра.

Плакала только Вера. Мама ее не могла, ничего не могла. Саша же понимал, что смерть матери стала для нее избавлением. Она тоже хотела жить...

А разве можно назвать жизнью то существование, которое она влачила между работой и уходом за лежачей больной. Пусть собственной мамой, пусть самой родной, но недвижимой. И так почти восемь лет.

Кто мог осуждать ее за отсутствие слез? Никто! Саша так точно не осуждал. Все сложнее было с Верой.

Бабушка вырастила ее. Водила за ручку в школу до шестого класса. Пока ходила. Лечила, учила, воспитывала. Была мозговым центром, была самым воздухом. И Вера, которая жила рядом, но все-таки отдельно, боготворила ее. Ей тоже доставалась часть ухода за ней, но несравнимо меньшая, чем матери.

Ирина понимала, что у Веры семья. А женщина должна быть при муже. Обязательно при муже! Тем более, что муж у Веры не из плохих. Со своими недостатками, конечно, но не из плохих. За такого держаться надо. И она делала все, чтобы сохранить семью дочери.

А именно почти все проблемы с бабушкой взяла на себя. Трудно ли ей было? Она не жаловалась. Молча и безропотно несла свой крест, и все.

Может, и молила Бога о прекращении мучений для матери и освобождения для себя. Ведь все имеет свои пределы и границы: и терпение, и сострадание, и любовь, и да, и силы человеческие имеют предел.

И теперь она стала свободна...

Она и на похоронах не плакала. И после похорон тоже.

А через несколько дней зашла в квартиру к дочери и попросила Веру с зятем пойти с ней по магазинам, купить ей что-то из одежды. Сказала, что сама не справится — разучилась...

Саша обещал.

— Вераш, мать похудела очень, с нее все просто падает.

— Вижу, но она столько вынесла.

На том разговор прекратился. Только оставил неприятный осадок. Они подумали и отправили Ирину в санаторий, ванны и массажи должны помочь ей окрепнуть.

Комментарий к Бабушка. тетраплегия- (tetraplegia; тетра- + греч. plege удар. поражение; син. квадриплегия) паралич всех четырех конечностей.

В санатории Ирина немного ожила, правда, совсем не поправилась. Просто взбодрилась душой, получила заряд энергии и стала пинать дочь и зятя по поводу внуков. Саша отшутился, что они в процессе, а Вера сказала, что ничего не получается. Что он ее уже даже обследовал, но она здорова, и он здоров и тоже обследовался, хотя у него есть дочь.

Тема зависла. Просто зависла, и все.

Начался учебный год, Ирина вышла на работу, но проработала совсем недолго. Откуда ни возьмись случился радикулит, да такой, что встать она уже не могла, на ногу правую наступить тоже. Пришлось положить ее в неврологию. Там подлечили, но снимки позвоночника показали протрузию диска L4-L5.

Вера собралась ехать в нейрохирургию. Да, отделение давно переехало в другую больницу, там создали крупный центр, но знакомые-то остались, должны остаться. Тот же Юрий Нилович должен. Саша поехал с ней.

Именно Юрий Нилович был первым, кого она увидела, войдя в отделение.

— Вера! Рад тебя видеть.

— Добрый день, Юрий Нилович.

— В гости? Или проблемы? И познакомь с молодым человеком.

— Муж Саша.

— Очень приятно! И в какой отрасли трудитесь?

— В той же, в скорой. У нас тут с мамой проблемы, с мамой Веры.

А дальше он все изложил очень-очень подробно, с демонстрацией снимков и томограммы позвоночника.

— Оперировать надо. Привозите завтра. Обследую и возьму, — Вера знала сосредоточенное выражение лица Юрия Ниловича. Он уже планировал, что за чем.

— Вы будете?

— Я, Верочка. Сама — то где?

— В кожвене. В институте.

— Правильно, для женщины самое то, что надо. А вы в каком отделении? — он обращался к Саше.

— В гинекологии.

— Романов, что ли?

— Да.

— Наслышан. Приятно познакомиться. И у меня к Вам дело...

Прооперировали Ирину через день. И все по словам врача прошло как надо, и придраться вроде как не к чему, а потому все надеялись, что через пару дней встанет Ирина, и боли пройдут.

Пока обезболивали, так все казалось хорошо: и поднялась она, и курс массажа начали, и есть вроде стала лучше. Вера моталась в больницу и домой: больничное мама не ела, а значит надо приготовить и принести. А добираться туда ужас сколько по времени, больница за городом, до границы города автобус, а потом трамвай, он один до больницы идет. Утром еще доехать можно. А вот вечером... Если чуть припозднится, то трамвай уже не ходит, и приходится идти пешком по шпалам, до автобусной остановки. Автобусы хоть ходят допоздна.

А потом надо готовить, утром теплое положить в баночку и ехать к маме.

Радовало то, что трудности временные, вот поправится Ирина, и все будет хорошо, ведь

совсем чуть-чуть осталось, ведь вот-вот поправится.

Так и шел один день за другим, и этот настал.

Саша ушел на работу к восьми, как обычно. А Вера отварила вчера налепленные пельмени, завернула банку в полотенце и поехала в седьмую горбольницу. Маме лучше не становилось, массажистка разрабатывала ногу, но боли не прекращались. Почему — непонятно.

Вот сейчас она накормит маму и пойдет со всеми своими вопросами к Юрию Ниловичу.

Мама оказалась не в духе. Она ждала облегчения после операции, а сегодня от боли вообще подняться не смогла с постели. От еды отказалась. Вера выслушала все ее претензии и отправилась в ординаторскую. Вошла и изумилась, там был Саша. Ее Саша.

— Что ты тут...

— По делам, на консультации был. Верочка, хорошо, что зашла, снимки глянь.

Он включил негатоскоп. Вера подошла и увидела...

— Саша, тут саркома, судя по форме. Миосаркома. Тебя из-за нее вызвали?

— Да.

— Ты ей уже сказал? — в ординаторской появился Юрий Нилович.

— В процессе.

— Что сказал? Что тут происходит?

— Сядь. Это снимки твоей матери.

Вера просто сползла на стул.

— Миосаркома?

— Нет. Это метастаз. Мы сейчас говорили с твоим мужем, поражены печень и легкие. Он считает, что стрельнуло из молочной железы. Не знаю. Не уверен. Но все плохо. Сегодня мы взяли биопсию из метастаза. Будет видно, хотя, Вера, это все равно приговор. Можно немного облегчить боль и продлить жизнь, и все. Можно провести лучевую и химиотерапию. Я направлю в институт онкологии. Прости, Верочка. Я не хотел.

— Да, в институт онкологии. Саша, мы же можем бороться? Да?

Ответа она не услышала и повторила свой вопрос, а они смотрели в ее глаза, полные слез, и понимали, что она знает правду, только принять ее не может и цепляется за соломинку, хотя и той тоже нет. Ничего нет, кроме правды, ужасной, пугающей, нет, просто страшной, потому что без вариантов.

— Мы с Юрием Ниловичем звонили в институт онкологии, они не хотят брать, — Саша запинаясь, но говорил.

— Лучевую терапию надо? — Вера обращалась к Юрию Ниловичу.

— Надо, но...

— Никаких но. Я сейчас позвоню.

Она действительно позвонила своей директрисе, а потом перезвонила минут через двадцать. Место в онкологии для ее мамы было. Даже скорую с носилками институтскую ей дали и двух санитаров.

Вот так Ирину перевели в Институт онкологии. Положили и начали лучевую терапию

Результаты биопсии оказались совсем неутешительными. Даже установить источник опухоли не представлялось возможным. А она росла несмотря на лучевую терапию. Вот эта в мышце росла, а узлы в печени начали уменьшаться, нет, не регрессировать, а распадаться... А еще появился кашель.

Но Вера верила, непонятно во что, верила и молилась...

Только ее молитвы никто не слышал, кроме мужа, который был рядом и помогал, как мог.

Еще надо было работать. Вера использовала оба отпуска, и даже брала за свой счет. Но деньги с неба не падают, они имеют особенность заканчиваться, причем в самый неподходящий момент. Саша, казалось, просто жил на работе и в частном центре, где получал тридцать процентов от того, что зарабатывал, зато все легально. Он терпеть не мог всю нелегальную медицину, в его понятиях главным был закон, и Веру ругал, но там другая область и другие отношения. Хотя за время отпусков и болезни мамы клиентура у нее поубавилась, и очень значимо.

Просто работать было сложно. Настроение не то, внешность не та, глаза заплаканные, с мешками и синяками. Похудела так, что все просто падало, но это не радовало, вот совсем не радовало. И в зеркало смотреть не хотелось, и жить не хотелось... Потому что зачем жить одной, без самых дорогих и близких людей. Она еще не пережила смерть бабушки, а тут мама угасает на глазах, она уже весит тридцать шесть килограмм. Выглядит как скелет, обтянутый кожей, и только опухоль выпирает на бедре.

А еще атмосфера в палате, в той самой, где лежит мама. Эта гнетущая и мрачная атмосфера ожидания конца... И разговоры — кто что не успел сделать... И уже никогда не успеет... Один день — они казались живыми и даже строили планы... А другой — все лежали отвернувшись друг от друга, лицом к стенкам, чтобы не видеть чужую боль, ведь своей за глаза хватает...

Вернувшись домой из этого земного ада, Вера была никакой и морально, и физически. Саша приходил домой, если не дежурил, вымотанный в нет. Вера подавала ему ужин, он ел и смотрел в ее пустые глаза. Что он мог ей сказать? Что все образуется? Что все будет хорошо. Так не будет, уже никогда не будет. Чем он мог поддержать ее? Того, что она хотела, он дать ей точно не мог. Он работал и старался заработать хоть что-то, потому, что не платили. Зарплату просто не платили за отсутствием денег, а кушать хотелось, а платить врачам в онкологии приходилось, потому что они тоже хотели есть, и им тоже не платили зарплату.

И так изо дня в день. Только бы мама жила...

Больные ждали Веру около смотровой, она успела сделать все процедуры и посмотреть только одну. Ее пригласили к телефону.

Вера бежала в институт онкологии. Звонок лечащего врача вывел ее из состояния равновесия. Срочно, просто сию минуту явиться пред его светлы очи. Что случилось, он объяснять не стал. Своих больных пришлось кинуть на Олега.

Вот насколько золотой человек этот Олег. Сколько раз он ее выручал и выручает. Безотказный совсем. Да и Даулет ее отпустил, просил только позвонить, сообщить, что там с мамой. Сказал, что поговорит с начальством, чтобы отпуск она не брала, что разделят ее нагрузку. Деньги-то ей ой как нужны. Он же понимает, что такое больная мать.

О чем только не думала она по дороге. Но вот, наконец, и здание института. Первым делом пошла не в палату, а к лечащему врачу.

— Игорь Дмитриевич, доброе утро. Что случилось, почему такая срочность?

— Вера Юрьевна, я выписал Ирину Вениаминовну. Забирайте.

— Почему, у нее же еще лучевая терапия.

— У нее поднялась температура. Вы понимаете, что это значит.

— Сколько?

— Под сорок. Мне не нужна смертность в отделении. Забирайте. Прямо сейчас.

Вера была просто в шоке. Мысли путались. Решение не возникало. Даже как ей одной забрать мать было не понятно. Нужна машина, Ирина не сидит после операции на позвоночнике. Значит, нужно искать скорую. И она бы попросила машину в своем институте и ей бы не отказали, но не сегодня.

Только завтра.

— Мы можем подождать до завтра, или хотя бы до после обеда. Я попробую организовать скорую институтскую.

— Нет сейчас. Вызовите такси.

— Но ей нельзя сидеть!

— Ей уже все равно, можно сидеть или нельзя, не понятно, что ли. Вызывайте мужа и забирайте.

Вера позвонила в отделение Саше. Он сказал, что у него плановая операция через полчаса и ближайшие часа два он будет занят. Но врач-онколог был непреклонен.

— Пусть переносит операцию или справляйтесь сами.

Через полчаса подъехал Саша на служебной машине больницы скорой помощи. Они забрали перепуганную и ничего непонимающую Ирину домой. Объяснять, почему ее выписали не закончив курс, предстояло одной Вере. Саша убежал к своим пациенткам.

Но объяснять не пришлось. Та все поняла.

Наркотиков не хватало. Выписывали только половину нужного количества. Саша приносил частично с работы, у Веры их не было, не пользуются наркотическими препаратами в кожвене. И еще давал препараты Юрий Нилович.

Вера переехала к матери в квартиру. Саша ночевал один дома, потому что надо было выспаться и отдохнуть. Он оперирующий гинеколог, работающий на три полные ставки. Но иногда он оставался с Ириной на ночь, чтобы Вера поспала.

Вот и сегодня он сидел рядом с ее кроватью. Они говорили, укол сделал свое дело, боль временно отступила.

— Я давно хотела тебе сказать, Саша. Ты хороший зять и муж для моей дочери тоже хороший.

— Да ладно Вам. А какой я должен быть по-другому? Я люблю Веру.

— Я говорю, что оставляю ее в надежных руках. Ты береги ее, она слабая, знаешь?

— Знаю. Я берегу.

— Почему у вас нет детей? В чем причина?

— На этот вопрос ответить не могу. Все в порядке у обоих, даже тест на совместимость делали. Но ничего, будут. Даже не думайте, обязательно будут.

— Обещаешь?

— Я?! Да! Сам заинтересован, — он улыбнулся.

— Она так много и часто болела в детстве, может повлияло? Ангина за ангиной, и где она их брала?! А потом эта история со зрением. Мне сказали, что она рожать сама не сможет...

— Кесарево сделают.

— Она и ослепнуть может, ты знаешь?

— Я все знаю, у нас нет секретов, я же говорил, что с Верой я навсегда. Я давал повод усомниться?

Она положила свою руку на его.

— Нет, не давал, Сашенька. Просто мне за нее очень страшно.

А потом она сделала вид, что уснула, он сделал вид, что поверил, только слезы все катились и катились из ее глаз...

Этот разговор должен был состояться, но Вера тянула и тянула. А потом ее вдруг прорвало.

— Мама, мы никогда с тобой не говорили. Ругались, кричали друг на друга, но не говорили. Почему?

— Не знаю, некогда было. Все дела, работа. Жизнь прошла. У меня так точно прошла. Но ты знаешь, умирать не страшно...

Вера замолчала и молча смотрела на маму. Сказанное не укладывалось в ее голове.

— Ты не понимаешь, дочка, ты просто не понимаешь, умирать действительно не страшно. А почему не говорили? Так все суета, жить было некогда. Я старалась заработать. Хотела, чтобы жили не хуже, чем другие. Хотела, чтобы у тебя было все. Пахала, как лошадь. Что я видела в жизни кроме работы? Ничего.

— Я так хотела, чтобы ты была рядом. Помню случай, я тогда во втором классе была. Во вторую смену училась. Я леглась спать, а тебя еще не было с работы, я вставала, а ты уже ушла. Мы жили в одной квартире и не виделись с тобой целую неделю. Но в пятницу, я хорошо помню, что это была пятница. Бабушка забрала меня из школы. Мы ехали домой, я сидела у окна в тридцать втором автобусе. Автобус тронулся, и я увидела тебя... Ты бежала по улице на работу. Мне так хотелось остановить автобус, хотелось догнать тебя, обнять, прижаться... Но я не могла. Я просто смотрела в окно и плакала, а ты даже не знала, что я была рядом, за стеклом... Бабуля тоже не поняла, стала допытывать, по какому я получила четверку или того хуже. Я же не получала. Я всегда хотела, чтобы ты мной гордилась. Я училась не для себя, а для тебя. Но вы мной не гордились, вам всегда чего-то недоставало. Вот Элочка дольше занимается, вот Оленька умеет вязать и шить, вот у Ирочки такая фигурка. Все были хороши, кроме меня, а я так хотела... Я ведь хотела, чтобы вы меня любили...

— Для кого я жила?! Вера, что ж ты говоришь такое?!

— Просто времени поговорить не было, никогда не было. Главное, чтобы все было правильно, а что там в душе... А какая разница, что в душе. Главное преподнести всем счастливую оболочку. Все играют какие-то роли, все стараются выглядеть счастливыми и респектабельными. Участливо спрашивают: «Как у тебя дела?», хотя и дела твои никого не интересуют. Так, дежурный вопрос. Все становится дежурным. Звонок матери или свекрови, он так и называется — дежурный звонок, дежурная улыбка на работе, чтобы никто никогда не понял, что у тебя внутри. Да и кому есть до этого дело. Главное — выглядеть. Вот и стараешься выглядеть, овладеваешь в совершенстве этим искусством и затем, наверно, сама забываешь, кто же ты есть на самом деле. Потому что за этим выглядеть перестаешь быть самим собой.

— Вера. Верочка, — она говорила почти шепотом, — если бы ты знала, как я тебя люблю... Если бы ты только знала...

===== Надо ли жить дальше... =====

Комментарий к Надо ли жить дальше...

http://cs11165.vkontakte.ru/u27189486/115289388/x_185e61eb.jpg

Вера стояла у окна в квартире матери. Одна в пустой квартире. Здесь она прожила всю свою жизнь. В таком привычном и родном уютном мире, с родными людьми, которых безумно любила. А что теперь осталось от этого мира — пустота и тишина...

Ей было жутко тоскливо и одиноко. Казалось, что вот тут ей хорошо и тепло, потому что тут остался их дух, их души, без которых жить просто невозможно.

А за пределами этой квартиры — вакуум, сплошной эмоциональный вакуум. Где ходят и говорят люди, где она работает, где живет, ест, спит, но там — пустота.

Она приходила сюда и старалась побыть подольше, как бы поймать нечто несуществующее и эфемерное, то, что связывало ее с этим местом, с воспоминаниями и с самой жизнью, пожалуй, тоже.

Как жить без них, она не представляла и не знала. И выхода она тоже не видела. Потерялась сама в себе. Только вот как найтись?!

— Вера, ты здесь? — голос мужа вывел из состояния оцепенения. — Вера, нужно сделать тут какой-то ремонт и сдать квартиру.

— Ремонт?

— Ну да, тут же жить невозможно. Обои наклеить, покрасить. Ну чтобы просто чисто, и сдать ее в аренду.

— У нас нет денег на ремонт.

— Ты права, нет. Но если сдать квартиру, будет доход. Мы на мели совсем. Зарплаты нет, мы работаем за спасибо, а все сбережения ушли на лечение мамы, питание и похороны. Надо выкручиваться и как-то жить дальше.

— Хорошо тебе говорить, жить дальше...

— А что предлагаешь ты? Нет, Вера, я совершенно серьезно спрашиваю, как ты собираешься жить дальше?

— Я не знаю.

— А кто знает?

— То, что говорю я, ты не приемлешь. Предлагай.

— Давай подождем.

— Я жду. Я жду два года. Я даже не знаю, уже чего жду. Я не ощущаю, что у меня есть жена. Нахожусь в каком-то странном положении. У меня есть жена?

— Ты к чему?

— Ко всему! К тому, что сначала стало совсем плохо бабушке, и ты почти переехала сюда. А я остался один. Потом заболела мама, и я остался один совсем. Да, я понимаю, тебе не до меня. Но у меня практически два года нет секса. А если ты соизволишь раздвинуть ноги, то впечатление такое, что у меня акт с трупом. Некрофил я, короче. Я мужчина, и если я женат, то у меня должна быть жена, а не витающая неизвестно где кукла. Я достаточно ясно выражаюсь? Вера, я хочу нормальную семью и детей. Я ждал, я пытался понять, я сочувствовал, я помогал тебе, как мог. Но прошло уже два месяца. А жены у меня нет. О детях при таком раскладе и мечтать не приходится. И когда я говорю что-то и предлагаю варианты, то лишь натыкаюсь на стену льда и безразличия. Если так будет продолжаться, то я не смогу оставаться с тобой. Прости, но это так.

— Дай мне время.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Сколько? Вера, я женат три года. Я импотентом скоро стану от жизни с тобой. Ты и была-то скованная и зажатая. Такое впечатление, что за тобой подглядывает кто, а теперь это вообще.

Это полное отсутствие личной жизни при печати в паспорте и кольце на пальце. Честно, я жалею, что связался с тобой. Можешь продолжать торчать тут, и думать, и делать

все, что придет в твою голову! Но без меня. Я хочу жить, понимаешь? Ты хочешь умереть, потому что ты осталась одна. Это я тебя цитирую. Меня в твоей жизни нет, по твоему разумению. А я хочу жить. Мне тридцать четыре года. Я хочу жить, даже если без тебя.

Он вышел из квартиры, громко хлопнув дверью.

Слез не было. Выплакала она их все, что ли. Вера прошла в другую комнату и раскрыла шкаф. На одной из полок лежала ее кукла. Как было хорошо тогда, и куклы у них были с Олей почти одинаковые, и проблемы общие, но такие пустяковые и ничтожные. А что теперь?

Оля одна растит сына. Тот даже не знает, кто его отец. Нельзя так, нельзя. Но у нее хоть сын есть. А у Веры кто?

Саша не хочет ее понять, ему нужна женщина. Только вот Вере никто не нужен, кроме мамы и бабушки... Но их нет и никогда уже не будет...

Тут она вспомнила, что Саша дежурит. А он приходил, видимо, поесть дома хотел.

В холодильнике есть котлеты. Она закрыла мамину квартиру и пошла к себе. Дверь закрыта на ключ. Открыла, вошла. Позвала мужа. Его не было.

Заглянула в одну комнату, затем в другую. В прихожей в собачей миске была свежая еда, и пес ее уплетал, похрустывая. Только Саши не было.

И в спальне не было. И котлеты не тронуты. Она вошла в кухню. На обеденном столе лежало его обручальное кольцо...

Она села на табуретку и взяла кольцо в руки. Взгляд скользил по золотому ободку и никак не мог остановиться.

В голове крутилось, что он не мог, он же не ушел совсем?! Как он может уйти?

Она же любит его, и была уверена, что и он любит. Она никак не может его потерять. Саша был единственным человеком, которому она доверяла, настолько, что доверила ему себя. Даже не задумываясь ни на секунду, увидела, поняла, что это он, и отдалась ему целиком и телом, и душой. И как теперь. Его надо вернуть. Он был и есть частичка ее, нет, не частичка, половинка ее. Она просто не целостна без него. Она никто без него. Зачем он оставил кольцо?

Он сказал, что уходит. Нет, он не сказал, что уходит. Он сказал, что хочет жить. Это вещи разные.

Она вошла в спальню и открыла шкаф. Все его вещи были на месте. Но она не успокоилась. Надо выяснить все сегодня и сейчас. Котлеты он не ел...

Сердце скрутило. Даже дыхание остановилось. ОН УШЕЛ!!!

Надо его вернуть!

Вера надела платье и подошла к зеркалу. До чего же она страшна! Мешки под красными глазами, синяки на пол-лица. С такой мордой только мужчину соблазнять. Умылась ледяной водой. Закапала в глаза нафазолин, краснота исчезла. Льдом потерла под глазами, хоть чуть очеловечилась. Может, еще не поздно.

Взяла его кольцо и, зажав его в руке, вышла из дома. До больницы скорой помощи почти бежала.

Вот уже и приемный покой. Сейчас войдет, и поднимется в отделение, и поговорит, и он ее услышит, обязательно услышит, и все будет хорошо... Но он стоял у приемного покоя на улице, весело смеялся с Ленкой Крыловой и курил, и Ленка курила.

Ленка, ее однокурсница, с ее мужем?! Нет, не может быть... Но ему так весело, ему хорошо. Он действительно живет без нее, а сейчас она со слезами, просьбами, с кольцом...

Зачем портить человеку настроение.

Она развернулась и пошла домой!

Сколько слез было пролито и слов сказано, знала только ее подушка. А утром повторились все процедуры с глазами и лицом. Только все это покрылось еще слоем косметики и украсилось помадой.

В отделении она должна выглядеть.

А его кольцо она нанизала на цепочку и надежно спрятала под платьем. Конечно, Олег все заметил, конечно, снова прочел лекцию о том, что из этого состояния пора выходить, потом посоветовал обратиться к психологу и закончил речь тем, что муж терпеть не будет, и ее прорвало, ведь уже не терпит, уже ушел.

Она рассказала Олегу все.

— Вещи не взял?

— Нет.

— Собака дома?

— Дома.

— Вернется, помяни мое слово. А ты к психологу, и обещаешь все, что угодно, мужу обещаешь. Ну, золотой у тебя мужик, а ты?! Вот дура, девка!

Он подвез Веру домой на своей машине. И как только она вошла в дом, пришел Саша.

— Зачем ты приходила вчера?

— Почему ты куришь?

Ей захотелось спрятаться и прикрыть голову руками. У него был вид, как будто он ее сейчас убьет.

— Я курить тоже уже не могу?! Что я могу?!

Он подошел к ней и взял ее за плечи, поставив перед собой, но тут увидел кольцо на цепочке, в один момент он понял все. И зачем она приходила на работу, и почему не подошла, и что пережила за последние сутки.

— Верка, ты зачем мое кольцо сперла? Я уже решил, что потерял, — произнес он, сдерживая смех.

— Так ты забыл его просто, да? — она смотрела в его глаза глазами, полными слез.

А он понимал, что любит ее, вот такую, какая она есть, Но любит так, что никогда не оставит. И никто другой ему вовсе не нужен.

— Вераш, я его забыл, прости.

— Ага!

— Что, ага?

— Простила, а Ленка?

— С Ленкой я дежурил, ты вообще в курсе, что она врач?

— Котлеты будешь?

— А то!

Ночью она снова не могла уснуть. А он спал и храпел во сне, и было так хорошо и спокойно, что он рядом.

Вот она думала-думала и решила, что к психологу не пойдет, потому что не верит им — проходимцам. У нее вот один психолог спит, и она тоже хочет жить, рядом с ним точно хочет!

===== Саша =====

— Привет, Сан Саныч.

— Доброе утро, Елена Апсатаровна.

— Саш, я хотела спросить.

— Хотела — так спрашивай.

— Ты не сердись только. Тут говорят, что ты с женой разводишься.

— Я?! С чего так говорят?

— Саш, она мне не безразлична, мы ж учились вместе.

— Лена, я не развожусь и не помышляю. А вот почему так говорят, мне интересно. И только лишь с одной целью. Раз говорят у нас, то и ей быстренько донесут. А Вере этого не надо. У нее и так проблем хватает.

— Ну, говорят, что выглядит она плохо, что замученная совсем, что не рождает она и не сможет, видимо. Прости.

— А с чего ей выглядеть хорошо? Она мать похоронила, а та болела знаешь сколько?! И как болела. Глупости говорят. И о каких детях могла идти речь в той обстановке.

— Врут?

— Врут.

— Но ведь и ты, Саша, на себя не похож стал. Дерганый, раздражительный.

— Я все это время был с ней, и с тещей, и с бабушкой ее, как ты думаешь, легко это? А потом я не обязан никому раскрывать свои мысли и чувства, а вот жену от лишних волнений и напраслины защитить обязан.

В приемный поступила женщина в тяжелом состоянии, и его вызвали. В отделение он из приемного уже не вернулся, сразу ушел в операционную.

У Веры в этот день случился почти отгул, ее пригласили на консультацию в роддом. Там ребенок родился с вторичным врожденным сифилисом, вот нужна им запись в истории от венеролога. Даулет ее отправил, решил, что ей прогуляться и развеяться в самый раз. И с коллегами пообщаться тоже то, что доктор прописал. Сказал, чтобы не возвращалась на работу, отчитается завтра, а так сразу домой можно. Вот она и пошла после консультации на работу к мужу, пусть просто в ординаторской посидит, но только не в пустой квартире.

Со своим горем она привыкала жить. Нет, не смирилась, нет, не отпустило, но жить дальше было нужно, хотя бы ради Саши. Ради своей единственной любви. Ради человека, который ей был безумно дорог. Так хотелось, чтобы он был рядом все время, без перерывов, просто надо было ощущать его присутствие, даже если он занят одним, а она другим.

А еще она безумно хотела ребенка — девочку, и назвать ее маминым именем, тогда и мама вроде рядом будет.

Опять обследовалась, ходила к какому-то заумному доктору. Он ее посмотрел и... сказал обратиться к Романову в БСМП (Больницу скорой медицинской помощи). Правда, причитающиеся ему деньги взял и еще посоветовал сходить на метросальпингографию, проверить проходимость маточных труб.

Пробовала она с мужем об этом поговорить, но он даже слушать не стал. Заявил, что в проходимости ее труб не сомневается, и спросил, кто такую глупость вбил ей в голову.

Она затаилась. Решила, что проходимость проверить надо, только вот как? Но ничего, что-нибудь придумает.

В ординаторской гинекологии находилась только Лена, истории писала. Они обнялись.

— Верунь, чай?

— Можно.

— Твой на операции, даже не знаю, что там. Вместе с хирургами пошел. Надолго,

короче. Посидишь?

— Посижу, ужин у меня есть, а дома одной не очень, понимаешь...

— Понимаю, надо в руки себя брать и становиться прежней, потому что мешки под глазами женщину не красят.

— Знаю. Пройдут со временем. У тебя как?

— Дочка большая совсем, муж, сын, все как всегда. Знаешь, кого видела. Татьяну Леонову — Рожнову бывшую, ну, которая с вашим Асаном.

— И что? Как он?

— Как он, не знаю, только вот она говорит, что у нее теперь отдельная квартира. Она там какую-то старушонку нашла одинокую, ухаживала за ней, та померла, квартиру ей оставила. Так что она на Ленина живет, в двенадцатиэтажке на последнем этаже. Вот и все. Я с ней особо в беседы вступать не хотела, от нее пахло алкоголем, неприятно, знаешь.

Вера лишь согласилась. Они уселись на диван и болтали за чаем, вспоминали студенческие годы, да Лена про Сашу всякие истории рассказывала, вот тут они совсем хохотали, истории были казуистические и уж больно смешные. Потом к ним присоединилась старшая медсестра отделения. Лена Веру представила просто как сокурсницу. Нечего той в личную жизнь врачей вдаваться.

— Лена Апсатаровна, слышали, небось, к нам перешла операционная сестра с первой городской больницы, — начала медсестра.

— Слышала, еще не встречалась. И как она?

— Нормальная, дело знает. А так по жизни одинокая баба, и ей уже сорок. Возраст, однако. Мы давеча болтали, так она рассказывала, что у нее такая любовь была, что она за ним в Сибирь, как декабристка прямо, — Сестричка вздохнула, закатив глаза от удовольствия, полученного от услышанной истории.

— Да ты что? — Лена развесила уши.

А ту понесло, да так, что остановить ее не представлялось никакой возможности.

В общем, встретились они, когда он школу только окончил, а она работала давно уже. И любовь, говорит, вот с первого взгляда. А потом поступать он поехал, мать его подальше от нее отправила, а то он почти съехал к ней, съехал-то, но она старше его на шесть лет была. А как он поступил, так она за ним в Томск. Там на работу устроилась, квартиру сняли, она ему и стирала, и готовила, и все честь по чести. Только не беременела, а может, он и не хотел детей от нее. Говорит, что вроде любил и вроде нет. Только она его любила больше жизни и сейчас любит.

Она очень многозначительно подняла брови. Показывая, что и такая вот любовь бывает.

— Так ты ж говоришь, что она одна. Куда же он от такой любви делся?

— Так он там встретил молодую и на той женился. Вот гад, да?

— Кто его знает... Чужая душа — потемки, — пожав плечами, произнесла Лена.

— Да нет, Лена Апсатаровна, она такая милая. Вы бы только знали... А еще новости слышали? Наш Сан Саныч с женой разводится.

Лена аж подпрыгнула, а Вера раскрыла рот от удивления.

— Да не удивляйтесь Вы так, информация точная, проверенная, почти из первых рук.

— Иди, а! Что работы нет, что ли? — возмутилась Лена.

— Ну что Вы так сразу. Я вам точно говорю, Лиде сказала его мама, они общаются.

— Еще раз.

— Ну, медсестра новая в операционной, Лида, дружит с мамой Сан Саныча. Вот она ей

и сказала. Верней информации не бывает!

— Так ее Лидой зовут? — это уже спрашивала Вера.

— А Вы-то откуда знаете? Вы же не наша, — совсем растерялась сестричка, пожала плечами и вышла из ординаторской.

Вера засобиравалась

— Пойду я, Лена.

— Куда?

— Домой.

— Врут они. Я сегодня с Сашей говорила, он боялся за тебя. Переживал, искренне. Нет Вераш, даже если они и напридумывали что, то правда в том, что он тебя любит.

— Спасибо, Лена, пойду я.

— Погоди. Дождись его здесь.

— Пойду, может, пирог сварганю.

Она вышла из ординаторской. Надо было не заплакать и покинуть здание больницы. Опустила глаза в пол и... налетела на человека.

— Извините, пожалуйста, — она говорила и глянула на... собственного мужа.

— Хорошо, что пришла, Верочка. У тебя все нормально? Почему не на работе?

— Так хорошо, что я пришла? Или почему я не на работе?

— Пойдем в ординаторскую, жена, соображаю я сейчас плохо. Побудь со мной, заодно расскажешь, отчего глаза на мокром месте.

— Что-то случилось?

— Да. Побудешь?

— Конечно.

Она видела, насколько он расстроен. В ординаторскую вошли вместе.

— Вернулась? — спросила Лена, — Саша, что?

Он только покачал головой. Это означало, что пациентка умерла, а значит ему сейчас так херово, что и представить себе невозможно.

— Чай? — опять спросила Лена.

— Коньяк бы.

— Чай, возражения не принимаются, — это уже была Вера. — Расскажешь?

— Нет, кровопотеря, несовместимая с жизнью. Не спасли мы ее.

Он прижал Веру к себе аж до боли. Но она не возражала. А он продолжал:

— Молодая девчонка, вот была и нету, — он замолчал, и Вера и Лена тоже молчали.

Лена налила чай и положила пару кусочков сахара.

— Жену отпусти, пей чай, а то синяки у нее будут, еще скажут, что бьешь ее.

Он пил и понемногу приходил в себя.

— Вераш, так как ты у нас очутилась?

— На консультации была в первом роддоме.

— Это по поводу вторичного врожденного сифилиса?

— Ага!

— А плачешь почему?

— Давай дома.

— Потому что вся больница гудит, что ты ее бросаешь, и слухи распускает некая Лида, — без предисловий выдала Лена. — Медсестра новая в оперблоке, а ей сказала твоя мать. Так наши медсестры рассказывают, вот прямо здесь при твоей жене, и про Лиду, и про

развод, и про все. Думаешь, ей такое слышать в кайф?

— Пошли, Вера.

— Куда?

— К Лиде, пресечем этот бред на корню.

— Нет, Саша, давай ты сам с бредом разбирайся. Я не хочу ее видеть.

— И я не хочу. Есть еще вариант, уйду в другое место. Да хоть в роддом. Хоть в другую больницу, что я, работу не найду. А ты не верь всему, что говорят. Злые языки заткнуть трудно.

— Врут? — спросила Вера.

— Врут, я с тобой до конца.

— А если я так и не рожу?

— Значит, усыновим, или ЭКО, или... Ну, придумаем что-нибудь. Мы ж с тобой живые, а значит можем строить планы. Можем все, пока живы. Главное, что живы.

Он пошел на обход, а Лена в приемный и в операционную, не возвращаясь в отделение. А Вера ждала, только уже со спокойным сердцем. Пока живы и вместе, они могут все, ну абсолютно все.

===== Обман =====

— Саш, мне больную надо на проходимость труб проверить. Направление дашь?

— Что за больная?

— С неспецифическим воспалением, у нас и она, и муж лечится.

— У вас? Или у тебя?

— У меня с бесплодием, сперматозоиды ожили, бегают, а она не беременеет.

— Да, направление сама напишешь, сейчас бланк с подписью и печатью дам.

Он полез в свои бумаги, достал бланк, расписался и поставил печать.

— Дай два бланка на всякий случай.

— Зачем?

— Вдруг испорчу.

Этот разговор происходил пару дней назад, а сегодня она отпросилась с работы и поехала в пятую поликлинику к Жакуповой. Ее больная там уже побывала, а второй бланк остался. И Вера решила, что это просто знак свыше. Наконец она сможет пройти эту дурацкую процедуру и узнать, есть ли у нее шанс родить.

В кабинете заведующей рентген-отделением ее встретила достаточно дородная дама с ярким маникюром.

— Значит, Вас на метросальпингографию отправил Романов?

— Да, Романов.

— Но направление написано не его почерком.

— А подпись его? Вы же видите, что его. Медсестра направление писала, понимаете, медсестра.

— Хорошо. Завтра Вас устроит?

— Да.

— Две пеленки с собой.

— Хорошо. Скажите, мне на весь день отпрашиваться с работы, или я смогу вернуться к своим обязанностям?

— По состоянию. А работаете где?

— Не тяжелая у меня работа, скорее умственная.

Затем пришлось повторять свой анамнез, что первичное бесплодие у нее четыре года. Что обследовалась, что лечилась. У кого лечилась? Да у Романова, все три последние года. Муж? А муж в порядке, и нормально у него все, и спермограмму сдавал, но вот все никак.

Дальше заведующая диагностическим отделением хвалила Романова, говорила, что все-все женщины у него беременеют только так. Врач вообще от Бога. И что он с ними делает, что все беременеют, она и не догадывается. Только вот у него самого детей нет. Жена говорят... Дальше она скорчила физиономию, и заявила, что жена не очень хочет, видимо. Дальше Вера выслушала, как ей повезло, что она попала именно к Сан Санычу. Что его ценить надо. Затем перенесла процедуру Вере с утра на два часа дня, чтобы она еще поработать могла.

С тем Вера и вернулась на работу.

— Олег Михайлович, я уйду завтра в час. Прикроешь?

— Прикрою, конечно. Ты хоть с мужем идешь?

— Нет, он и не знает ничего, и не догадывается, я просто направление попросила пустое с подписью, якобы для своей больной. Наши направления они не принимают, типа у нас женщины больные, а из гинекологии же только здоровые приходят, с непроходимостью.

Олег ржал.

— Понимаешь, Верочка, мы какие?

— Мы прокаженные. Нам и частной практикой заниматься нельзя по закону. Вот мой муж может в частном кабинете гонореем лечить, а я не могу. И где справедливость?

— Ты все еще справедливость ищешь? Вераш, зато твой муж понятия не имеет, сколько стоит твое белье и твои туфли. А я знаю, потому что сам на эти вещи для своей жены зарабатываю. И пусть не в частном кабинете, а где придется, но зарабатываю не меньше твоего муженька. И ты на свои прихоти зарабатываешь, хотя особо и не стараешься.

— Зато мне та в диагностическом заявила, что у моего мужа все женщины беременеют, вот каким образом — она понять не может. Ну, все прям, как одна.

Олег сидеть в своем кресле не мог от смеха.

— А ты поинтересуйся, Верочка. Ой, вот насмешила. И правда, что он с ними делает?! Вот все, как одна...

Они долго еще веселились, обсасывая эту тему.

На следующий день Вера была в диагностическом.

Ввели ей контрастное вещество, сделали серию снимков, и врач-рентгенолог спросил, кто ее ждет.

Никто ее, конечно, не ждал, да и понятия не имел, где она находится. Потом посоветовал взять такси и не ехать общественным транспортом.

Вот этим советом Вера воспользовалась.

Боль появилась еще в кабинете, но с каждым шагом она усиливалась. Такси она останавливала пару раз, потому что ее тошнило.

Как она добралась до дома, Вера не помнила. Дома первым делом набрала номер отделения мужа. Он был на операции.

Терпеть она не могла, а тут еще пес просился на улицу, она просто открыла дверь в подъезд и выпустила собаку.

Лежать, стоять, ходить, жить было просто невыносимо. Живот был одной сплошной раной, так ей казалось. Она влезла в ванну с очень горячей водой и просто выла от боли. Выпитый анальгин с но-шпой не действовал. И она выла.

Дверь ванны отворилась, и в проеме показалась собачья морда. Уши пса были приподняты, и вообще он выражал всем своим видом само беспокойство. Он внимательно посмотрел на хозяйку испуганными собачьими глазами и исчез.

Но скоро появился пес с костью в зубах. Вот кость он заботливо вручил Вере.

Несмотря на дикую боль, Вера смогла оценить неповторимое внимание и собачью щедрость, и оттого совсем разревелась. Пес лег у ванны и все время поглядывал на хозяйку.

Сколько Вера просидела в воде, она не знает, но боль чуть стихла, хотя не прошла, зато жутко захотелось спать. Она вылезла, укуталась в махровый халат и завалилась в постель, а пес переехал теперь к кровати и принес еще пару костей, положив их около Веры.

Она уснула.

Когда открыла глаза, рядом с ней сидел муж. А за окном стояла темень.

— Саш, прости, я не приготовила ничего.

— Трубы проходимы, вообще даже сужений никаких нет. Зачем?

— Я...

— Зачем?! Они позвонили мне сразу, как получили снимки. Я узнал, как только вышел из операционной. Я говорил, что не надо этого делать. Вера! Я не понимаю. Ты мне не веришь?

— Верю. Не начинай!

— Я зол. Сильно зол. Ладно, пойду яичницу сделаю. Ты, как я понимаю, есть не собираешься, тебя мальчик накормил. Все кости свои тебе отдал и у ног лежит. Входная дверь настежь. Заходи, делай, что хочешь... Вера, ну почему? Почему ты такая?

Она повернулась на другой бок и снова ощутила боль. Слезы опять душили. Не любит он ее. Больше не любит.

Он возился на кухне и гремел посудой, а она всхлипывала в подушку. Теперь вся затея казалась ей не такой уже и умной. Результат хороший, это очень даже, а вот ссора с мужем вовсе не к месту. Может, обойдется?! Хотя зная его, точно не обойдется.

Она встала и на полусогнутых выползла на кухню.

— Еще болит? — спросил он с нотками металла в голосе.

— Уже легче. Я чай хлебну и лягу. Прости.

— Я надеюсь, с художественной самодеятельностью покончено?

— Я же хотела как лучше.

— Только получилось, как всегда. Ну что ты за человек?!

Она пожала плечами, отпила немного из чашки и пошла в постель. Он выгулял пса, потом разделся и лег рядом.

— Спишь?

— Нет.

— Я люблю тебя, просто волнуюсь очень. А ты творишь просто невесть что. Знаешь, что я почувствовал, когда Клава сказала, что звонила Жакупова, сообщила о результате Морозовой Веры, которую я якобы направил. Верочка, все, прекращай, у нас все получится. Все будет хорошо.

— Саш. Что ты делаешь с пациентками, что они все сразу беременеют? Может, ты и со мной тоже самое сделаешь?

— Что я делаю с пациентками?!

— Никто не знает, мне Жакупова сказала. Но они все, как одна, сразу рожают. Я тоже такое хочу.

— Еще раз, что Жакупова сказала? Нет, я не могу. Вот это репутация! И все пациентки, как одна...

Он уже не сдерживал смех.

— Да, все, говорит, кроме жены. Ей так жалко тебя.

Они откровенно ржали оба.

===== Мне кажется... =====

Он ушел очень рано, а она спала. Он не стал ее будить в выходной, пожалел. Вера себя неважно чувствовала. Надо проверить печень. Он об этом только подумал, но уже представил ее сопротивление. Ничего она проверять не будет! И так ворчит каждый раз по поводу медицинских осмотров раз в полгода, обязательных на работе.

А он рад, можно хоть определить, что лечить в первую очередь. Не Вера, а развалюха какая-то. А ей всего-то двадцать девять.

Перед уходом посмотрел на нее спящую издали, потом выгулял пса и, закрыв двери на ключ, отправился на работу.

Он уже подумывал об усыновлении. Надо прозондировать почву в роддомах и взять приличного отказника.

Мама его почти съела, она хотела внука. Нет, даже не то что хотела. По статусу ей полагался внук, и по возрасту, и потому, что единственный сын должен продолжить род. А его жена — просто недоразумение ходячее. Вот и осталась она вся такая несчастная без продолжения рода.

Да и Вера просто с ума сходит. У Оли сыну десять, правда, мужа нет. И встречается Оля то с тем, то с другим. Но сын у нее есть. А у них с Верой и семья благополучная, и достаток имеется, и при работе оба, а детей Бог не дает.

Чем же они так провинились?!

Завтра же прозвонит по роддомам, узнает ситуацию.

На работе с самого утра были пациентки. Две угрозы, он посмотрел и положил, а потом его дернули в хирургию, там избиение и изнасилование. Провозились чёрт его знает сколько на пару с хирургом, потом решил размяться кофейком. Сестричка Гуля сварила. Закурил.

Давно не курил, да и курил очень редко, по случаю. Вера не переносила табачный дым, а он без сигарет мог обходиться спокойно, вот и курил от случая к случаю. Пил, наверно, и то чаще.

Нет, не напивался, а так, чуток для души. Благо выпивка не переводилась. Присутствовала на любой вкус и цвет. Вере, как правило, дарили шампанское и конфеты, а ему тоже конфеты и коньяк или водку хорошую, или виски. Пей — не хочу.

Но впереди почти все дежурство, а потому пить еще рано, даже просто для души, а вот затянуться сигареткой можно.

И только закурил, как вошла Гуля и сообщила, что там к нему женщина по личному вопросу. Сигарету пришлось затушить и пойти глянуть, кому он в выходной понадобился. Спустился в приемный, там его ждала Вера.

— Соскучилась, родная?

— Я по делу.

— Ась? Пойдем в отделение, в ординаторскую.

Они расположились на диване, Вера уперлась взглядом в затушенную сигарету.

— Твоя?

— Нет.

— Врешь?

— Вру, Вераш. Что у тебя стряслось? Говори и...

— Проваливай.

— Нет. Можешь оставаться. Я тут уже малость поработал с утра, так что могу чуток отдохнуть в твоём присутствии.

— Саш, я, кажется, беременна.

— Кому кажется? И насколько?

— Ты со своими пациентками тоже так разговариваешь? — она явно обиделась.

— Нет, но ни одна еще из них не пришла и не сообщила, что беременна от меня. Причем вчера вечером не была, а сегодня утром — пожалуйста.

— И вчера была, только молчала.

— Тест?

— Я не делала, потому что боюсь. А вдруг мимо. Но меня тошнит уже неделю, и вообще, я чувствую.

— Вера, ну, не серьезно, согласись. Давай путем купим тест, ты его утром сделаешь, и определимся. Идет?

— Нет, я так, я подожду тогда. Почему ты мне не веришь?

— Верю. Надо УЗИ печени сделать.

— Печень ни при чем.

— Правда? А у тебя есть хоть один орган здоровый?

— Не сердись.

Она встала, оделась и ушла, а он все-таки закурил.

Вера же поехала к Оле.

Та была дома с мамой и с сыном, они обнялись, и Вера за чаем рассказала все, что с ней происходит, и реакцию Саши на все тоже.

Оля была возмущена. Она уверяла, что такое поведение мужа в жизни бы не потерпела. И Верина покойная мама тоже никогда не позволила дочери жить с таким человеком.

А вот у Сильвы Вартановны было совсем другое мнение.

— Девочки вы не правы. Он не пьет, не курит, зарплату всю приносит, и даже сверх зарплату, ночует он дома, на работе он на хорошем счету, я там же работаю, и я слышу и знаю. Что вам от мужика надо.

— Так что теперь, от него все терпеть? — возмутилась Оля.

— Да я особо и не терплю, просто бывает обидно иногда, — сказала Вера.

— Вот видишь, дочь, ваши разные взгляды, Вера принимает мужа такого, какой он есть, и потому живет с ним, а не одна, а ты, — обратилась она к Оле, — одна. И я не знаю, что лучше и правильней.

Они еще долго говорили обо всем. Изливали душу друг другу. Одна — неудовлетворенность своей семейной жизнью, а другая — проблемы одиночества. Когда слово сказать некому, и никто не поддержит и не пожалеет. И работать когда одной приходится, чтобы сыну что купить. А у ребенка потребности растут, и желания растут, и сам он растет и из одежды вырастает, а на новую деньги нужны. Только вот взять их негде.

И что толку, что красивая она по жизни, только красота счастья не приносит, и советовала Вере держаться за Сашу. Потому что какой-никакой, а он есть, и надежда на него всегда есть, и опора он по жизни. И добытчик, и работяга. А без него как? Хоть на луну вой!

Плохо, конечно, что детей у них нет. Но зато они есть друг у друга. А кроме него у Веры

ведь никого, одна она осталась, на всем свете одна, так надо за мужа держаться. Ведь не самый плохой ей муж достался, вот ей бы, Оле, такого, так держалась бы двумя руками. Но увы, ни такого, ни похуже — никакого вообще. А молодость ушла, ей уже тридцать один, и надежды встретить кого приличного с каждым годом все меньше и меньше.

Вот с тем и расстались подруги, Вера поехала домой.

Вошла, и тут же телефон, а там муж.

— Вераш, где была весь день?

— Да у Оли. О тебе говорили.

— Хорошо, что у Оли. Ты ушла расстроенная, я волновался. Тест купить завтра, или ты сама?

— Нет, не покупай. Я потом на УЗИ схожу.

— Вместе?

— Нет, я сама, после работы, а то если тебя ждать, то не дождешься. Ты свою нагрузку с моей не сравнивай. Вы ж нас, венерологов, даже за врачей не считаете.

— Брось, родная, лечите вы воспаления, даже неспецифические, лучше.

— И на том спасибо.

— Ладно, звони еще. Я жду.

— Буду.

===== Не кажется, но очень страшно... =====

Прошло две недели, пока Вера собралась на УЗИ. Почему не шла? Да боялась. А вдруг там что не так, и речь идет не о беременности, а об онкологии. Что тогда? Ложиться и умирать? В лечение онкологии, особенно у молодых, Вера не верила. Так что идти и выяснять диагноз ей вовсе даже не хотелось. Не было беременности четыре года, и надеяться, что это она, особо не приходилось. Так чего травить душу.

Саша тоже не заговаривал с ней об этом. Спросил ее еще раз про тест. Она опять не захотела, и он замолчал. Выбрал, так сказать, выжидательную позицию.

Он переживал, жутко переживал всю эту неизвестность. Но давить на жену, заставлять ее делать то, что она не желает, не стал. Он понимал, что рано или поздно она пойдет на УЗИ. Куда денется? Здравый смысл должен победить. А в наличии у Веры здравого смысла он не сомневался.

Низ живота у нее тянуло, и поясница болела, и откладывать обследование уже дальше было просто невозможно.

Вот опять она сбежала с работы пораньше и отправилась в центр репродукции человека. Настроения не было. Очереди на УЗИ, как ни странно, тоже.

Ее приняли сразу. Врач, выяснив, что пациентка коллега, заговорила о сифилисе. О том, как передается и как его избежать. Оказалось, племянница к ней приехала и живет, а у нее нашли.

Между делом она сообщила Вере о беременности семь-восемь недель, об угрозе прерывания, выраженной угрозе.

Вера ее опять спрашивала об онкологии, та снова про бытовой путь передачи сифилиса, и об угрозе, и желательно стационарном лечении.

Потом она написала заключение, выдала снимок и отправила Веру становиться на учет.

А та никак не могла поверить своему счастью, читала и перечитывала заключение, и смотрела на то затемнение на снимке. Потом снова перечитывала заключение. Потом осознала, что угроза прерывания выраженная, и разрыдалась. Так и пришла домой вся в

слезах.

Набрала номер отделения мужа. Попросила к телефону и услышала его раздраженный голос:

— Да, Вераш, я чуть задержусь, у нас тут проблемы.

— Хорошо, только не очень задерживайся, у меня тоже проблемы.

— Ты плачешь? Что случилось?

— Угроза прерывания.

— Срок?

— Семь-восемь.

— Вызывай скорую и езжай сюда, я встречу тебя в приемном. Вещи — только необходимые, я потом принесу остальные.

Действительно, встречал он скорую прямо на улице. Оформили историю без осмотра. Саша близко никому подойти к жене не дал, да еще заявил, что смотреть на кресле при угрозе — только выкидыш провоцировать, результата УЗИ вполне достаточно. Побежал к заведующему, просил отдельную палату. Но в отделении была только одна палата на одного человека. И то она предназначалась для женщин, больных инфекционными заболеваниями. Так что получил он, естественно, отказ, и положил Веру в общую палату, да еще в свою.

Положил, вернее распорядился приготовить место, и отбыл на операцию. А ее сразу же начали капать. Капали долго, часа четыре. И никто ничего не объясняет, про вопросы о Саше, а спрашивает она его по имени-отчеству, да о Лене, тоже по имени-отчеству, естественно, сообщают только, что оба в операционной, когда вернутся — никто не знает.

Так и ночь наступила, пришла медсестра, укол сделала, и Вера уснула. Быстро так.

Проснулась — на улице светло. Санитарка палату моет. Шваброй туда-сюда машет. Огляделась, а в палате шесть человек. Как она вчера ничего не видела, непонятно. Встала в туалет да умыться. Пока ходила, ее уже сестра ждет с капельницей.

— Морозова, куда черти носят? Придет доктор, ругаться будет. Он у нас, знаешь, строгий какой. Порядок должен быть во всем. А ты с угрозой по отделению шастишь. Ложись давай.

Вера легла. Оставалось только смотреть на падающие капли в системе.

— Права сестричка, — услышала она женский голос. — Сан Саныч у нас строгий, не добрый, ты же на сохранение, не на прерывание, он таких любит, любит, чтоб рожали, вот будешь слушаться — родишь. Я у него дочку сохраняла, уже два года толстухе моей, сейчас с сыном пришла, обещал выносить. Золотой доктор. А у тебя какой?

— Первый.

— Сан Саныч все может, главное что? Без самодеятельности.

Вере стало легко. Она поверила. Самое смешное, что поверила не мужу, а вот этой женщине-оптимистке, так безоговорочно доверившейся врачу. А ведь она права, — думала Вера, — успех в вере и доверии. А потому и угроза у нее от сомнений и неверия. Зная психологию пациента, можно его лечить. Вот и свою психологию она только что поняла, а значит, теперь она сильная, теперь у нее есть оружие против своих сомнений, то есть против самой себя.

Принесли кашу. Все взяли, она отказалась. Не любит она кашу, никогда не ела. Кофейку бы или чай покрепче. Но лучше кофейку. Без кофе жизнь не жизнь. Без кофе ни проснуться, ни двигаться. Но кофе не было.

Систему сняли к девяти.

А потом на обход пришел врач.

— Доброе утро, девочки, как спалось?

Он подмигнул Вере и начал обход. Это было так здорово и так ново, она никогда даже не подозревала, что наблюдать за работой мужа настолько интересно. К ней он подошел последней и сел на край кровати.

— Как ты? Спала? Ела?

— Спала, вроде ничего не болит, капают. Нет, не ела. Кофе бы.

— Забудь. До родов забудь и о крепком чае, как ты любишь, тоже. Придется перестраиваться. Вера, я успел только собаку выгулять и накормить, готовить было некогда, придется есть кашу и тебе, и мне. Или могу маму попросить.

— Не надо маму. Лучше бы ей и не знать пока.

— Согласен. Тогда ешь, что дают. Перед нами стоит сверхзадача — стать родителями.

Отпуск я возьму после родов, но никак не сейчас. Значит, без капризов. Хорошо?

Конечно, хорошо, а куда деваться. Она лежала месяц, потом выписалась домой, колоть ее он мог уже дома, но дома пробыла опять совсем недолго, недели две, и опять легла на сохранение. Хорошо еще — до двадцати недель лежала у Саши.

Он имел огромный авторитет. На него в отделении все молились. Оперировал он лучше всех и больше всех.

Вот так на лекарствах, гормонах и терпении она дождалась первого шевеления ребенка.

Это было счастье — чувствовать его, осознавать, что она не одна, что он, маленький, находится в ней, и что он живой... Каждый толчок был тому подтверждением, а потому приносил невероятную радость.

Только радоваться было рано: появились отеки на ногах и белок в моче.

Саша заставил лаборантов делать анализы при нем, ошибки не было.

И снова стационар, только уже в роддоме в отделении патологии беременности. Она почти ничего не ела кроме яблок и кефира, а вес прибавлялся. Почки выходили из-под контроля, но они тянули, потому что с каждым днем ребенок становился больше и сильнее. Саша приходил через день, он работал, дежурил в обычном режиме, то есть много, деньги-то нужны на все. А после родов их сколько понадобится...

Вера закрывала очередной больничный и брала дни за свой счет до следующего стационара. Клиентуры, естественно, не было, не до клиентов.

Олег навещал ее изредка, приносил сладости. По его личному мнению, сладкое улучшает работу мозга, а не способствует прибавлению лишнего веса. Он был все таким же оптимистом и весельчаком. После его визитов хотелось жить, и жизнь казалась прекрасной.

Но хорошее настроение на следующий же день исчезало, потому что ноги выглядели, как подушки.

Но каждый прожитый день приближал к заветной цели.

===== Сын =====

Веру отпустили на неделю домой. Просто отдохнуть перед плановым кесаревым. Привести в порядок расшатанные нервы от постоянного нахождения в стационаре.

Это был кайф. Она с таким удовольствием для начала нажарила картошки и съела столько, сколько хотела. Наелась и устала. Пустяковая нагрузка показалась невероятно большой.

«Как же я с ребенком буду?» — мысль пришла и не порадовала, но зато появилась следующая: — «Главное, чтобы с малышом все было хорошо. Справлюсь».

Приготовила ужин. Саша весь вечер улыбался и казался невероятно счастливым, а у нее на коленях лежала собачья морда.

Как все-таки хорошо дома. И уходить совсем не хочется, хорошо, что ненадолго. Вернется она домой скоро совсем и не одна, а с сыном.

Дома она пробыла всего пару дней, ноги отекали так, что булькали внутри. Саша позвонил главврачу и повез Веру в роддом.

— Саш, кто кесарить будет?

— Завкафедрой усовершенствования врачей.

— Может, кто попроще, кто делает это каждый день.

— Вера, он хороший врач и был хорошим хирургом.

— Только вопрос — когда?

— Что за настроение? Прекращай, соберись и с улыбкой навстречу мечте.

— Ты со мной останешься?

— Ты с ума сошла?!

Она чуть не заплакала.

— На кесарево приду, в реанимацию тоже. Успокойся, Вера, это уже капризы. Давай с юмором и вперед.

В смотровую его не пустили. Медсестра заполняла историю. Фамилию, имя, отчество, место работы и т. д. Вера говорила аббревиатуры, старалась не расшифровывать.

— Болезнь Боткина? — продолжала спрашивать сестра.

— Отрицаю.

— Гепатиты вирусные?

— Привита.

— Вензаболевания?

— Тесный длительный контакт.

— Вы издеваетесь?

— Правду говорю.

Из-за ширмы вышла здоровая тетка, которая заливалась смехом.

— Гуля, место работы прочти, это же доктор-венеролог перед тобой.

— Ну так бы и сказали, а то пугаете прям.

— Да не пугаю, вы еще группу риска по СПИДу укажите.

Эта тетка посмотрела на нее и произнесла:

— Чего самой-то не рожать, ребеночек маленький. Но кесарево, так кесарево.

— Он сроку не соответствует? — переполошилась Вера.

— Первый, что ли?

— Да.

— Не волнуйся, все рожают.

Но Вера волновалась, ее все раздражало, все не нравилось: ни отношение, ни еда, ничего. Как будто она не лежала в этом роддоме на сохранении предыдущие три месяца. Как будто все тут подменили, и врачей поменяли.

Теперь после кесарева она только вспомнила об этом: как вынашивала, как все время практически лежала в стационаре. Семь месяцев из всего срока. Как отчаивалась и собиралась с силами. И вот несколько часов назад на свет появился сын.

Она еще не видела его, Саша пошел в детское, ему покажут ребенка. А ей его дадут

позже, когда будет можно.

Остается только ждать. Снова ждать... А она так устала, устала от вечного ожидания и вечной неизвестности.

Но она справилась. Теперь у нее есть сын. У них есть сын. Потому что Саша был рядом все время. И он верил в успех так же, как и она. Что бы она без него делала? Как бы жила?

А еще сердилась на него периодически... Зря сердилась. Он ее человек!

Невольно вспомнила их знакомство. Осуждение окружающих... Мама просто из себя выходила, бабушка... Ой, лучше не вспоминать. А его мама. С каким презрением она смотрела на Веру, когда они встретились впервые...

Все давно позади. Теперь их трое. Он, она и их сын. Как его назвать? Почему-то только сейчас задумалась об этом.

Интересно, а Саша задумался, как назвать сына.

— О, ты совсем проснулась! — Саша вошел в палату реанимации. — Я тут был все время.

— Я знаю, нет, не видела, но знаю. Мне было спокойно, значит, ты был тут. Ты сына видел?

— Конечно. Страшный, как смертный грех. Но ничего, кости есть, а мясо наростим.

— Почему страшный? — она испугалась.

— Худой, кожа сморщенная на косточках, и пальцы длинные, как у паука.

Он посмотрел на свои руки и расхохотался.

— Ничего, Верочка, он личиком на тебя похож, а значит, красивым будет, ты ж у меня красивая. Короче, еще один гинеколог родился.

Прошло несколько дней. Ребенок был с ней в палате, она сама ухаживала за ним. Все-все сама. Только сосал он плохо и худел...

— Скажите мне на милость, каким это образом доношенный ребенок пятый день теряет в весе?

Вера аж подскочила на кровати, услышав громовой голос собственного мужа, раздающийся откуда-то из коридора.

Она сама позвонила ему в отделение на дежурство ночью, с телефона постовой сестры. Сын все худел, он уже весил два сто. Потерял больше чем шестьсот грамм. А педиатры ни в одном глазу: «Кормите, мамочка, он поправится». Но она же все понимает — не поправится, есть ему нечего. А они в один голос: «По современной методике...». Вот и позвонила Саше со слезами в голосе. Сообщила, что все плохо, что шов болит и не заживает, ребенок худеет. И под конец разговора просто взвыла: «Забери меня домой!».

Он обещался быть утром, как только смену сдаст. И точно...

Она задремала совсем недавно около восьми, а так всю ночь пыталась кормить сына, а он не сосет, и не сцеживается ничего, и грудь твердая как камень. Что она только не делает, и лечь она не может, потому что потом встать тяжело. Шов болит все больше и больше.

Хотела посмотреть, что там на перевязке, не дали, типа не ее это дело. Ага, живот ее, шов ее, а посмотреть не ее. Только терпеть — ее дело.

Еще врачиха палатная ей высказала, типа нежная какая. Все терпят и молчат. Только почему-то при этом заявила, что о выписке и мечтать не приходится с таким швом и таким ребенком.

Проревела Вера до вечера, а потом втихаря за денежку позвонила на работу мужу.

И вот результат.

— Александр Александрович, не шумите, сейчас мы разберемся и все выясним. Можно же тихо решить все проблемы. Ну что же Вы так.

Буквально через несколько минут ее пригласили на перевязку, народу в перевязочной — не пройти...

Что там у нее со швом, она поняла по выражению глаз собственного мужа, хотя он не произнес ни слова.

Она вернулась в палату и снова попыталась сцеживать молоко. Только почему-то сразу появилась медсестра и напоила ребенка смесью из мензурки. Вера поставила его столбиком, а он так и уснул.

Вскоре пришел Саша. По его виду она понимала, насколько он взбешен.

— Я написал расписку и забираю тебя с ребенком под собственную ответственность. Все будет хорошо, Верочка. Ты мне веришь?

Она только кивнула. Потому что верила, ему точно верила, всегда.

Он взял на руки спящего сына, подмигнул ему и произнес так, как будто тот его слышал и понимал:

— Дома мы тебя откормим, правда, Даня.

Вот так у сына появилось имя, а с именем пришла и его новая жизнь. Да, он был искусственником. Да, он разбирался в молоке, которое ему давали, они сменили не одну корову, пока нашли то молоко, которое ему нравилось. Ездили в близлежащие села в поисках тех самых коров. Но ребенок пошел на поправку, а через несколько месяцев у родителей отваливались руки и спины носить его.

Вера с ума сходила по сыну, она готова была для него на все, а он, совсем еще крохотный, вил из матери веревки. Но отец с ним обращался совсем по-другому. Он всегда серьезно с ним говорил, просто очень серьезно, как со взрослым, и малыш очень внимательно его слушал.

===== Ревность =====

— Вера, тебя к телефону. Давай быстрее, а, — Саша стоял уже у выхода из квартиры, когда раздался звонок и мужской голос пригласил Веру.

Клиент, — подумал Саша, но беспокойство не покидало. Он не первый и не последний. Саша даже различал их голоса и знал, как кого зовут. Но этого слышал впервые.

Вера с малышом на руках взяла из его рук трубку. Услышав голос, она изменилась в лице.

Саша напрягся. Но делать было нечего. Он торопился на работу. Поцеловав жену и сына, закрыл за собой дверь. Обещал перезвонить с работы. Ему не понравилась ее реакция, но спрашивать глупо, оставаться в неведении — еще глупее. Потому что внутри завелся червь, и он точит, точит совершенно бессовестно его сознание, разжигает любопытство и вызывает беспокойство и раздражение. Он что только не передумал, пока дошел до работы: «Это может быть ее первый мужчина! Что ему надо? А если она уйдет? Ведь вполне возможно, он дорог ей, хотя звонок был ей неприятен. Любимому человеку с таким кислым лицом не радуются».

Вдруг он осознал, что жутко боится ее потерять, просто катастрофически. Потому, что любит... Нет, то, что он ее любит, он знал, но что настолько боится вмешательства в их мир, даже не догадывался. Он снова вернулся к вопросу, кто это может быть.

Он просто не мог работать.

Он задавал вопросы пациентке и не слышал ответы, переспрашивал. Но

сосредоточиться никак не мог. Впереди ночь, и что будет ночью? Хорошо, что день выдался спокойный. Он просто не может оперировать в таком состоянии. И главное — причины практически нет.

Какая причина? Жене кто-то позвонил. Сколько мужчин ей звонило, но он никогда не реагировал, а тут... Почему же так тошно?

Историю он кое-как заполнил и женщину осмотрел, написал. Скорых пока не было. Взял сигарету и вышел на улицу.

Не отпускало...

Саша ответил на чье-то приветствие и услышал детский плач, такой знакомый и родной. Поднял глаза, перед ним стояла Вера с коляской, а сын надрывался.

— Саш, он обкакался по дороге, — как-то виновато произнесла жена.

А его отпустило. Только смех пробрал.

— Пойдем мыть.

В приемном вымыли мальчишку и поменяли памперс. Он умолк и уснул на руках у отца.

— Что ты пришла, Вера?

— Ты такой смурной ушел. Я беспокоилась.

— Звонил кто?

— Вадим.

— Тот?

— Да, Саша тот. Но это не имеет никакого значения.

Он внимательно смотрел в ее глаза, но там ничего не было, что могло поддержать его беспокойство.

— Представляешь, он девушку ищет, просил помочь.

— А ты?

— Я спросила, какой диагноз предпочитает. Я из своих женщин выберу.

— Так и спросила?

— Так, а что мне надо было? Все-таки не зря моя мама его с лестницы спустила. Каждый день ее благодарю за это.

— И я тоже. Меня она же не спустила.

— От тебя порядочностью пахло.

— Врешь, Вера. От меня пахло сексом. Но она не спустила. И смолчала, я бы не смолчал, была бы ты моя дочь. А она смолчала и приняла меня, как родного. Может, и не совсем как родного, но приняла, и меня, и твой выбор.

— Она не ошиблась.

— Я знаю, что не ошиблась, — произнес он с нотками гордости в голосе. — Просто не пойму я вас, женщин. Всю свою сознательную жизнь с вами, женщинами, работаю, а все не пойму. Еще и женским доктором называюсь, а логику вашу никак не осилю. Так это логику, а интуицию и отсутствие логики с выводами — так вообще!

— Ты так волновался?

— Вот. Об этом я и говорю, Верочка. Я слова не сказал, просто на работу ушел, и все. А ты почувствовала и пришла. Почему пришла?

— Ведь ты ж так на меня глянул, что не могла я не прийти. Люблю я тебя, муж.

— Так и я тебя... Только как по темнякам домой пойдешь?

— Так и пойду, я же не одна, с мужчиной, однако.

— Это с каким?

— Да с сыном, Саша. Он же мужчина у нас.

Он снова взял сигарету, проводил их до угла улиц и долго смотрел вслед... Сигарету так и не поджег, Вера не любит, когда он курит...

А она вернулась домой, разогрела бутылочку, покормила сына и снова поблагодарила мысленно мать, что уберегла ее тогда от Вадима.

===== Быть или не быть =====

— Вера, надо поговорить, серьезно.

Саша ел, а она кормила ребенка.

— Говори.

— Это важно, надо принять очень важное для нас решение, для меня важное решение.

— Сашенька, что случилось?

— Мне предлагают работу. Там есть перспективы, там можно защититься, там будут деньги.

— А ночные дежурства?

— Редко. И спокойные. Я смогу быть с вами, смогу сам воспитывать сына, смогу любить тебя сколько захочу, мне на все хватит времени.

— Времени не хватит на все. Тебе предлагают работу, а не вечный оплачиваемый отпуск. И защититься — значит пахать и днем и ночью. Мне можешь не рассказывать. Что за работа?

— В центре репродуктологии. Вера, это деньги, большие деньги. Мы сможем ездить отдыхать, выбрать лучший платный сад для Даньки, ты вернешься к работе и продолжишь свою науку. Согласись, что все складывается?

— Саша, надо подумать.

— О чем думать?

— О том, что ты говоришь. Вроде хорошие такие слова, только мне в душе кажется, что ты сам себя уговариваешь, и как будто жертвуешь собой ради семьи. Чтобы Даньку в лучший садик, мне науку продолжить, а у тебя пустота в глазах. Ты хирург, а там что? Подсадки, терапия... Может, оно интересно, даже без может, интересно, конечно, но вот не совсем твое.

— Я терпеть не могу делать аборты, там их не будет.

— Куда денутся? Не все вынашивают, не все эмбрионы развиваются, как надо. Да дело не в этом, дело в тебе. Ты работаешь там, где тебе комфортно — на передовой, а репродуктология — глубокий тыл.

— Вера, это деньги и перспектива. Я решил.

— Ну, если решил...

— Ты против?

— Я против лучшего сада для сына? Издеваешься? Нет, Саша, я не против. Только я считаю, что это жертва, а жертвы мне не нравятся, особенно процесс жертвоприношения.

— Ты почему не ешь?

— Сын спит.

— Так положи в манеж, пусть там спит. Опять голодовку устраиваешь?

— У меня лишний вес.

— У тебя всегда был лишний вес, и что? Я не люблю, когда кости в меня впиваются.

— До костей мне надо скинуть килограмм двадцать.

— Совсем с ума сошла. Вера, у тебя такая конституция. Ешь давай.

Она знала, что спорить совершенно бесполезно, и положила себе в тарелку жаркое. Ела и внимательно смотрела за его выражением лица. А он думал, и его неудовольствие своими мыслями проявлялось в его глазах. Но он больше не произнес ни слова, а ему тоже дала ему время все взвесить и подумать.

Вера была против репродуктологии. И вовсе не потому, что она ей не нравилась. Нравилась, и была бы возможность, сама бы туда побежала. Так ее привлекала эта область медицины. Но Саше — нет, это не его. Вот ночные дежурства, экстренная гинекология — это его. Там адреналин, там самоутверждение, там спасение жизней, там соперничество с самим создателем за жизни и за души. Вот эта стихия его. А спокойствие — не его. Еще, не дай Бог, пить начнет.

Так они ни о чем и не разговаривали. Каждый переваривал информацию по отдельности. Нет, не для того, чтобы остаться при своем мнении, а чтобы завтра доказать свою правоту и принять совместное решение, потому что это решение будет влиять на их жизни.

Утром он ушел, а она заболела. Температура поднялась, знобит, горло болит. И Данька канючит, с рук не слезает. Напилась микстур и таблеток. Ребенка с собой в постель положила. А Саши нет и нет. Уже давно рабочий день закончился, а его все нет.

Наконец услышала звук поворачивающегося ключа. Но встать сил не было.

— Вераш, что случилось?

— Заболела, простыла.

— Данька?

— Все норм. Но он со мной. Что ты так поздно?

— У сотрудницы из терапии сын умер. Надо было соболезнование выразить. Женщина такая хорошая, а сын прям красавец на фото.

— Отчего? Молодой?

— Тридцать лет всего. Упал с двенадцатого этажа с балкона, а может, столкнули.

— Асан? — она села на кровати.

— Да. Господи, ты знала его?

— Мы дружили в институте. В одной группе учились. А Танька? Жива?

— Ты про его жену? Ты и ее знаешь? У нас она в токсикологии с передозом. Девочку сестра его забрала, говорит, давно уже. В музыкальную школу она ее водит. Верочка, вот я дурак.

Она рыдала, забыв про температуру, представить, что Асана больше нет, было просто невыносимо.

— Когда похороны? — спросила всхлипывая она.

— Завтра. Но я работаю, не пойду, все равно в закрытом гробу. Ты не пойдешь. Я итак, идиот, не понял. Там сокурсники были. Ерлан еще сказал: «Верке не говорите, она только родила». А я даже не сопоставил с тобой. Прости, родная.

— Да ты-то причем!

— Саша, страшно-то как... Он мне всегда все рассказывал, мы с ним всеми проблемами делились, а потом пути разошлись... Я осудила его, даже не его, а Таньку, и забыла за всеми своими проблемами и радостями, за своей жизнью, забыла я про друга и не видела, и не звонила, и не говорила, а теперь уже и не увижу, и не поговорю. Плохим я другом оказалась...

Он обнял ее и качал, как ребенка. Что мог сказать? Ничего. Не была она виновата в

судьбе Асана, а в его смерти так и по-прежнему. Но боль и чувство вины были неподдельными, и ничего с этим нельзя было поделать. Он был ее другом и даже мертвым оставался им. Она ничего не могла изменить, никто не мог...

Сыном он занимался сам, Вера лежала и плакала в подушку, а потом уснула. А он все думал, как ей сказать, что решил не уходить из скорой. Как объяснить, что любит свои дежурства и любит экстренную помощь. Что не сможет спокойно работать в тихом месте. Не сможет, и все, и никакая диссертация ему не нужна. Он практик, просто практик.

Думал о том, как все не вовремя и как ей это объяснить. Ведь видеть ее будет так же редко и ночевать с ней тоже редко. И зарплата меньше, намного меньше.

Так и не придумал, как же ей это все сказать, чтобы не казалось, что работу любит больше, чем ее.

Лег спать. Проснулся среди ночи, и снова думы.

— Саш, ты спишь? — раздался голос жены.

— Нет.

— Прости, что я так отреагировала.

— Да я понимаю. Мне говорить тебе не надо было. Он друг твой, и ребята вспоминали, что вы дружили. Я не понял, что они о тебе говорят, не понял, и все.

— Уже ничего не вернешь. Саш, не делай глупости, не уходи из скорой. Я подумала, взвесила. Переживем мы без тех денег. Я на работу пойду, заработаю. Скорая — это твое. Ты не сможешь жить иначе, а жертвы не нужны. Ты сам потом будешь нервничать, дергаться и все проклипать. Не надо себя ломать. Собой надо оставаться всегда.

А он улыбался. Какая же все-таки она у него умница.

===== Вопросы =====

Звонок в дверь. Вера глянула на часы. Для Саши немного рано. Но рабочий день окончен. Просто он задерживается всегда. Так хотелось, чтобы это был он.

За время своего сидения дома с малышом Вере казалось, что она одичала и даже разговаривать разучилась. А с кем ей было разговоры вести? С сыном — так он пока не говорил, только «мама», «папа» и «на». Причем «на» — это его. Он так просился на руки и просил игрушки, и печенье, и все, все, все. Все его желания умещались в одно единственное слово — НА. Так и жили. Оля иногда звонила по телефону. Она занималась ремонтом в квартире, но сама, потому что нанимать денег не было, а помочь было некому.

Но вернемся к звонку в двери. Сын успел первым и уже колотил ручками в дверь, ожидая отца. Вера взяла его на руки и открыла.

Женщину, стоящую перед ней, она узнала сразу, она ее очень хорошо разглядела в альбоме с первой свадьбы ее мужа.

— Добрый вечер! Александр Романов здесь живет?

— Да. Что Вы хотели? Его еще нет с работы.

— Поговорить хотела. Нам есть о чем поговорить.

Вера пригласила ее в дом. Она расположилась на диване. Вера с ней, принесла чай, поставила конфеты.

В комнате повисли тишина и напряжение. Обе женщины внимательно разглядывали друг друга. Они не были соперницами, хотя имели статус жен одного мужа. Только одна была его прошлым и уже не имела значения, а другая — настоящим и будущим, но они все равно искали что-то такое, что помогло бы ответить на главный вопрос, мучивший обеих: «Почему? Почему она?».

Время тянулось невероятно долго, каждая секунда, проведенная с этой женщиной, пульсировала в голове. Голова болела невероятно, так, как давно уже не болела.

— Вы давно вместе? — спросила пришедшая.

Вере даже по имени называть ее не хотелось.

— Пять лет. А что?

— Нет, ничего, а мы с ним даже года вместе не выдержали. Смотрю и удивляюсь. Ему всегда нравились модели — высокие, тонкие, яркие.

— Я не такая. Вы правы, но, видимо, во мне важна не внешность. У нас хорошая семья.

— Мужчин не поймешь. Я вот замуж выхожу, надеюсь, что тут все получится.

— Смотря насколько хотите, чтобы получилось. Но, дай Бог, конечно.

— Вера, как вы с ним уживаетесь, он невероятно властный, и он прав всегда, он ведь даже рот раскрыть не дает. Меня все это просто возмущало. Причем пока встречались, был просто золотой, а потом...

— Мне трудно сказать, мы не встречались.

Дурацкий разговор прервал звук поворачивающегося ключа в замке. Сын рванул в коридор. Вера за ним.

— Ух, а ты еще подросток. Я тебя целый день не видел, — он поднял мальчонку над головой, тот заливался смехом. — Вераш, что?

— Тут пришли к тебе.

Он вошел в комнату, хорошее настроение сразу улетучилось.

— Что хотела?

— Ты так рад меня видеть?

— Не рад, несколько не рад. И почему ты пришла сюда? Мы могли встретиться где-то еще. Деньги я перечисляю, что тебе нужно?

— Так беспокоишься о ней?

— Да, представь себе. Я не люблю, когда Вера волнуется, понимаешь, не люблю.

— Смотрю и поражаюсь. Она не в твоём вкусе, ты смеялся над такими, как она. Невысокая, полная...

— Замолчи!

— Ух ты! Ты можешь быть и таким? Даже не представляю.

— У тебя нет права оценивать мою жену.

— Ты способен на чувства?! Удивляюсь, поражаюсь. Она обронила, что вы не встречались.

— Нет, не встречались. Я ее увидел — такую расстроенную, злую, возмущенную. Она была готова порвать нас за свою больную, а та даже человеком не была, отброс общества, да и только. Но Вера была таким Человеком, которого хотелось украсть и никому никогда и не показывать. Вот я и украл только для себя. И ни на минуту даже не пожалел. А ты говоришь о вкусе и еще о чем. Оно не стоит того, чтобы говорить, я и убить за нее могу.

Она замолчала и долго смотрела в пол. А потом произнесла:

— Я совсем не знаю тебя, видимо, никогда не знала. Ладно, давай к делу.

Он обещал, что оформит с ней все бумаги, потом сопоставлял свой график работы с ее свободным временем.

Она ушла. они остались только своей семьей. Вера молчала, но он видел, что внутри нее идет диалог.

— Осуждаешь?

— Не знаю. Больше да, чем нет. Пытаюсь найти оправдание.

— Я вижу и понимаю. Но так будет лучше. Не осуждай, прими таким, как есть. Я не святой.

— Я знаю. Неужели у тебя нет к ней никаких чувств?

— К кому? К бывшей жене уже нет. Хотя были. Я в свое время Лиду ради нее бросил. Нет, конечно, я понимал, что Лида старше меня, и к тому же она не могла иметь детей, но то была не причина, причиной стала Галя. Это было сильное увлечение, вспыхнувшее как пожар, но так же быстро угасшее. Но за время пожара, сгорая страстью, мы успели наделать глупостей в виде ребенка. Она решила его рожать. Я же принял ее решение и обещал помогать. Я выполняю свое обещание.

— Я спрашивала про чувства к дочери, — Вера говорила раздраженно, и он ее понимал.

— Нет, я никогда не любил ее, потому что никогда не видел... Не надо на меня так смотреть, я уехал до ее рождения.

Он знал, что она не примет такого ответа. Не поймет, потому что мечтала об отце когда-то, о любви мечтала. А он не оправдал ее надежд. Его не случилось в ее жизни. Как и его, Саши, нет в жизни его дочери.

— А если она ждала... Ждала тебя, а ты не приходил...

Он притянул ее к себе и обнял, целовал мокрые от слез глаза, щеки и говорил:

— Меня ждала ты. И именно к тебе я не мог не прийти. Если бы я знал, что ты меня так сильно ждешь, то не делал бы глупости и не разменивался на других. Но я не знал, а понял, только когда увидел тебя там невероятно злоую, раздраженную и готовую убить нас с Николаевичем за свою больную сифилитичку. Увидел и понял, что мне нужна только ты.

— А если бы я не согласилась тогда с тобой? — она уже улыбалась, хотя слезы продолжали течь из глаз.

— Я бы тебя украл и все равно присвоил. Я был настроен очень-очень решительно. Правда-правда, Верочка!

— Но я же не в твоём вкусе, и вообще, у меня ни одного органа здорового нет, ты сам так говоришь.

— Вераш, а кто знает мой вкус кроме меня самого. Вкус, как и зрение, вещи субъективные. А ты так вкусно пахла тогда. И была совершенно потрясающей в своём праведном гневе... Красивая и живая, необыкновенно красивая. Так ты не рада, что я украл тебя для себя?

— Рада, Сашенька, если бы ты знал, как рада... — и слезы снова потекли по её щекам. — Ты же счастье мое. Сам назвался. Так ты и есть мое счастье. Только мое, понимаешь?!

===== День рождения. =====

— Верочка, давай за стол! Очень хочется кушать, пить за тебя, потом саму тебя. Я хочу праздновать твой праздник, в конце концов!

— Саш, ну еще чуток подождем. Оля обещалась. Она так давно у нас не была.

— Позвони ей, узнай, идет или не идет.

— Я ее приглашала, она сказала, что обязательно придет.

— Позвони, может, планы изменились.

Вера глянула на него так, что такое, как он предположил, и подумать нельзя, но все же набрала номер и услышала голос Сильвы Вартановны:

— Да, Верочка, поздравляю с днем рождения. Удачи тебе, счастья.

— Спасибо! А Оля где?

— Так она улетела вчера в Питер, там дела у нее. Вернется через неделю.

Вера поблагодарила маму подруги и совсем расстроенная подошла к столу.

— Садимся, Саша. Пить буду.

— Что налить?

— Водку.

— Что у Оли?

— Улетела в Питер.

— Зачем? — он был искренне удивлен.

— У нее там дела. Давай так, у меня день рождения, мне тридцать один. Давай пить, давай есть и говорить тосты. У меня есть ты и все, больше никого, так и не надо. Понимаешь? Только не предавай меня никогда, я не переживу...

— Я знаю. Так давай выпьем за...

Его слова прервал звонок в дверь. Саша подошел и открыл. Там была его мама.

— Отмечаете?

— Что?

— День рождения твоей жены, матери моего внука.

— Да, конечно, проходи, садись за стол.

Она прошла и села.

— Здравствуй, Верочка, что ж поздравляю. Нравишься ты мне или нет, но мы родственники, у нас мужчины общие.

— Спасибо, Наталья Викторовна, и за поздравление, и за то, что пришли.

— У меня другой семьи нет, только вы. Внук где?

— Спит, скоро встанет, как проснется, так мы точно услышим.

— Я вот тут подумала и решила, что хватит тебе дома сидеть, ребенку второй год пошел, надо на работу выходить. Я помогу, я Данечку к себе заберу. И иди работай, а то Саша так долго не протянет. Зарплату одну будете мне отдавать, на ребенка. Сами живите, жизни радуйтесь.

— Спасибо, но мы как-нибудь сами, — сказала Вера.

— Сами, значит? Пусть мой сын пашет, как проклятый, а ты будешь баклуши бить? Пока ходила внуком — не работала, все на Саше, а теперь села на шею и ножки свесила?!

Заплакал ребенок. Вера поднялась и ушла в другую комнату. Данька стоял в манеже и растирал ручками слезы на пухлых щечках.

— Мама, на, — он протянул к ней ручки. Вера взяла его. Ее окутало ощущение счастья, возвращаться за стол не хотелось, и она просто играла с ребенком.

— Ты ведешь себя совершенно неприлично, за стол возвращайся и подавай горячее, или у вас этим Саша занимается?

— Да, я сейчас.

Вера переодевала ребенка.

— Сейчас к бабушке нарядным пойдешь. Данечка, сынок, веди себя хорошо. Папа тебя покормит.

Она вернулась к столу и отдала сына отцу, а тот тут же влез к нему в тарелку руками и затянул в рот кусок картошки.

— Вы зачем такие бешеные деньги тратите на одежду ребенка, это ж как дорого все! Что, шить фланелевых рубашечек не можешь? Постирала с мыльцем под краном, и все, а то

удумали, король он у вас, что ли. И в ванну я заходила, ты купила стиральную машину-автомат? Какие деньги, и только чтобы лень в себе растить.

— Мама, хватит. Я подарил Вере автомат, чтобы разгрузить. Техника нужна для удобства, а мне жена не для того, чтобы пахала. Пришла поздравить — поздравляй. А в нашу жизнь не лезь. Мы к тебе за помощью еще ни разу не обратились. А для тебя — любой каприз. Так живи себе спокойно. Мой сын будет одет так, как нравится мне и Вере, моя жена будет делать все так, как устраивает нас обоих. Я буду работать, как посчитаю нужным, а она еще полгода просидит с ребенком, как и должна. Потом мы возьмем няню, но не потому, что Вере нужно зарабатывать, а потому, что Вере нужно защититься. Я все сказал. Твои советы носят лишь рекомендательный характер, мы сами решим прислушиваться к ним или нет.

— Саша, я жизнь прожила! Я знаю!

— Потому мой отец и сбежал, как только я школу окончил. Сказал, что меня он вырастил, теперь может начать жить. Так чего же ты хочешь? Повторения для меня своей жизни?

— Ты с ним общаешься?

— Да. Он пишет иногда, звонит редко на работу.

— Я зла вам не желаю. Еще раз повторяю: я люблю вас, вы — моя семья. И Данк люблю. Я жизнь прожила, мне виднее все то, что неправильно делаете, что деньги транжирите, что не экономите, я научить вас хочу.

— Наталья Викторовна, мы понимаем, и ценим, и прислушиваемся, просто выполняем не всегда. Потому что взрослые, потому что своему ребенку, наверно, тоже самое говорить будем, когда он вырастет.

— Ты бы хоть мамой меня называла. А то как чужая.

— Простите, не могу. Мама у меня одна, другой уже никогда не будет.

Они дружно попили чай с тортом, Саша проводил маму до остановки и отправил домой на такси.

Когда вернулся, Вера уже спала. А на завтра случился рабочий день...

===== Встречи и расставания =====

— Там я буду счастлива! Думать надо не только о себе, но и о детях. А сын получит образование и, вообще, это Россия. Жить надо на родине. Так что я уезжаю. Уже купила там квартиру, а тут продала. Осталось только собраться.

Вера смотрела на счастливое лицо подруги и улыбалась, хотя на душе скреблись кошки.

— А вы что себе думаете? Здесь будете жить?

— Нет, тоже думали, скорее всего, в Канаду или Америку.

Сама понимала, что врет, но очень хотелось, чтобы у Оли на сердце не осталось ни тени сожаления от расставания навсегда.

— Ну вот и молодцы, правильно, надо ехать.

— Да, конечно. Что ж ты на Новый год поехала квартиру покупать?

— Так Витька позвонил, он сразу после школы уехал, пригласил, помог квартиру найти.

Ты Витьку помнишь?

— Как мне Витьку не помнить?! Мы же все детство втроем. Помнишь, в дом играли, так Витька у нас папой был, а мы с тобой две мамы.

— Глупые были. Что тебе муж на день рождения подарил?

— Стиральную машину-автомат.

— И как?

— Стирает...

— Здорово, если получится, я в Питере тоже себе машину куплю. Дачу уже продала, жигуль папин тоже.

— Да, хорошо, конечно, молодец, что решилась, и удачи тебе. Интересно, мне Витка ни разу не звонил, как уехал, так все.

— Я сама удивилась, а позвонил, и закрутилось...

Они расстались.

Вера думала. Не нравился ей этот разговор, и то, что Оля уезжает, тоже не нравилось. Но что делать. Решение принято, квартира продана, даже контейнер отправлен с вещами, остались только люди и неоконченные дела.

А еще не нравилось то, что Вера узнала обо всем в последнюю очередь. Как будто она была самым ненужным человеком в Олиной жизни. Обида и боль заполняли душу. Они никогда не встретятся, никогда не поговорят, отныне они чужие люди. Совсем чужие.

Встретились буквально перед отъездом, вспоминали, плакали, как кусочек сердца отрывался, так тяжело было расставаться.

Но запомнилось не это, хотя это тоже. Запомнилось, как Вера искренне приглашала Олю приезжать к ней хоть иногда, и то, что услышала в ответ:

— Сюда?! В ЭТУ дыру?! Смеешься, что ли?! Да я лучше в Финляндию съезжу или в Европу... Нет, Верочка, ноги моей здесь больше не будет.

Вера смолчала, просто посмотрела на снежные холодные вершины гор, ставшие свидетелями ее потери единственной подруги.

А дома ее ждал сюрприз. Как только вошла в родной двор увидела мужчину, прислонившегося к заборчику палисадника.

— Девушка, милая, вы тут проживаете?

— Тут.

Он ей казался смутно знакомым, но нет, никогда она раньше не видела его. Просто он ей напоминал... Она посмеялась тому, что подумала, он напоминал ей собственного мужа. Такие же серые глаза, нет, не такие, но выражение — смешливый или насмехающийся взгляд — его, ну просто его, Сашин.

Следующая фраза незнакомца выбила почву у нее из-под ног:

— Эх, был бы я моложе лет на двадцать, украл бы такую красавицу, только для себя.

Она посмотрела ему в глаза, подумала немного и произнесла:

— Меня зовут Вера.

— Романов Александр Александрович.

Ее догадка подтвердилась, и она радостно улыбнувшись, произнесла:

— Пройдемте в дом, рада с Вами познакомиться.

— Так Вы?.. Моя сноха?

— Получается, да. А вот этот джигит — Ваш внук.

— Даня? Даниил!

— Он самый.

Они вошли в квартиру, пока Вера снимала верхнюю одежду малыша, Александр Александрович старший уютно уселся на диване.

— Ну что ж, расскажи, что слышала обо мне? — первым заговорил он.

— Ничего, практически ничего, Саше было семнадцать, когда Вы ушли. Но вы очень

похожи, даже не столько внешне, сколько манерами, поведением, даже слова говорите одинаковые.

Он улыбался. Потом усмехнулся и посадил на руки внука, а тот его не испугался вовсе, а принял как родного.

— Нет, Верочка. Ты немного ошибаешься. Саше было семнадцать, когда мы развелись с Натальей, а потом я уехал. Я работал в клинической больнице и преподавал на кафедре общей хирургии. Именно поэтому он выбрал гинекологию, а не хирургию. Мы шесть лет были вместе — все время, пока он учился. Не совсем вместе, но близко.

— У вас семья?

— Да. Я женат. У нее дети были маленькими тогда, они считают меня отцом.

— Кушать будете? Я сейчас разогрею Даньке обед, и Вам могу. А потом буду готовить ужин.

— Помочь? Да, перекушу. Смотрю я на тебя, Вера, и радуюсь.

— Чему?

— Вы — семья. Я вижу, я представляю, какие вы вместе. Я боялся, что найдет вторую мать. Мать — идеал для подражания, она святая всегда, какой бы ни была. Вот и Саша нашел в Гале вторую Наташу. Я говорил, но учатся на своих шишках, мать святая. Не подумай, я уважаю Наташу до сих пор. Мы были вместе двадцать лет, она подарила мне сына, я даже какое-то время был счастлив. Но ее слишком много, есть она, а потом все остальные. Она знала, как воспитывать ребенка, она умела все лучше всех, она обязательно права — всегда и везде. Только она. Меня не существовало рядом с ней, но я-то был.

— Вы позволяли ей быть той, кем она хотела быть.

— Да, позволял. Только дежурил бесконечно, а дома пил. А потом понял, что просто теряю человеческий облик. Пожалел себя и ушел. Спросишь, как же сын? А сын вырос и уехал учиться. А я подумал, что там буду с ним еще шесть лет. Только с ним, а не с Наташей.

— Вы же любили ее. И я не могу сказать, что моя свекровь плоха. Своеобразная — да. Но она любит и Сашу, и Данечку. Еще неизвестно, какой я сама свекровью буду. Я ведь тоже сына до сумасшествия люблю.

— Готовишь вкусно, молодец. Сашка тоже умеет. Любит готовить.

— Знаю, только пока я дома, готовлю сама. Мне не трудно.

— А Наташка красивая по молодости была, видная, гордая такая! — он говорил и улыбался, восхищался тем, что вспоминал.

Вера слушала его и нарезала мясо, а он чистил морковь да лук, и все так ладно, как будто всю жизнь вместе этим занимались.

А он все говорил и говорил: и про то, как они познакомились, и про то, как любил, а потом — как сын родился, а он вроде и в семье был, и уставал на работе, и отдыха хотелось, а Наташе все не то, да все не так. Вот и прошла жизнь, а под конец совсем врагами стали, смотреть друг на друга не могли. Только вот когда сломалось все — непонятно. Они же любили когда-то...

Его речь прервал звук поворачивающегося ключа в замке. Данька наперегонки с псом рванул к двери. Затем в прихожую вышла Вера.

— Веращ, привет! — Саша был немного возбужден. — Родная, отец должен подойти, он приехал, только спиртное не ставь.

— Он у нас, Саша, уже давно, мы плов приготовили.

Отец тоже появился в прихожей, Саша с Данькой на руках его обнял.

— Пап, прости, но я тебе не налью.

— Я не пью, сын. Давно уже. Зря беспокоишься, — он подмигнул растерянному Саше. — Семья у тебя хорошая! Я рад!

===== Отцы и дети =====

Они ели плов.

— Отец, я так и не понял, когда звонил тебе туда домой месяца три назад, то твоя жена сказала, что ты там больше не живешь и чтобы я ее не беспокоил. Объяснишь?

— Разошлись. Как дом достроил, так и не нужен стал. Она стерва, прям как мать твоя.

— А раньше ты не видел, кто она?

— А ты видел?

— Конечно. Я потому и старался к вам пореже приходить. Чувствовал, что не рада мне она.

— Почему не говорил?

— Ты утверждал, что любишь ее, что девчонки тебе ее, как родные. Зачем бы раздор в семью вносил?

— Может, я бы прислушался...

— Скорее возненавидел бы меня, а я не хотел тебя терять. Я же любил вас по отдельности. И тебя любил, и мать. Только не переносил вас вместе. Слова нормального от вас не услышишь, вы же как кошка с собакой жили. Одно хорошо, так собой были заняты, что меня и не замечали. Ни как я учусь вас не интересовало, ни с кем, где гуляю.

— Ты хорошо учился. Напраслину не говори, — Сан Саныч старший помолчал. — Ты прав, сын. Просрал я свою жизнь. Может, если бы я с Наташей иначе как-то, так и она другой бы была. А с Валентиной — на те же грабли. Я же пахал, как проклятый, пахал. Все заработать старался, чтобы... глупости, надо было себя ставить, а не пахать, как идиоту. А ей все мало! То к подружке сбегает, та ее накрутит, что того не сделал, картошку не почистил, полы не помыл. А я уставал, мне не до того было, а потом приду домой, а мне все, что с подружками обсуждалось, на голову льется. Только шум стоит. Так я по дороге домой в пивнушку зайду, пропущу стаканчик, потом больше, потом на спирт перешел. Я чуть себя не потерял... Думал, другой город, другая жизнь, другая женщина... Только грабли оказались те же.

— Я понял. Отец, ты где сейчас живешь?

— У одной женщины. Она меня приютила. Я не бомж. Пить бросил, не сам, конечно, закодировался, да торпеду подшил. Привык. Если сорвусь, она меня выгонит. Так и сказала. Обыкновенная с виду баба, а душа... Если бы сразу можно было бы души видеть! Понимаешь, не лицо, не фигуру, не там прелести всякие, а душу бы разглядеть... То знать можно было бы, запьешь с горя или счастливым будешь. Вот Галку ты быстро раскусил, стервь она.

— Не быстро, отец, поздно! Я о девчонке часто думаю. Да что толку-то. У меня к ней и чувств никаких нет, кроме жалости. Я не видел ее никогда. А вот документы когда подписывал об отказе от отцовских прав, защемило что-то. Ведь могло бы все иначе сложиться, и я бы ее знал, и она меня.

— Хорошая девчонка. Умненькая, да и вообще характером в тебя, тихая, вдумчивая.

— Ты откуда знаешь?

— Так она живет у меня. Мы с Машей ее семья теперь, а документы ты зря подписывал тогда. Не пригодились они.

Саша вопросительно смотрел на отца. А тот не поднимал на него глаз, ковырялся в тарелке.

— Закурить бы, — сказал Сан Саныч старший, — да смотрю, окурков у вас нигде нет, да и пепельниц тоже. Ты ж курил?!

— Вера не любит, вот и бросил, почти.

— Сейчас пепельницу принесу, — произнесла Вера, поднимаясь из-за стола.

Вернулась скоро, сообщив, что Данька так и уснул на полу в игрушках. Она его только в кроватку переложила. Пепельницу на стол поставила, да форточку открыла.

— Вы почему одного только родили? — спросил отец, обращаясь, к Вере.

— Вера ходит плохо... — начал Саша, но Вера перебила его, положив руку на плечо.

— Данька маленький, а мы сами. Помощи нет. Вот подрастет малость.

Саша улыбнулся и покачал головой.

— Так что там с девочкой? — он сгорал от нетерпения, и это чувствовалось.

— Галка как родила, так поняла, что ребенок — это серьезно, это не в куклы играть. Вот и загрустила, погулять-то хочется. Позвонила, попросила посидеть с внучкой. Увещевала, что вы хоть и разошлись, но внучка-то моя. Я пришел, чего бы не посидеть. Так вот и сидел периодически, так сидел, что она первым словом «Деда» сказала. А это тебе не хухры-мухры. Галке руки развязал, она рада, а мне смысл жизни. Вот так вот, сын.

— И молчал!!!

— А ты не спрашивал. Давай на меня бочку катить не будешь. Ты меня ни разу о дочери не спросил! — он повысил голос. — Я ничего плохого никому не делал! И не тебе меня судить, ты ее бросил, а я подобрал. Как бы мне плохо с Наташей ни было, я тебя вырастил. Только потом ушел, и то, из ее жизни, не из твоей. А ты решил отделаться деньгами.

— Осуждаешь?! — разговор пошел на повышенных тонах.

— Нет! Говорю, как вижу своими глазами, хотя, может, ты и прав. У тебя семья, женщина любимая. Видно, что любимая, и сын, которого еще поднимать и поднимать. Ты выбрал свою судьбу и стал счастливым, а я терпел и пил, и нет у меня другого счастья, как только внучка.

— Ты считаешь, что я смогу с этим жить?

— А как жил раньше?

— Она замуж вышла, говорила, что ее муж хочет удочерить девочку.

— Настю. У твоей дочери есть имя. Да, хотел, только не удочерил. Галя беременная, капризная, он уже и не рад, что женился. И пошло: «Настя принеси. Настя подай, Настя сделай». Только Насте всего девять лет. А потом потенциальный отчим на нее руку поднял. Галка ее тоже периодически поколачивала. Но так, типа воспитывала. А этот до синяков. Я вмешался. Не смог стерпеть. Так Галка в слезы и так разговор повела, что ты отказался, а им она тоже только лишний рот. Документы они не оформили, это придурок Галкин удочерять ее больше не хочет, вот я и забрал Настю к себе. Мы ей с Машей и как бабушка с дедом, и как отец с матерью.

— Так неправильно, отец.

— Знаю, а как правильно? Ты же умный, скажи.

— Кто такая Маша?

— Моя жена.

— Законная?

— Нет, это так важно?

— Важно, она воспитывает мою дочь!

— Ты себя слышишь?

— А ты себя? Ты вдруг всю эту информацию вывалил на мою голову, понимаешь, взял и вывалил.

— Ты при желании мог и раньше все узнать. Только желания не было.

— И как мне теперь жить?!

— Не знаю. Ты мальчик взрослый.

— Папа, у меня семья, сын. Понимаешь, сын. Любимый и единственный, я до сегодняшнего дня верил, что он у меня единственный. И как мне быть с Верой, я ее не оставлю, и если она уйдет, не переживу.

— Ты в истерику-то не впадай, и Веру не приплетай, никуда твоя Вера не денется. Она слушает, но не встречается, думает твоя Вера. И сына тоже не тронь. Я тебя ни к чему не обязываю и ни к чему не принуждаю. Просто сказал, как есть. Считаю, что ты знать должен. А дальше вы с женой поговорите, решите что-то. Вот что решите, то и будет. Я вам информацию сообщил, а дальше сами. Мы с Машей от внучки не отказываемся. Вырастим, выучим, в люди выведем. С тобой или без тебя — это уже другой разговор.

Саша курил одну за одной. Вера налила чай, поставила конфеты. Она так и промолчала весь вечер. Молча постелила свекру в большой комнате, молча переодевалась ко сну. Саша сидел на кровати.

— Я надеюсь, ты со мной еще не надумала разводиться?

— В процессе.

— Кто б сомневался! Может, ты меня выслушаешь? Может, поговорим?

— Да. Поговорим. Только ты меня выслушай для начала.

— Говори.

— Я беременна. Утром делала тест, две полоски.

— Ты совсем с ума сошла?! Вера, после кесарева еще не прошло даже полтора года! Это не срок, помощи нет, Данька на руках. А ты сообщаем, что беременна. О чем ты думала?!

— Я?! О чем я думала?! Ложись спать, разговора не получится. Завтра поговорим.

— Вы что, все сговорились?! Да что же это такое? Папаша явился с новостями. Тут ты еще. И что мне делать со всем этим?!

— Спать. Ложись и замолчи, ты Даньку разбудишь.

— Еще скажи, что будешь рожать...

— Буду. С тобой или без тебя.

Она легла в постель и завернулась в одеяло. Было жутко холодно, аж зубы стучали. А он лежал под своим одеялом, отвернувшись от нее, и судя по дыханию вовсе даже не спал.

Потом встал и ушел на кухню. Через какое-то время Вера почувствовала запах табака.

===== Разговор =====

Вера лежала и все еще мерзла. Мерзла явно на нервной почве. Но постепенно начинала мыслить логически. Она вдруг поняла, что сказала о своей беременности рано. Ну, ему это сейчас, как серпом по одному месту. На него и так столько свалилось. Что же она наделала? Что хотела показать? То, что она и их сын должны быть на первом месте? В принципе, она то и сказала, а он ушел... Недалеко, конечно, но ушел. Не обнял ее, как она ожидала, не обрадовался будущему ребенку, а просто ее во всем обвинил. В чем обвинил? Что она обманом забеременела? Так и мысли такой не было.

Забеременела через внутриматочную спираль, а ставил спираль он. Следовательно он и

виноват! Ой, опять ее мысли не в ту сторону пошли, и вообще, он в процессе участвовал ни чуть не меньше ее...

Только она зря все сказала, не в тот момент и не в то время.

Надо исправлять ситуацию. И его беспокойство по поводу дочери понять можно. Сама на него злилась, что он о дочери не думает, прямо как ее отец когда-то о ней. А она его ждала, все детство свое ждала.

Воспоминания накатили, и обиды всколыхнулись и поднялись, затопив кровью сердце. Она вспомнила, как тем летом, когда ей было-то всего пять лет от роду, Юрий Степанович вошел в этот самый двор и подозвал Витьку. Только Вера не знала, что он и есть Юрий Степанович, и воспринимала его сначала как совсем постороннего мужчину.

— Малец, конфеты хочешь?

Конечно, Витька хотел конфеты и душу был готов за них продать, будучи жутким сладкоежкой. А потом мужчина спросил, знает ли Витька Веру и в какой квартире та живет. А Вера была совсем рядом, и все видела, и слышала. Она на всю свою жизнь запомнила выражение лица того мужчины, когда он узнал, что она, Вера, и есть его дочь, которую он года три не видел.

Как она хотела, чтобы он бросился к ней, обнял бы, дочкой назвал, сказал бы, что скучал, что любит ее... Но он ничего этого не сделал. Просто стоял и смотрел, а потом произнес, как бы извиняясь:

— Прости, конфеты кончились. Отведи меня к твоей маме. Мне с ней поговорить надо. А потом ушел, поговорив с мамой. Совсем ушел из ее жизни...

А Саша в жизнь своей дочери и не входил никогда. А она ждет, Вера точно знала, что девочка ждет отца, тем более ей ни с матерью, ни с отчимом не повезло.

Вот Вере с мамой точно повезло, да и с бабушкой тоже. Ее, конечно, наказывали, и было больно и обидно, но они любили ее и никогда не отказывались. Никогда!

Получается, что тогда, в детстве, Вера все чувствовала гораздо глубже, гораздо острее и правильнее. А теперь она на полном серьезе пытается доказать, что она важнее для Саши, чем его дочь. Ох, как она не права!

Вылезла из-под одеяла, всунула ноги в тапки и в темноте пошла на кухню. Саша курил одну за одной и пил крепкий кофе.

— Саш, я... — и тут она разрыдалась.

— Ну что ты не спишь, Верочка? Прости засранца.

— Это ты меня прости, — сквозь всхлипывания произнесла она.

— Значит, две полоски?

— Две.

— Сколько раз повторила тест?

— Три.

— Через спираль? — он покачал головой. — Надо УЗИ сделать. Посмотреть имплантацию, а там уже решать.

— Что решать? Я прерывать не буду.

— Я понял — решать, удалять спираль сейчас или потом. Я рад. Просто... Да прости меня, идиота.

— Это ты меня прости. Нам решать что-то надо насчет Насти.

— Ты готова ее принять?

— Нет. Я буду честной. Я не готова. Была бы она малышкой, то тут без разговоров, а ей

десятый год.

— Верочка, я не любил дочь никогда, даже не думал о ней. За человека ее не считал, а за дочь тем более. Видишь, как все повернулось. Мы с Галей плохо жили. Еще до свадьбы было понятно, что мы разные, что кроме физического влечения ничего нет. Каждый скандал заканчивался сексом. Так и мирились. Это не семья. Пока учились — еще ничего, а как работать стал, так понял, что сделал глупость, женившись на ней. Интернатуру закончил и уехал. Теперь думаю, что она ребенком меня остановить пыталась. Но я не умел думать о других. Я был эгоистом, им и остался, только жизнь малость пообтесала. Я и отцом сильно не интересовался, обида на него была. Я его трезвым не видел почти. Жена его вторая видеть меня не хотела. Понимаешь, ни о ком, кроме себя, я не думал. Любить не умел, только потреблял. Все потреблял, все, что мне давали. Лида меня любила, а я пользовался. Мое слово — закон, она подчинялась. Даже если я не прав был на все сто. А мне все равно, прогибается, ну и слава Богу. А потом Галка появилась, и я Лиду бросил, без сожалений бросил. Но больше всего я виноват перед дочерью. Потому что ее как бы и не было. В моей жизни не было. Я сейчас твои слова вспомнил, помнишь, ты говорила, что она меня ждет и любит по определению, потому что я отец ей. Вот и ждет, как ты своего ждала. И перед тобой виноват... Очень виноват... Видишь, с кем ты живешь, Верочка.

— Это ты меня прости, я знаю, с кем я живу, с отцом моих детей живу, и люблю я тебя, Саша. Просто сработало во мне что-то, нехорошее сработало. Я вдруг решила, что ты должен быть только мой, и Данькин, и его, — она рукой показала на живот. — Ты мой муж, но не моя собственность. Мой эгоизм полез с невероятной силой. Я не должна была. И я понимаю, как она ждет, она ребенок совсем. Только делить тебя с ней не готова. Прости... Я умом понимаю, что не права, а вот душой...

— Дурочка ты моя. Неповторимая моя. Как хорошо, что моя. Никто не заставляет нас принимать прямо сейчас какое-то решение. Можно подумать.

— Нет, Сашенька, некогда думать, помни, что она ждет тебя и любит, даже если будет утверждать обратное...

— Я тебя понял. Спать не хочешь? — он говорил так ласково и нежно, что Вере ни на секундочку даже не хотелось расставаться с ним. А потому спать точно не хотелось.

— Я сегодня только на работе об отцовской любви думал, в принципе, я преступление совершил, но не мог иначе. Ты знаешь, вот иногда стоишь перед выбором, на одной стороне закон, а на другой — собственная совесть и человеческая жизнь. И почему-то человеческая жизнь перевешивает.

Она уже улыбалась и смотрела на него с восхищением.

— Что там случилось у тебя опять?

— Девочку привезли с болями внизу живота. Девочке четырнадцать, она мусульманка. Сопровождающие меня просто вырубил. Мать рыдает, все как положено. Отец злой. И жених с отцом. Жениху двадцать один. Говорят, что калым заплатили. Осматривать мне позволяют только в их присутствии. Я их выгнал, конечно, разговариваю с девочкой в присутствии ее матери и медсестры. Выясняю, что месячных у нее еще ни разу не было, а боли месяц назад были, но она отлежалась и прошло. Но так сильно не болело, а тут до потери сознания. Я ее на кресло, а там...

— Порок развития половых органов. Атрезия девственной плевы. Гематокольпос¹, гематометра².

— Абсолютно права. Я говорю матери, что дело пустяковое, рассекаем девственную

плеву и через пару дней пусть забирают домой. Ан нет. Нужно разрешение отца. Ты думаешь, он его дал, это разрешение? Нет, не дал. Его позор волновал больше, чем жизнь дочери. Пусть умирает, но чистой. Вот, что он мне сказал.

Вера во все глаза смотрела на мужа.

— И что ты сделал?

— Говорил долго, убеждал, объяснял. А он мне в живот врезал и ушел, сказал, с милицией вернется. Said, что его дочь и это не мое дело. Много чего он мне говорил. Я пошел к жениху. Объяснил, что это вмешательство спасет ей жизнь и нет, никакого криминала нет. А он видел ее пару раз, невесту эту. Короче, сплошная тупость и невежество! Я пошел к главврачу и написал объяснительную и заявление на проведение операции по жизненным показаниям. Вот и провел ее в присутствии главврача, замов по хирургии и по гинекологии. Знаешь, что меня спасло? Они же меня толпой на улице ждали. Это жених со своим отцом подошли, мне руку пожали и поблагодарили за невестку. Said, сами ее заберут сразу к себе, а мулла их поженит.

— Господи! Как это достало. В первый год работы, меня украсть решил брат моего пациента. И знаешь, что меня спасло? Даулет сказал, что меня уже украл, что я его токал — она усмехнулась.

— Так вот я к чему это тебе рассказал.

— Боишься, что приносишь свою дочь в жертву?

— Да.

— Саша, я думаю, тебе поехать туда надо и все увидеть своими глазами, и там ты сам поймешь, где правда и в чем правда. Поговоришь с Галей, с Машей этой отцовской. Встретишься с Настей. А потом привезешь ее, а там видно будет.

— Ты же не готова ее принять?

— А ты готов?

— Нет, Верочка, не готов, но ты права. Я должен поехать.

Комментарий к Разговор ¹ Гематокольпос — скопление крови во влагалище.

² Гематометра — скопление крови в полости матки.

===== Свекровь =====

Дни ожидания тянулись невероятно тяжело. Вот уже неделя, как Саша уехал. Уехал вместе с отцом. И начались мучительные ночи тоски и раздумий.

Конечно, он звонил каждый день, но что там происходит, не говорил, или почти не говорил, только спрашивал, как она себя чувствует и не забывает ли пить таблетки.

Как же забудешь тут! От этих таблеток зависит жизнь ее ребенка. Самочувствие тоже желало лучшего. Тошнило и от беременности, и от таблеток. Даньку на руки брать ей запретили, но как же быть, когда просится, ему же невдомек, что родители еще одного сообразили, а мама у него... такая, что нормально выносить ребенка и родить самостоятельно никак не может.

А еще сильно угнетало одиночество. Она настолько привыкла быть при Саше, что практически срослась с ним, что перестала ощущать себя самостоятельной единицей, что на любое действие ей оказывается требуется его одобрение, даже молчаливое, даже в виде простого кивка головы или почти ничего не значащего «угу». А теперь без этого «угу» все валилось из рук. Все было не так.

Начались боли и тяжесть в пояснице. И никто не успокоит, и никто ничего не сделает и не посоветует. Позвонила в отделение, а Ленка уволилась и уехала. А все там чужие, даже

заведующий новый. Саше предлагали место заведующего, но он отказался, сославшись, что бумажная работа не его стезя. Вот не его, и все. Он, видите ли, только руками работать может. Где же эти его руки сейчас, когда так нужны ей! Боже, вот совсем она никто без него. А еще рыпалась куда-то. Куда? Зачем? Сидеть надо тихо и наслаждаться тем, что при муже и он может решения принимать. Сама-то не способна.

И Оля уехала, совсем уехала... И уже никогда... Все уже никогда, все, что связано с Олей, — все никогда... Никогда не встретятся, никогда не поговорят, никогда не поплачут друг другу в плечо, никогда не пройдутся вместе по магазинам, никогда не обсудят наряды, никогда не покритикуют мужчин. Все, кончилось, все абсолютно, что их связывало. Они как бы умерли друг для друга, оставшись только в воспоминаниях...

А еще мысли о девочке. Как она будет с ней, сможет ли полюбить так же, как Данилку своего любит. Ведь иначе никак нельзя, иначе неправильно. Ребенок будет чувствовать, что нелюбим, нет, не нелюбим, а недостаточно любим, и как сможет стать полноценным человеком, если ее любят немножко не так.

Вот проблема, так проблема, и решить ее никак не получается. Ведь сердцу-то не прикажешь, а оно все не слушается, все никак не соглашается впустить туда ребенка, чужого ребенка. Большого ребенка, который все видит и все понимает.

Это было слишком мучительное ожидание. И даже втайне Вера надеялась, что там все совсем не так, как преподнес свекр, и Саша вернется один, и будут они жить по-старому, как будто и не было никогда никакой Насти.

Но потом Вера сама себя отдергивала за такие мысли, понимая, насколько они эгоистичны.

И вот на исходе второй недели ожидания к ней в гости пожаловала свекровь.

Вера не готовила, просто не хотелось. Отварила картошку и открыла консервы — кильку в томате. И не потому что там почему-то. А просто потому, что организм требовал кильку, с головами и глазами. А не шпроты и не сайру. Наталья Викторовна уселась за стол и скривилась:

— Это что? Чтоб ты последний раз свекровь такой гадостью встречала. Не хочешь, чтобы я приходила? Так я не к тебе прихожу, а к внуку. Внук мой, между прочим, и приготовишь в следующий раз все как положено. Я к вам не так часто заглядываю, а огурцы почему покупные? Что, ума не хватает закрыть самой, или руки не из того места выросли?

И тут Веру накрыло. Вдоволь наобнимавшись с унитазом, она появилась пред очи свекрови.

— Ты что, беременная?

Вера лишь кивнула в ответ.

— Сдурели? На кой-оно вам? Одного поднимите. Может, еще не поздно избавиться?

Вера промолчала, моля Бога, чтобы бабушка уже нагостилась и отправилась восвояси.

— Я говорила с Сашей по поводу его дочери, — продолжала Наталья Викторовна, демонстрируя всю свою значимость. — И я решила. Ты сделаешь аборт. Саша сделает, какой бы срок ни был, а девочку я заберу себе, так что не волнуйся, вам она не помешает. Будете жить, как жили. Мне на ребенка, естественно, деньги давать будете. Я ее на пенсию не прокормлю. И там, ей же то трусики купить надо, то чулочки.

— Колготки, — Вера все-таки сорвалась, — теперь девочки носят колготки. И еще, делать мне аборт или нет, решать будете не Вы, а я. И Сашина дочь будет жить с нами. Мы своих детей никому не подкидываем и в советах по содержанию и воспитанию не

нуждаемся. Хотите видеть внуков — милости просим. Но в нашу жизнь лезть не советую. А то Вы еще, не дай Бог, мой характер увидите. А свою семью я защищать умею.

— Ух, ты как заговорила!

— Это я еще промолчала, так что и Вам советую промолчать.

— Ты думаешь, он жить с тобой будет, не ты первая, не ты последняя.

— Разберемся, с кем и когда он жить будет.

— Я ему все расскажу, как ты меня приняла в отсутствие мужа.

— Обязательно.

Когда за Натальей Викторовной закрылась дверь, Вера поняла, что приобрела еще одну проблему на свою голову.

Но, как ни странно, проблема со свекровью разрешилась сама собой через три дня. Наталья Викторовна пришла к Вере с пирожками с капустой. Очень вкусными пирожками, просто замечательными пирожками.

— Вот напекла, чтобы ты, дуреха беременная, килькой глазастой не питалась, да Данечку гадостью всякой не кормила.

А Данечка влез на руки к бабушке и играл там с плюшевым медведем. А она прижимала его к себе и целовала белокурую кудрявую шевелюру внука.

— Ты, Вера, не сердись на меня. Я люблю вас, как умею. Может, не так, как оно вам нравится, но люблю. Даньку — так вообще, я все соседкам про него рассказываю, какой он чудный. Сашу-то они все знают. А сын у меня — любая мать бы гордилась. И я горжусь. Замечательный у меня сын: и порядочный, и не алкаш. Как я с отцом его намаялась. Ты и представить себе не можешь. Каждый день либо на дежурстве, либо пьяный. Я его как мужчину не воспринимала и удовольствия никогда никакого не испытывала. Мне соседки говорили: «Ната, у тебя такой муж, ух, какой у тебя муж ядреный. Никогда такого мужчину не встречала». А я никак. Может, потому, что слова их всегда вспоминала о том, какой у меня муж. Они-то лучше знали и чувствовали лучше. Только готовила и стирала ему я, а не они. И с пьянством его бороться пыталась, а они наливали. Чтоб мужику чужому не налить! Я его любила поначалу, Сашеньку родила, думала, счастье... Сын-то и взаправду счастье, а своя жизнь вся под откос. Я ненавидела его потом, мужа в смысле. Люто ненавидела. Как гляну на его пьяную рожу, так чувствую — убила бы. Я ему в борщ пурген подсыпала, чтобы думал, что от водки ему плохо. А не помогало. Пил все равно. Я даже перестала видеть, что мужик-то он красивый: рожа да и рожа. А как Саша вырос и в Томск собрался, так прогнала мужа. И ты знаешь, мне так хорошо стало. Свободно. И дышать ночами можно: и воздух свежий, и перегаром не несет. Думаешь, меня мужчины не видели? Не ухаживали? Еще как замечали. Только моя свобода была ценнее их любви. Я свое отлюбила... Потом часто думала. Почему он? Почему за него пошла, других, что ли, не было? Поняла. Хирург, романтика, полубог. Вот каким его воспринимала, а он — алкаш. И что завязал — не верю, и что зря его вторая жена выгнала — тоже не верю. Не она плохая, а он еще тот подарок. Тебе хорошо, ты не знаешь, что такое с алкашом жить. Сын мой не такой. Повезло тебе с мужем, ты на него молиться должна.

— А я и молюсь, — с гордостью произнесла Вера.

Наталья Викторовна же продолжала:

— Вот внучек — копия Сашенька. Ты занимайся с ним, читай ему, чтобы умнел. Я со своим сыном, знаешь, сколько занималась, и учился он нам с Сашей на радость.

Вере стало смешно и грустно одновременно, сын был похож на нее, а вовсе не на мужа.

Но Наталья Викторовна видела так, как хотела видеть, и любила внука именно за то, что в нем разглядела продолжение себя. По большому счету она была просто несчастная баба, которая выживала как могла в такой своей непростой жизни и стала такой, какой стала. Ведь все имеет свои истоки и свое продолжение.

===== Настя =====

Они приехали совершенно неожиданно. Саша не предупредил жену о своем возвращении. Просто открыл двери своим ключом и вошел в дом, держа за руку девочку, такую маленькую по сравнению с ним, но очень похожую на него внешне.

Вера смотрела на них, выскочив из кухни с тарелкой в руке и полотенцем, которым вытирала тарелку. Ей почему-то вспомнилась Козетта из «Отверженных» Гюго.

Немая сцена затягивалась. Вера во все глаза смотрела на ребенка, а та с не меньшим любопытством разглядывала ее. На душе у Веры было необычайно спокойно, необычайно хорошо и светло.

Но каждый опытный врач знает: если все вдруг идет необычно гладко, то это не означает, что жизнь наконец-то наладилась. Просто провидение решило поразвлечься.

Вера была опытным врачом, и Сашины профессиональные данные тоже не вызывали сомнений. А потому оба продолжали молчать, боясь нарушить ту атмосферу, которая возникла в данный момент.

Молчание нарушила Настя:

— Здравствуйте, — произнесла она, — я теперь буду жить с папой, Вас я мамой называть не буду, мне мама так сказала.

— Я рада, что ты приехала, — почувствовав надвигающиеся проблемы, сказала Вера. — Не надо меня называть мамой. Я Вера, просто Вера, и давай на ты. Проходи, сейчас я тарелку на место поставлю.

Она вернулась в кухню и глубоко вздохнула. Нет. Нет простых решений. Трудности только начинаются. Вот как их пережить, как разрешить все возникающие вопросы, и как сохранить семью?!

Опять потянуло поясницу.

Данька вылез из манежа и побежал к отцу, он чуть не стукнул его новой машинкой и сообщил:

— Папа биби.

Саша вошел в кухню с Данькой на руках и обнял жену.

— Вераш, родная, все образуется, она хорошая девочка, мы уже привыкли друг к другу. И вы привыкнете.

— Да, Саша, конечно, привыкнем.

Почему-то совсем в это не верилось, но очень хотелось поддержать его. В голове промелькнула мысль, что жить без него она не сможет и не будет, а потом стало себя безумно жалко, и на глаза навернулись слезы.

А он смотрел на меняющееся выражение ее лица и улыбался.

— Вераш, ты смешная. Ведешь себя совсем по Фрейду. Ты же взрослая девочка, постарайся влезть в ее шкуру и понять. Не осуждать, а понять, а я ее буду воспитывать. Там поле непаханное. Но я не мог иначе!

— Понимаю, что не мог. Я буду стараться. Я для тебя что угодно сделаю...

— Вот и умница. Кормить нас будешь?

— Да, конечно.

И она стала быстренько накрывать на стол. Но грустные мысли не отпускали, а из комнаты доносился детский смех и Данечки, и Насти, да и Саша хохотал вместе с детьми.

И тут она влезла в ту самую шкуру. И поняла, что если бы попала в ситуацию, аналогичную Настиной, то и вела себя совсем точно так же. Вот отказалась же она свекровь называть мамой. И родной она ее совсем не считает, хотя она мать ее мужа, и по большому счету член ее семьи. А девочка видит ее впервые, и кто его знает, что там Галя про нее, Веру, наговорила. Не стала же она Веру расхваливать, судя по их встрече — точно не стала бы.

Так что же она творит? Неужели это ревность? Элементарная ревность к ребенку? Нет, она не Наталья Викторовна, и она не позволит этим чувствам поселиться в ее душе.

Никакой ревности. Только любовь и терпение. Вот что нужно, и тогда они смогут стать близкими людьми. Настя — ребенок, нуждающийся в любви. Вот и все. Все дети нуждаются в любви, и Настя особенно, потому что ее точно недолюбили, и теперь задача ее и Саши — дать ребенку то, чего она была лишена.

Вера все расставила на столе и поняла, что их кухня в пять с половиной квадратов безбожно мала, чтобы вместить четырех человек. Причем для одного стоял чудненький детский стульчик, занимающий добрую половину помещения.

Она прошла в комнату, откуда раздавался смех. Саша с детьми играл на полу, Настя прижималась к нему всем тельцем, а Данька вытанцовывал, смешно и неуклюже двигаясь. Над ним-то они и смеялись, а он тоже — просто за компанию и потому, что ему уделяли столько внимания.

— Ну, вставайте, ребята, кушать подано! — с улыбкой произнесла Вера. — Только сначала мыть руки всем.

— Слушаюсь, великая начальница! — Саша чмокнул ее в щечку.

— Вера, я столько не съем, — произнесла девочка, глядя в свою тарелку.

Вера поставила рядом чистую тарелку.

— Можешь себе отложить и есть столько, сколько захочешь.

Но Настя съела все.

Вот так случились первый контакт и первое взаимодействие. Это был плюс. Но за плюсом тут же последовал минус. Настя сказала, что ее мама велела ей звонить каждый раз, когда она будет недовольна Верой, а потому она просит папу написать ей номер телефона мамы с кодом города — так, чтобы можно было набрать номер в любой момент.

Вере стало больно. Просто больно, и все. Она так старалась, так хотела принять и полюбить эту девочку, а тут оказывается, что та маме своей жаловаться будет. Той самой маме, которая не задумываясь отправила дочь с совершенно незнакомым ей человеком на попечение совершенно чужой женщины, да еще просит звонить и жаловаться.

Саша смотрел ей в глаза и как будто читал мысли. Он улыбнулся и покачал головой, осуждая, понимая, что ушла не в том направлении. И она улыбнулась в ответ. Отпустило сразу как-то. Уже хорошо. Начинать общение с девочкой, ее воспитание да и просто взаимодействие надо с себя. Надо ставить цель и идти к ней неукоснительно, даже если шаг вперед, потом шаг назад. Только так, а иначе ничего не получится, и эгоизм свой засунуть надо в одно место, чуть пониже спины — убеждала себя Вера. «Умеешь же ты, — обратилась она к себе, — добиваться цели. Вот и добивайся. Помаленьку, потихоньку, маленькими шажками, но Настя должна стать родной тебе и ты должна стать родной Насте. Вперед, девочка», — закончила свою пламенную речь, обращенную к самой себе Вера.

После ужина все вместе рассказывали сказки, играли в театр, потом уложили Даньку

спать и договорились завтра с самого утра пойти в школу и определить Настю в класс, а потом съездить на барахолку и купить ей вещи.

— Я сама буду выбирать? — раздался ее восхищенный голос.

— Сама, но нам с Верой тоже должно нравиться, — резюмировал Саша.

Ей постелили в большой комнате на диване. Дали Данькиного зайца, пообещав купить любую игрушку на ее усмотрение, и она уснула.

Вера с Сашей тоже легли.

— Как ты тут без меня? — ласково спросил он.

— Плохо, я без тебя совсем не могу, представляешь, как калека прямо.

— А как он? — Саша положил руку на уже чуть выпирающий живот.

— Болит все. Я пью таблетки. Я... Мы справимся, да?

— Да. Мама звонила?

— Приходила, пирожков напекла, вкусных. Мы с Данькой два дня лопали.

— Мама?! Пирожков?! И принесла?! Чудо-то какое. Ну ладно. Веращ, Галя отдала мне дочь без разговоров. Муж у нее еще тот тип. Но его она слушает, вот и отдала, мне даже показалось, что от греха подальше. Понимаешь, не потому, что она плохая мать, а чтобы защитить Настю. Судя по синякам, что видны у Гали, он ее бьет. Но это их семья и их дело. Отец сказал половину правды. Они закодировались вместе с Машей. Сама понимаешь, как закодировались, так и раскодируются. Маша — сестра-хозяйка, была в хирургии. Там они и познакомились, спирт их союз скрепил. Его держат на работе, хотя он не подарок в связи со своим пристрастием к алкоголю. Он мне, конечно, обещал, что никогда больше пить не будет, но, Верочка, пойми, я не верю. Сказал, что будет приезжать к нам, я разрешил. Вот и все.

— Ты все сделал правильно. Мы справимся. Когда ты со мной, я такая сильная!

— Да, я понял, что когда меня нет, мама пирожки тебе носит. Верка, что ты не договариваешь?

— Все хорошо, просто по душам поговорили и поняли, что мы одна семья. Она и пришла с гостинцем.

Он только усмехнулся.

===== Как быть дальше =====

— Сан Саныч, Ваша мама звонила, раз шесть, наверное.

— Спасибо, — он просто глянул в сторону нового заведующего и прошел в ординаторскую.

Отношения не складывались, особенно после того, как он высказал новому начальнику все, что думает о нем прямо в операционной. Тот обиделся, но что с того, Саша считал, что был прав. Он всегда ставил жизнь пациентки выше каких-либо амбиций. Потом Саша взял отпуск, а вернулся к практически новому коллективу. Это не радовало. Нужно было искать работу. Но сейчас вовсе это все не к месту. Он нужен дома, а дом в двух кварталах. Удобно, слишком удобно, чем пилить куда-либо на общественном транспорте. И детский сад рядом, и школа, а главное дом.

Первым делом он снял трубку и набрал номер матери. Ждать пришлось долго, но наконец он услышал ее слабый голос:

— Сашенька, ну наконец-то.

А дальше раздалось всхлипывание.

— Мама, что случилось?

— Голова кружится, и давит в груди. Приедешь?

— Да, вызываю тебе скорую.

— Нет, сначала приедь.

Пришлось идти к заведующему и выслушивать, что его предыдущее начальство характеризовало как самого надежного сотрудника, а он то в отпуск, то отпрашивается. А дальше — что незаменимых людей нет, вон на улице Сейфулина сколько безработных стоит, выбирай не хочу.

Захотелось ему врезать, да так, чтобы почувствовал, но Саша сдержался, терпеливо объясняя, что матери плохо с сердцем, что нужно ехать туда.

Пока ехал на такси, думал. Пришел к выводу, что работу искать все-таки надо.

Открыл двери своими ключами. Наталья Викторовна лежала в кровати, и вид ее совсем не внушал оптимизма. Носогубный треугольник синий, одышка. Давление тоже было низким. В голове сидела одна мысль — инфаркт. Вызвал сразу кардиологическую бригаду, которая как по мановению волшебной палочки прибыла через пятнадцать минут.

ЭКГ Саша выхватил из рук удивленного врача, но инфаркта не было.

Наталья Викторовна, услышав, что ничего серьезного нет, сразу оживилась и собралась вставать с кровати. Скорая уехала.

— Сынок, кушать будешь?

— Чай попью с тобой вместе, потом давление замерю. Мама, что это было?

— Я тут на кухне возилась, и вдруг закололо, я таблеточку взяла, и потом все поехало и сдавило.

— Таблеточки дай.

Она дала. Таблетка была пролонгированного действия для понижения давления. Нет, Наталье Викторовне такого никто не выписывал.

— Где ты их взяла?

— Соседка, Майра Чингизовна отдала, у нее от мужа осталось. Саша, что ты делаешь, — она пыталась остановить сына спустившего таблетки в унитаз. — Саша, они дорогие.

— А если бы ты умерла? Сколько раз, я тебе говорил... — он безнадежно взмахнул рукой и замолчал.

— Беспокоишься?

Он продолжал молча смотреть на нее.

— Саша, я не хотела, я не знала, мне стало плохо, я разжевала таблетку.

— Я понял, давай прекратим этот разговор, и ты уже выпьешь сладкий чай.

— Расскажи, как вы там справляетесь?

— Нормально, мама, у нас все ничего, Настя учится, Вера дома. Данька растет. Слышь Вера рассказывала: идут они по улице, гуляют. Стоит мерседес крутой, черный. Данька ручку протягивает: «Би-би дать!». Вера ему говорит: «Сынок, это взрослая машина, это не для игры». А Данька ей: «Папи!».

Наталья Викторовна рассмеялась.

— Тесно вам там.

— Тесно. Мама, я вот поговорить с тобой хотел, может, поменяемся квартирами. Ты в нашу двушку, а мы сюда. Тут три комнаты.

Она помрачнела.

— Саша, одному человеку для нормальной жизни нужны именно три комнаты.

— Понял, не дурак. Проехали.

Домой шел пешком, хотелось подумать. Он имел право на часть материнской квартиры, но разве он его озвучит, он хотел как лучше. У Насти была бы своя комната, и у мальчишек своя. УЗИ показало мальчика. И больница тут через дорогу, можно было бы устроиться. Но одному человеку нужны именно три комнаты, а никак не две. А им вчетвером в двушке нормально, и еще один на подходе.

Было обидно, но пока шел, обида прошла, осталось просто чувство дискомфорта. Мать он не исправит, какая есть — такая есть. Но мать есть мать. Это он ей жизнью обязан, а она ему, взрослому детине, ничем не обязана.

Дома будет хорошо, дома тепло. И вовсе не потому, что топят батареи, топят плохо, а вот атмосфера теплая, приятная такая. В детстве и юности никогда домой идти не хотел, а теперь к Вере бежит. С ней и проблемы все рабочие на задний план отступают, хотя он даже не заикается о рабочих проблемах дома. Ей оно сейчас ненужно, еще месяц бы протянуть, а там легче будет. Может, пронесет в этот раз с отеками. Может, можно будет все скорректировать... Он подумал, что это в будущем, а жить надо сегодня и сейчас.

А сейчас надо дать понять Насте, насколько она им нужна. Вера старается, любит девочку, а та бука, все матери звонит, а Галя ревнует, сильно ревнует, настраивает Настю против Веры. Уже говорил он с ней, просил так не делать, а она твердит одно: «Моя дочь! И мать у нее одна будет!». А как существовать вместе? Живет-то она с ним, вернее с ними. И с ним отношения сложились, любит его дочь. И Даньку она просто обожает, а вот с Верой... Ему же жену жалко, он же чувствует ее, и мысли ее знает.

Вообще, он сам себе удивлялся. Вера была для него невероятно родной и близкой. Он не помнил их ссор, их не было. Было лишь понимание и взаимопонимание, а если этого не случалось, то стремление понять. Ему всегда было тепло с ней, душой тепло. Она единственная женщина, которую всегда хотелось видеть, которая не надоедала. Она была слабой с ним. Но никак не слабой по жизни. Он сам периодически нуждался в ее защите от душевных сквозняков.

Утро на работе опять не задалось. В ординаторской рыдала девочка-интерн. И это сразу как вошел. Переделся за дверью шкафа.

Она все плакала.

— Что у тебя? — спросил, пытаюсь проявить заботу. — Чай налить?

— Нет, Сан Саныч, она родила, а Куралай ребенка между окон положила. Он пиццал там. А потом затих, мне его не дали.

— Срок какой?

— Двадцать четыре недели, но он живой был!

— Они выживают? Ответь мне как своему наставнику: они выживают?

— Нет.

— Что тогда реवेशь? Оплакиваешь ребенка или неправильный выбор профессии?

— Но его так жалко, прямо очень. А Вам?

— Жалко, но такова жизнь.

В ординаторскую вошел заведующий.

— Сан Саныч, Вы только на свой карман работаете или всех лечите?

— Интересно хамская постановка вопроса, Юрий Семенович. Вы меня ловили на кармане?

— Нет, идите в приемный, там бомжиха с кровотечением.

Саша ухмыльнулся и пошел, взяв с собой интерна.

Мало не показалось: дама в алкогольном опьянении, со специфическим запахом, с кучей инфекций, фурункулезом и абортom. Но это не освобождает врачей от отказа в медицинской помощи. Примерно через час, после душа и в свежем больничном костюме Саша отчитывался перед заведующим.

— Мне трудно работать с Вами, Александр Александрович. Все хотят к Вам. Звезде местного масштаба.

— Я не уйду. Я понимаю, что Вы сменили практически весь штат отделения, но я не уйду. Не надейтесь. Я понимаю, что мы не сработаемся. У нас разные взгляды на жизнь и на профессию. Но мне тут удобно. И еще, если Вы еще раз позволите обвинить меня в том, в чем не уверены и не можете доказать, да еще при сотрудниках, то ответите за свои действия. Я обещаю.

Домой пришел совсем смурной, а Вера выпытала все. Рассказал, положил голову ей на плечо и полегчало. А она рассказывала, как по скорой ей привезли на дежурстве деда с сифилитической гангреной полового члена. И как она сколько ни думала, никак не могла высчитать дозу антибиотика с учетом его восьмидесяти семи лет так, чтобы и дед не умер от интоксикации при массовой гибели трепанем, и сифилис вылечить.

Саша представил и рассмеялся. Стало легче.

===== Вера =====

— Александр Александрович, прошло два месяца с того момента, как Вы решили, что мы не сработаемся. Но, как видите, мы оба здесь. Вы поменяли мнение? — Юрий Семенович налил кофе себе и Саше.

— Несколько. Вы знаете свое дело. У меня нет к Вам претензий в профессиональном плане. Спасибо за кофе.

— Уже легче. А как к заведующему у Вас нарекания есть?

— Нет. Все нормально.

— Значит, мы умеем ладить?

— В тех рамках, в которых мы оказались, — пожалуй да. К чему Вы все это?

— Хочу быть с Вами на ты и подружиться в конце концов.

— У меня семья.

Юрий Семенович рассмеялся.

— Я в курсе. Хирурги рассказали, она у них на практике была. Ваша супруга, еще в студенческие годы.

— Они до сих пор помнят?

— Да, говорят, забыть трудно. Познакомите?

— Так у Вас своя наличествует, моя Вам зачем?

— А Вы шутник. Я рад, что мы работаем вместе.

— Начальство не выбирают. Нет, нормально все. Я привык и к Вам, и к Вашим методам руководства, и к новому коллективу.

— Ну и слава богу! Так мы на ты?

— Хорошо, на ты. Только не при больных.

— Естественно!

С этого разговора началась другая жизнь и другие отношения. Заведующий сумел за личной неприязнью и оскорбленным самолюбием оценить Романова как врача и человека, то же самое сумел сделать Саша.

Нет, друзьями они не стали. В смысле на рыбалку вместе не хотелось, но в коллективе

их уважали, с их мнением считались. Коллектив еще полностью не сформировался, но костяк уже был. Саша понимал, что каждый заведующий создает коллектив, с которым ему удобно работать, то есть под себя. Чтобы сор из избы не выносили, чтобы работать было легко. А построение чего-то нового — всегда болезненный процесс.

Саша был из старых, с характером и своими принципами, такого под себя не подомнешь. Но он тем не менее с головой и с руками и с именем. К нему шли пациентки, его знали, о нем говорили. И Юрий Семенович разглядел в нем неплохого мужика, с которым в принципе и в разведку не страшно. Будучи человеком умным, он приглушил свои амбиции и наладил мир с Сашей. Теперь работать стало легче, а главное, надежнее. Саша в спину нож не воткнет, правда, в лицо все выскажет, но порядок и субординацию уважает.

А еще с Сашей можно посоветоваться, а иногда это очень даже важно! Вот Юрий Семенович и решил немного прогнаться перед старым сотрудником. Одного он только понять никак не мог: почему Романов от заведования отказался.

Была обычная ночь, вернее, вечер уже плавно перетек в ночь. Саша вышел из операционной и глянул на время. Поздно! Жене звонить поздно. Придется утром.

С Верой все было плохо. Начался фурункулез в ответ на преднизолон. Его загасили антибиотиками. Это вредно для ребенка, но что теперь делать. Живот как камень, а она пьет но-шпу в невероятных количествах. О прерывании речь не идет, она никогда и ни за что не пойдет на это. И безумно хочет родить. Что хочет он, он уже не знал.

В нем явно произошло разделение личности: на врача и мужа-отца. Врач мыслил трезво, в отличие от отца ребенка.

Настя привыкала. То есть привыкала только к Вере. Сашу она приняла сразу так, как будто ждала всю свою жизнь и наконец дождалась. А по словам Веры, действительно ждала. Он и не сомневался, ей лучше знать, что чувствует девочка в такой ситуации. Даньку Настя полюбила. Вмиг, как только увидела. Саша считал, что не любить его просто невозможно: веселый, доброжелательный кукленок, только начинавший говорить. И он полюбил Настю.

Все было почти хорошо. Настя все реже звонила матери, да и у той проблем столько, что выше крыши, ей не до Насти. Честно, оно радовало. Саша надеялся, что со временем Настя и Вера станут родными, и можно будет говорить об удочерении Верой девочки. Он очень надеялся на это.

Вот о чем он думал по дороге из операционной в ординаторскую.

Удивился тому, что заведующий был еще на работе. Кстати, отдельного кабинета заведующий не имел, только стол в общей ординаторской. Мест не хватало, кабинет переделали в палату.

— Закончил? — не поднимая глаз от истории спросил зав отделением.

— Да, все, больная в реанимации. Жалко, пошли на кисту, а там явно онкология. Убрали все, почистили. Но черт его знает, что дальше.

— Да уж.

— Сам что задержался?

— Больная тяжелая. Кровь лью. Замершая беременность семнадцать-восемнадцать недель, но замерла с неделю как минимум. А она на гормонах и но-шпу килограммами ела. Все имеет свой предел, началось кровотечение. Поступила по скорой, с ней двое детей, я их сестре-хозяйке отдал, напоили их успокоительным, спят. Заходил, смотрел. А сама женщина: «Сохраните, и все», — а у нее температура, интоксикация. А после выскабливания гипотония матки, вот еле справился, а то тоже бы все убрали. Жене позвонил, сказал, не

приду. Приличная женщина, и ребенка она этого хотела. Обменную карту забыла. Ну то понятно, стресс, дети, я только фамилию и имя узнал. Где теперь мне родственников искать, вот вопрос. Девочка большенькая, проснется, может, скажет.

— Да, дела. Она что, об угрозе не знала? — Саша возмутился, — но ведь ходят до последнего, и чего тянут, спрашивается? Придется ждать, что дочь скажет. А там прикинь, может, муж ее потерял. По моргам ищет.

— Если в скорую позвонит, по адресу найдут. Только я думаю, что дома его не было и нет, иначе бы уже тревогу поднял. Бедная Вера. Вот так живешь, думаешь, что все хорошо, а на самом то деле...

— Как ты сказал? Вера?

— Да, Вера Морозова, тридцать один год.

— Она жива? Где она? — Саша не слушал, выскочил из ординаторской и рванул по коридору в сторону процедурной.

— Саша! — она лежала под капельницей.

Он подошел, взял ее за руку, глянул на простынь всю в крови. Обычно это не трогало его, было в порядке вещей, всегда в таких случаях много крови. Но тут сердце сжалось.

— Саша, прости, я хотела его...

Из ее глаз текли слезы. Он осознавал, что она даже еще не понимает, что он тут рядом, еще действуют лекарства, и наркоз не отошел. Но душу рвали ее слова. А главное, он ощущал полное бессилие. Слава Богу, она еще не понимает всего, хуже будет, когда поймет. Сейчас работает только подсознание. Но подсознание работает туда, в сторону утраты. Но она заговорила о детях, больше о Насте. Она просила не отдавать ее Гале. Взгляд был устремлен в никуда, но она говорила с ним, с Сашей. Нет, не с реальным, который находился рядом, а с воображаемым, но говорила то, что хотела сказать и молчала. А он слушал и еле сдерживал подступившие слезы. Ведь мужчины не плачут, скорее инфаркт зарабатывают, но не плачут.

— Александр Александрович, что ж Вы реагируете так, все бредят. Кому я это говорю. Она Вам кто? И Саша это, конечно, не к Вам, может, мужа ее так зовут. А вообще жалко ее. Она действительно ребенка хотела... Не то что некоторые.

Саше стало почему-то легче. Он сам не понял, но произнес:

— Родит еще. Главное, что все обошлось. Могло быть хуже.

В процедурной появился Юрий Семенович. Он откинул одеяло и надавил на живот Вере. Снова потекла кровь.

— Видишь, Саша, в норме все. Ты тут с ней останься, я поработаю. Только скажи, ты что, не видел, сколько она лекарств пила? — пожал плечами и продолжил: — Откуда? Конечно, не видел, ты же тут, а она дома одна. Вернее с детьми. Антибиотики назначим, колоть будешь. Я отгулы тебе дам. Забирай ее домой утром, если что — вернешь. Да, еще, бери няню, и пусть выходит на работу. Ей полезней на людях и при деле. Сейчас пусть восстановится немного и на работу.

===== Точка опоры =====

— Вера!

— Да, Настюша, — Вера чистила картошку.

— Вера, тебе больно? — Настя пристроилась на табуретке у окна.

— Нет, детка, уже не больно. Физически не больно. Испугалась? Да?

— Да, очень. Я так боялась, что ты умрешь... — девочка заплакала.

— Я не умерла, я буду с вами. Ты рада? — Вера отложила картошку и обняла ребенка.

— Очень рада, ты жива, и я смогу назвать тебя мамой. Я люблю тебя. Ты хочешь, чтобы я называла тебя мамой?

— Честно? Очень хочу, но у тебя есть мама.

— Хочу, чтобы было две. Ты будешь мама Вера.

— Хорошо, я буду мама Вера, только не плачь, пожалуйста.

— А ты не умирай...

— Договорились.

— Можно я не поеду к маме Гале на лето?

— С папой решай и с мамой Галей. Неужели не соскучилась?

— Нет, я уже по Даньке скучаю, а еще и не уезжала. Мне тут лучше.

— Настюш, я только за, чтобы ты осталась. Но этот вопрос решаю не я.

— Ты скажи папе, он тебя послушает. Он тебя любит.

Разговор был прерван приходом Саши. Встречать его кинулись все. Данька тут же устроился у него на руках, а Настя обняла за талию. Вера смотрела, прислонившись к стенке, и улыбалась. Он тоже улыбался глядя на нее.

— И как вы тут без меня жили, — спросил Саша, прижимая к себе дочь.

— Скучали, папа, — ответила она. — Все скучали и я, и Данюсик, и мама Вера.

Саша многозначительно кивнул головой, услышав это «мама Вера»

— И еще, — девочка сразу решила выложить все карты на стол, — я не поеду летом в Томск, а останусь тут.

— Ты знаешь, скорее всего так и будет, мне не дают отпуск летом, только зимой. Я поговорю с Галей.

— Правда? — Настя отпустила отца и встала перед ним. — Поговори, я не хочу ехать.

— Понял, ладно, Насть, я займусь вопросом, только чуть позже.

Они поужинали, потом Настя сделала уроки, сегодня с отцом, потому что он был дома, а Вера читала книжку Даньке, яркую с картинками. Потом вместе посмотрели мультфильмы и положили детей спать.

— Саша, если ты будешь продолжать так работать, то падешь как загнанная лошадь.

— Верочка, я ничего не могу поделать. Отгулы надо отрабатывать. Кстати, Юра просил тебя подойти.

— Зачем?

— Ты его пациентка, а он тебя больше не видел.

— Нет.

— Понял, так и передам. Хорошо, ты можешь подойти, тебя осмотрую я.

— Нет. Не вижу смысла. Мне неприятно даже мимо проходить, а ты предлагаешь... — она расплакалась.

— Надо жить дальше.

— Живи.

— Вера, ты не перегибаешь палку?

— Прости. Саша, я не знаю, что со мной происходит.

— Знаешь, очень хорошо знаешь. Если бы ты была своей пациенткой, что бы ты сказала?

— Надо жить дальше. Да, я бы сказала, что надо жить дальше. Саша, я потеряла точку опоры, понимаешь?

Он протянул ей руку.

— Держи. Вот твоя точка опоры. Вер, я осознаю, что живу на работе, но такая у меня работа. За те годы, что мы вместе, работа не поменялась, она всегда была такой и будет. Ты знаешь, ты все знаешь, почему ты мечешься из угла в угол, что ты ищешь?

— Тебя. Твоих слов, твоего одобрения, я знаю все, да, сама знаю. Для кого-то, но не для себя, а для себя я потерялась, и только ты можешь меня найти. Ты же тоже это все сам знаешь.

— Знаю. Только мне тоже нужна точка опоры.

Они молчали, он обнимал ее за плечи.

— Вера, нам всем пришлось нелегко, тебе больше, несравнимо, но все пережили. Даже Данька. Пусть он не понимает всего до конца, но он тоже переживал, и Настя.

— Она назвала меня мамой.

— Я слышал.

— И просила не умирать. Что дальше? Ты думал?

— Да. Ты пойдешь обследоваться и лечиться. Без халтуры, как следует, от и до. У нас на это уйдет от полугода до года. А потом мы будем беременеть снова. И вынашивать. Ты меня поняла?

— Ты уверен? У меня получится?

— Я уверен. У нас получится.

— Я хочу на работу. Но...

— Может, попросить маму оставаться с Данькой?

— Нет. Только не маму. У нас с Настей все налаживается, а она ломает тот хрупкий мир, который есть. Саша, мама не выход. Ты сам сколько сможешь терпеть ее присутствие?

— Ну да, ты права. А как быть?

— Я говорила с соседкой, тетей Соней из первой квартиры. Она просит сто долларов в месяц и продукты.

— Выход. Я подумаю, хорошо?

— Да.

— Ты договоришься на неделю сейчас. За несколько дней будет видно, как она следит за ним. А пока обследуешься. Если она справится, и мы выработаем план твоего оздоровления, то можешь выходить на работу.

— Я ездила сегодня на работу. Там тоже хорошего мало. Даулета посадили.

— Что?!

— ОБХСС. Его подставили, понимаешь, просто подставили.

— Понимаю. Вот потому и не беру денег у пациентов. Зарабатываю то, что зарабатываю. То, что в кассе дают, и тебя к тому же призывал всегда. А Олег?

— Говорит, пронесло, хотя его тоже таскали. Может, откупился.

— Ага, Олег откупился, а Даулет не смог. Кто заведует?

— Суле Абдрахмановна.

— Пипец!

— И я про то же. Защититься она мне не даст.

— Это жизненно необходимо?

— Я...

— Вера! Это амбиции и больше ничего. Кстати, насчет денег. Сегодня ко мне приходит Настина классная, просила сделать аборт. Я не стал. Больше часа убеждал ее рожать, или хотя бы подумать. Думал уговорил. А потом с операции вышел, она в процедурной лежит.

Юра сделал.

— Расстроился?

— Очень. Я надеялся, что одумается. Взрослая тетка, дочери пятнадцать, что не родить второго, и муж есть.

— А я сегодня санитарку встретила с приемного. Беременная, на вид месяцев семь. Я ее поздравила, а она мне в лицо рассмеялась, говорит, что беременность омолаживает организм, а рожать она не собирается, на следующей неделе пойдет прерывать. Искусственные роды будут. Я расстроилась, говорю: «Гуля, он же жизнеспособный, что ж ты делаешь?». А она утверждает, что у нее все рассчитано и схвачено. Никакого ребенка не будет. Представляешь?

— Врет твоя Гуля. Схвачено, конечно, только ей оформят мертворожденного, а кому-то живого, а Гуля с деньгами будет.

— Вскрытие должно быть.

— Вера, схвачено же. Пусть это будет на ее совести. Мы с тобой мир не исправим. Все, что можем, это родить своего. И родим.

— Обещаешь?

— Сделаю все возможное.

===== Быт =====

Вера вошла в приемный покой. Со вчерашнего дня она решила начать новую жизнь — с чистого листа. С чистого листа это, конечно, очень громко сказано. Муж остался прежним, дети тоже, даже место жительства не изменилось.

Что поменялось? Стрижка и цвет волос. Вот такие кардинальные изменения. А еще Данька был сдан на попечение соседки тети Сони. Он ее знал, доверял и остался у нее без всяких разговоров и слез, сказав ей только, что пора идти гулять и взять ведро и совочек. Он говорил уже достаточно хорошо. Можно даже сказать, изъяснялся почти свободно в свои неполные два года. Немного коверкал слова, не выговаривал часть букв. Но тараторил без умолку, все что-то рассказывал, иногда отвечал сам себе, но говорил и говорил.

Настя еще не пришла из школы. Ей были выданы свои ключи от квартиры и сказано, что она почти взрослая и самостоятельная. К матери она не ездила и звонила ей по телефону очень редко. Скорее, та ей звонила. Прошло долгих три месяца, пока Вера пришла в себя и смогла подумать о том, что жизнь не кончилась. На работу она выходила через две недели. А пока еще тепло и время есть, решила пройти то обследование, на котором настаивал муж.

Вот к нему на работу она и пришла. Он дежурил, и рассчитав время сдачи смены, она появилась в приемном. За столом сидели двое, по всей видимости, сестра и санитарка. Санитарка пожилая, но явно шустрая и языкатая, а сестра как сестра.

— Вы к кому? — не здороваясь спросила санитарка.

— К Романову. Мы договаривались.

— Посидите, он на планерке. С полчаса подождать придется.

Вера села на кушетку недалеко от поста. А те за столом заговорили про Романова.

— Баба Катя, а правду говорят, что Александр Александрович на сифилитичке женился?

— Правду. Мне моя предшественница рассказывала. Она поступила с криминальным абортom и сифилисом, а он увидел, влюбился и женился.

— Во дурак! А мне он нравился... Такой мужчина интересный, и руки золотые. Я перед ним и так, и эдак, а он никакого внимания. Это потому, что после сифилиса нельзя, да?

— Ты что? У нее был сифилис, а не у него. Он вылечил ее сначала, потом женился. Мальчишка на фото у него под стеклом. Видела?

— Видела. Такой мужчина, а влип-то как.

Вера встала и вышла на улицу, смеяться в голос при них не хотелось. Порадовалась, что тушь на ресницах не течет от слез, потому что смех без слез не бывает. Решила, что все расскажет мужу. Приняла серьезный вид и вернулась в приемный. А там все та же компания продолжала мыть кости ее Саше.

— А про его роман с Таней знаешь? — говорила баба Катя, с заговорщицким видом.

— Все-таки роман? Я думала так, болтают просто.

— Не просто. Дыма без огня, моя милая, не бывает. Сама слышала, как он старшую сестру просил ставить дежурства им вместе.

— Вот гадина, прибрала мужика! — сестричка зло хлопнула ладошкой по столу.

— Мух бьем? — спросил Саша, приближаясь к ним и улыбаясь, и подмигивая Вере.

— Да я так, Александр Александрович, — сестричка залилась краской.

Он прошел мимо, не обратив на них никакого внимания.

— Вераш, давно ждешь? — спросил и поцеловал жену в губы.

— Нет, Саша, но тут было удивительно интересно.

Он просто махнул рукой.

— Пойдем, я просил меня не трогать часа два, так что мы все успеем.

Когда они проходили мимо поста, он остановился и произнес:

— Познакомьтесь, моя жена Вера Юрьевна — врач дерматовенеролог. Баба Катя запомните. И за сплетни получите выговор, премии лишитесь, ясно?

— Ты в курсе?

— Конечно. Вераш, и про сифилис, и про роман с сестрой Татьяной. Сейчас Татьяна у тебя кровь возьмет на что только можно. Потому что с твоими тонкими и скользкими венами только она и справится. В этом весь роман. С ней работать удобно. Единственная толковая сестра, которая не попой крутит, а пашет. Ты поверила в то, что у меня роман?

— Нет, не поверила. При твоём графике работы у тебя романов скоро вообще не будет. Только фамилия останется.

Он рассмеялся.

А потом действительно протащил ее по всем диагностическим кабинетам. И УЗИ, и кардиограммы, и МРТ, и хирурги, и нефрологи, и невропатологи, кого только они не посетили. Через два часа непрерывного хождения из кабинета в кабинет Вера просто взвыла.

— Саша, я больше не могу.

— Один врач остался.

— Кто? Все специалисты кончились.

— Гинеколог. Ты забыла, что ты женщина.

— Ты сомневаешься, что я здорова?

— Нет, но рубец на матке посмотреть надо.

К приходу мужа с работы Вера с Настей налепили пельменей. Но он есть не стал. Лег и уснул, и проспал до самого утра. Вере кое-как удалось не пускать в комнату сына, чтобы не разбудил. Утром она сварила ему кофе и поджарила яичницу.

— Саша, давай решим вопиющий вопрос в нашей семье.

— Что у нас вопит?

— Твоя работа. Ты даже не ешь, вон штаны падают, похудел как.

— Что ты предлагаешь?

— Я выхожу на работу, а ты ищешь место поспокойнее.

— Роддом или женская консультация? В консультацию я не пойду, я писать не умею.

— Безграмотный?

— Не то слово. Веращ, серьезно, не мое это.

— А роддом ничем не лучше гинекологии... — Вера только пожала плечами.

— Ага, только сроки другие.

— То есть просить тебя меньше работать бесполезно? — она все равно пыталась настоять на своем.

— Я постараюсь. Мы вчера составили план твоего лечения, сегодня все куплю.

— Саша, может, на кафедру? Давай прозондируем почву.

— Вера, вчера сняли твою директрису. Ей дали почетного директора института и проводили на пенсию. Ты была ее человеком. К чему ты придешь — неизвестно. Заведующая тебя терпеть не может, как женщина женщину. Защититься она тебе не даст. Новый шеф — темная лошадка. Но представляешь, кто он, если он скинул Зуру. У тебя на работе все сложно. Я говорю, как есть, так что работать я пока буду в том же графике. Нам нужно есть, пить и одеваться. Детей учить надо. Нужны деньги. Вопросы есть?

— Нет. Я выхожу на работу.

— Хорошо, ты выходишь на работу. А дальше — по обстоятельствам.

Она действительно вышла на работу через неделю. Первым делом пришлось знакомиться с новым директором. Нет, он не понравился. Обыкновенный профессор. Не было у него ни шарма, ни манер, ни представительности.

Заведующая тоже встретила ее не самым радушным образом. Женские палаты ей вести не дали. Оставили только мужские.

Единственный, кто был ей рад, так это Олег Михайлович. Миша, как выяснилось, тоже собирался увольняться: ему предложили место заведующего отделом в представительстве ООН в отделе по борьбе со СПИДом.

Олег выложил все. Все стоящие сотрудники бежали как крысы с тонущего корабля. Еще была введена хитроумная система поборов с врачей новой администрацией. Если ты имел свою клиентуру, то должен был платить триста баксов в месяц. Ну и заведующей соответственно баксов сто. Итого — четыреста долларов в месяц нужно отдать. Это вдвое больше оклада.

Вера расстроилась. За два года, с тех пор как родился Данька, клиентура сошла к нулю. Во-первых, негде принимать больных, во-вторых, тащить всю грязь в дом, где живут двое детей, — это абсурд.

Во так она поняла, что жить придется на одну зарплату. Это не радовало. Категории у нее нет, она научный сотрудник. А работникам науки категория не полагалась.

На работу вышла, только доход минимальный. Никакой от нее помощи. Еще сняли все надбавки. И за вредность, и за работу с инфекционными заболеваниями, и за категорию института. То есть наличными выходило как у начинающего врача.

Саша только руками развел. Подработку искать запретил, в доме должна быть хозяйка. И продолжал работать как работал.

===== Решение проблем =====

— Верочка, что-то мы творим с тобой не то, — Саша пил чай на кухне, дети спали. Поговорить под душам можно было только ночью, не при детях же. Но Саша с Верой так

устанавливали, что засыпали, как только Данька закрывал глаза.

— Что не то?

— С работой не то. У тебя плохо так, что до зубной боли. У меня тоже, готов из операционной не выходить, лишь бы никого не видеть. Копим негатив на работе, несем домой, а дома сидим друг друга и молчим. А в результате ты молчишь о своем одна, и тебе плохо от этого, а я молчу о своем тоже один, и мне плохо. Мы же вместе, а поговорить не с кем.

— Саш, ты мои мысли в слова облек. Ты прав, как всегда прав. Но выхода я не вижу. Я должна работать.

— Для того чтобы меньше работал я. Я понимаю твою мотивацию, но решать надо и с твоей работой, и с моей.

— Говори, начнем с тебя.

— Я не могу ужиться с Юрой. Нет, мы не конфликтуем. Вроде мир. И как врач он у меня вопросов не вызывает, и руки у него хорошие, и голова на месте. Только подход у нас разный. Бесит меня это.

— То есть ты точно понимаешь, что с ним работать не можешь?

— Вера, я не подарок, у меня тяжелый характер, если уйду, ты думаешь, меня на другом месте терпеть будут? Там я буду чужак, и я должен прогнуться.

— Ты не умеешь прогибаться, Саша. Но варианты искать надо.

— Надо. Я киплю помаленьку, и пар копится, а взорвусь — мало не покажется.

— Давай на кафедру сходим, поговорим.

— Это не моя кафедра, я тут не учился, они меня не знают.

— А мы просто в гости.

— Хорошо. Что у тебя?

— Выживают, просто выживают. Я отказалась платить. Теперь у меня лежат те пациенты, с кого взять просто нечего. Зато они тематические. Все мои призывы по выявлению контактов не слышат, партнеров лечить не собираются. Сейчас принцип другой, вколол антибиотик и пошел на...

— Не матерись, тебе не идет. Даулета выпустили?

— Да. Я его видела, он даже не поздоровался, он никакой. Олег молчит, пашет и думает ехать в Германию насовсем. Но самое неприятное, у меня нет категории, понимаешь, а без категории — я начинающий врач. У меня диссертация почти готова, я же на уровне интернов. С заведующей контры. У нее есть кандидаты на мое место, которые будут платить. А я не буду, принципиально не буду.

— Уходи, может, в частном центре что найдешь.

— А если не найду?

— Да я уже думал, вот останемся мы оба без работы, на что жить будем? Мы, кроме того как людей лечить, ничего не умеем. Надо машину взять, таксовать попробую.

— Давай возьмем, хоть какая-то страховка на крайний случай. А ты водить умеешь?

— Водить не умею, но права у меня есть, я купил.

— Права купил, машину купил, ездить — не купил.

— Что-то вроде. Вер, нужна машина.

— Хорошо. Купим машину.

Дальше они радостно обсуждали марку машины и то, как будут всей семьей выезжать за город, и купят дачу, где ничего сажать съестного не будут, а просто станут отдыхать на

свежем воздухе. И размечтались так, что потом сами удивились: ну прям как дети малые.

Машину поехали выбирать всей семьей. На авторынке народу — не протолкнуться, и цены удивили. Только совсем не в радостную сторону. На приличную машину им точно не хватит, только на жигули. Покупать жигули не хотелось, а потому решили отложить покупку на неделю и взять консультанта, который в машинах разбирается. Потому что Вера с Настей смотрели на цвет и на обивку сидений, Данька просто радовался и прыгал, пока не притомился и не уснул на руках у отца.

Машину не купили, поели шашлык в забегаловке. Совершенно непонятно почему, но самый вкусный шашлык был на авторынке. День явно удался. Домой вернулись счастливые.

Около самого дома Веру окликнул женский голос:

— Вера Морозова.

Вера обернулась и встретила с доцентом Патрушевой, которая вела ее группу на кафедре акушерства-гинекологии.

— Добрый день, Людмила Семеновна.

— Я смотрю: ты, не ты. Изменилась сильно. Но узнаваема, любимых студентов забыть трудно. Твоя семья?

— Да. Муж — Александр Романов, дети Настя и Даня.

— Так Вы из скорой?

— Да.

— Тот самый Романов, который как заноза в заднице, по словам Юры.

— Видимо так. Вера, ты тут, а я с детьми домой, чайник поставлю.

— Вот и Юра говорит, что больно ершистый. Погодите Вы. Защититься не хотите? Материала у вас должно хватить. А нам аспирант нужен, два года — и вы кандидат наук, а может, раньше. Коллектив в основном женский, любить вас будут.

Саша выглядел слегка ошалевшим.

— Простите, Вы хотите взять в аспирантуру «занозу в заднице»?

— Хочу толкового врача. Подходите завтра в два. Я предупрежу Юру, он Вас отпустит. Я буду ждать.

— Я подойду, — совершенно серьезно сказал Саша.

Дома они с Верой этот вопрос не обсуждали. Только утром, когда сдали Даньку тете Соне, Вера спросила:

— На кафедру пойдешь?

— Да, конечно. Поговорим, а там видно будет.

Все мысли Веры были о предстоящем разговоре мужа. Часа в четыре она не выдержала и позвонила к нему в отделение, но Юрий Семенович сообщил, что тот ушел рано и не возвращался.

Всю дорогу домой в автобусе она только и думала, что там могло быть, почему не возвращался на работу.

Дома была только Настя, которая чистила картошку.

— Мама, я жареную хочу.

— Хорошо, давай пожарим, папа не приходил?

— Нет.

Дочистили картошку они вместе. Еле дождались папу, вернувшегося как никогда поздно.

— Саша, что? — Вера просто кинулась к нему навстречу.

— Я перехожу к ним. Очная аспирантура плюс ставка врача в роддоме в отделении патологии беременности. Плюс дежурства. По деньгам выходит очень неплохо. Нагрузка не меньше, чем была, но и не больше. Пока там буду отрабатывать, подниму истории. Тему мы с заведующей обговорили. Золотые горы не обещали, но Юры и ему подобных там нет. После защиты зарплата будет больше.

Вера улыбалась.

— Видишь, родная, от судьбы не уйдешь.

— Я картошку дожарила, сейчас сторит, пока вы там болтаете, — Настя возникла в дверях кухни руки в боки.

— Конечно, доченька.

Саша был счастлив, счастлив потому, что появилось решение, перспектива. Он оставался при любимом деле, вне которого себя не мыслил и не мог развиваться дальше. Пусть это не скорая, а роддом, но он на своем месте. Везде на своем месте: и дома, и на работе.

На душе стало тепло. И так захотелось картошки, и ужин в кругу семьи — то есть самых родных и любимых людей.

===== Эпилог =====

Прошло три года.

Саша работал на кафедре и в отделении. Он давно защитился. Коллектив его любил, было, конечно, всякое, но завистников особых не случилось. Он все так же много оперировал, вел больных и беременных, но чаще консультировал.

Настю Вера удочерила. Правда, пришлось отдать Гале достаточно круглую сумму денег за отказ от дочери и забыть надолго о машине. Но Вера с Сашей рассудили, что дочь гораздо важнее. А деньги — дело наживное.

Наталья Викторовна приходила в гости, учила жизни, периодически устраивала концерты, требуя повышенного внимания. И она получала внимания столько, сколько хотела. Потому что мать есть мать, а матерей не выбирают. Она любила сына и даже сноху, но как-то очень по-своему. Она и внуков любила на расстоянии, не утруждаясь заботой о них. Видимо, больше всего на свете она любила только себя. И перед собой, горячо любимой, все казались слишком мелкими и незначительными.

Вера ушла из института, и не потому, что перешла на другое место работы, а только потому, что у них с Сашей родились близнецы. Совершенно очаровательные мальчик и девочка. На семейном совете Саша постановил, что ее задача — воспитывать детей. А она с ним полностью согласилась.

Вот так и закончилась эта история переплетения жизней и судеб. Ведь у каждого человека своя судьба, но она неразрывно связана с окружающими, с их судьбами и их жизнями. Мы не свободны в своем выборе пути, всегда зависимы от обстоятельств, от других соприкасающихся с нами людей. Очень зависимы от тех, кого любим. Боимся вызвать недовольство, причинить боль. Порою мы перестаем быть собой, подчиняясь чужой воле, и часто делаем это совершенно сознательно, а иногда воюем с «ветряными мельницами». Никто не знает, как жить правильно и что такое — правильно жить. Мы совершаем ошибки, жалеем о содеянном, пытаемся исправить и получаем нечто еще худшее, чем-то, что было. А как часто мы принимаем за любовь лишь увлечение и подобие любви и пытаемся построить свою судьбу на псевдочувстве! Как нужно? А кто его знает, как нужно?.. Может быть, судьба дается свыше? Не знаю. Иногда кажется, что люди живут как в лабиринте, все время ищут

выход, натываются на тупики, но продолжают искать... Главное — не расслабляться, не плыть по течению, а бороться. С обстоятельствами, с врагами и даже со смертью... Только тогда можно получить награду. Какую? Да людей, судьбы которых будут связаны с твоей. Которые подставят плечо и подадут руку, когда ты споткнешься. А разве не в этом смысл жизни?

А герои — пусть они будут счастливы, мои герои.

Больше книг на сайте - Knigolub.net